
Россия, Русь! Храни себя, храни!

5-6
2016

Союз писателей России

Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал

Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Семён ФОМИН. Основы нашей Победы	3
Лев КРИШТАПОВИЧ. Белорусский путь — вместе с Россией	68
Леонид ИВАШОВ. Правительство или похоронная команда?	114
Виктор ЧЕРНЫШЁВ. Радикализация ислама в современном мире	123

ПРОЗА

Александр МОЖАЕВ. Последний нонешний денёчек. Повесть	27
Камиль ЗИГАНШИН. Два рассказа	91
Андрей РАСТВОРЦЕВ. Два рассказа	135
Дмитрий ВОРОНИН. Крохобор. Рассказ	147

ПОЭЗИЯ

Михаил АНИЩЕНКО. Как любовь и разлука. Стихи	60
Николай БЕСЕДИН. Третья чаша. Стихи	106
Владимир БАШУНОВ. Взгляд из вечности. Стихи	154
Борис БУРМИСТРОВ. Новый день ожидая. Стихи	161

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Алексей ФЕДОТОВ. **Английские основания
возвышения Гитлера** 168

РУССКИЙ МИР

Богдан САМОЕНКО, Николай ПРЕОБРАЖЕНЦЕВ.
Всё это русские люди... 176
Лев ГОРЕЛИКОВ. **Русский мир и глобальный социум** 183
Галина ЧУДИНОВА. **Какой должна стать будущая Россия** 193

СИМВОЛ ВЕРЫ

Виктор САУЛКИН. **Вместо «перестроек» и революций** 198
Владимир СМЫК. **Слава. Честь. Власть** 210

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

Ольга ЧЕТВЕРИКОВА. **За реформой образования РФ
стоят спецслужбы США** 223
Леонид СИМОНОВИЧ-НИКШИЧ. **Мученица
Анастасия** 234
Людмила РЯБИЧЕНКО. **Якобы посмертное донорство...** 236

НАЦИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Всеволод ТРОИЦКИЙ. **Ожидание подвига** 243

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

Владимир ЮДИН. **Он унёс в сердце Россию** 255

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Юрий ПАХОМОВ. **На южном берегу Белого моря** 270

ИСКУССТВО

Нина БОЙКО. **Рассказы о русских художниках** 278

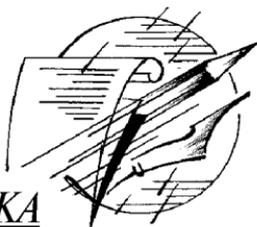
НАШЕ ИНТЕРВЬЮ

Валерий ХАТЮШИН. **Ответы на вопросы проекта
«Журнальная Россия»** 285

ОСНОВЫ НАШЕЙ ПОБЕДЫ

Великая Отечественная война началась для Советского Союза с тяжелого поражения по объективным причинам. Немецкая армия вторжения насчитывала 5,5 млн. человек, около 4300 танков и штурмовых орудий, 4980 боевых самолетов, 47 200 орудий и минометов. В первом эшелоне немецко-фашистских войск было развернуто 103 дивизии, в том числе 12 танковых. В первом эшелоне советских армий прикрытия находилось 56 дивизий. 22 июня 1941 г., подвергшиеся внезапному нападению, советские войска отражали вдвое превосходящие силы врага, а на ряде направлений — даже в четыре раза.

Несмотря на то что по общему количеству танков и самолетов СССР, на момент нападения, превосходил Германию, это превосходство, в результате необъявленного нападения, не было реализовано. (В июне 1941 года у Советского Союза имелось — танков свыше 20 тыс. единиц, боевых самолетов — около 22 тыс.) Только за одни сутки, 22 июня, на подвергшихся внезапному удару 66 приграничных аэродромах, на земле, было потеряно около 800 самолетов. Танковые части, оторванные по разным причинам от баз снабжения, теря-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

ли боеспособность из-за отсутствия топлива и боеприпасов, подвергались массированным ударам с воздуха. Все это привело к тому, что соотношение сил на советско-германском фронте еще более изменилось в пользу противника.

В результате поражений в кровопролитных боях на границе советские войска были вынуждены отступить в глубь страны. Началась стратегическая оборона на всем фронте. В середине июля из 170 дивизий Красной Армии 28 вышли из строя, а свыше 70 лишились половины состава. Общие наши потери только в дивизиях без учета частей усиления и боевого обеспечения за это время составили около 850 тыс. человек, до 6 тыс. танков, не менее 6,5 тыс. орудий калибра 76 мм и выше, более 3 тыс. противотанковых орудий, около 12 тыс. минометов, а также около 3,5 тыс. самолетов. На оккупированной территории осталось около 200 складов с горючим, боеприпасами и вооружением.

Противник потерял около 100 тыс. солдат и офицеров, более 1700 танков и штурмовых орудий и 950 самолетов.

К декабрю 1941 года наши потери оружия и боеприпасов составили 75% всего их наличия к началу гитлеровской агрессии. По немецким данным, на 1 декабря 1941 г. число уничтоженных или захваченных советских танков составило 21 391, орудий — 32 541, самолетов — 17 332.

В результате оккупации СССР (1941—1944 гг.) была утрачена территория, на которой проживало 45% населения, добывалось 63% угля, производилось 68% чугуна, 50% стали и 60% алюминия, 38% зерна, 84% сахара и т. д.

В результате боевых действий были полностью или частично разрушены 1710 городов и городских поселков (60% их общего числа), свыше 70 тыс. сел и деревень, около 32 тыс. промышленных предприятий (захватчики уничтожили производственные мощности по выплавке 60% довоенного объема стали, 70% добычи угля, 40% добычи нефти и газа и т.д.), 65 тыс. километров железных дорог, 25 млн. человек лишились крова.

Колоссальнейший ущерб агрессоры нанесли сельскому хозяйству Советского Союза. Было разорено 100 тыс. колхозов и совхозов, зарезано или угнано в Германию 7 млн. лошадей, 17 млн. голов крупного рогатого скота, 20 млн. свиней, 27 млн. голов овец и коз. Таких потерь не выдержала бы ни одна страна в мире.

За счет чего же нашей стране все-таки удалось выстоять и победить?

Создание мощной промышленной базы и сильной армии

С момента своего основания Советский Союз всячески стремился стать самодостаточной, экономически независи-

мой страной. Только такой подход, с одной стороны, способствовал проведению государством самостоятельной внешней и внутренней политики и позволял вести переговоры с любыми партнерами и по любым вопросам на равных, а с другой — укреплял обороноспособность, повышал материальный и культурный уровень населения. Определяющую роль в достижении данных целей играла индустриализация. Именно на нее были направлены основные усилия, тратились силы и ресурсы. При этом удалось добиться значительных результатов. Так, если в 1928 году на производство средств производства (промышленность группы «А») в СССР приходилось 39,5% валовой продукции всей промышленности, то в 1940 году этот показатель достигал уже 61,2%.

Справка. В 1928 году в Красной Армии было 92 танка и 300 тракторов-тягачей. Боевых самолетов почти не было. Франция имела в тот момент 6 тысяч самолетов.

С 1925 по 1938 год был создан целый ряд передовых отраслей экономики, выпускавших технически сложную продукцию (в том числе оборонного значения). Получали дальнейшее развитие (реконструировались и расширялись) и старые предприятия. Менялась их изношенная и устаревшая материально-техническая база производства. При этом не просто на место одних станков устанавливались другие. Внедрять старались все самое современное и инновационное на тот момент (конвейеры, поточные линии с минимальным количеством ручных операций), повышали энерговооруженность производств. Например, на сталинградском заводе «Баррикады» впервые в СССР была пущена конвейерная система и первая в мире автоматическая линия из агрегатных станков и полуавтоматов.

С целью промышленного освоения восточных районов страны и союзных республик наиболее значимые предприятия тиражировались — дублирующее оборудование и часть работников (в основном инженерно-технического звена) привлекалась для организации и налаживания производств на новом месте. При этом учитывалось максимальное вынесение хозяйственных объектов за пределы радиуса действия бомбардировочной авиации потенциального противника.

Справка. В третьей пятилетке в восточных районах СССР строилось 97 предприятий, в том числе 38 машиностроительных. В 1938—1941 гг. Восточная Сибирь получала 3,5% союзных капиталовложений, Западная Сибирь — 4%, Дальний Восток — 7,6%. Урал и Западная Сибирь заняли первое место в СССР по производству алюминия, магния, меди, никеля, цинка, а Дальний Восток и Восточная Сибирь — по производству

редких металлов. В 1936 году только Урало-Кузнецкий комплекс давал около 1/3 выплавки чугуна, стали и производства проката, 1/4 добычи железной руды, почти 1/3 добычи угля и около 10% продукции машиностроения. На территории наиболее заселенной и хозяйственно освоенной части Сибири к июню 1941 года насчитывалось более 3100 крупных промышленных предприятий, а уральская энергосистема превратилась в самую мощную в стране.

На отдельных гражданских предприятиях создавались резервные мощности для выпуска военной продукции. На этих специализированных участках и в цехах в предвоенные годы отработывалась технология и осваивался выпуск военной продукции.

В годы первых пятилеток были разведаны и начали промышленно осваиваться гигантские месторождения полезных ископаемых, которыми располагала страна. При этом ресурсы не только широко использовались в производстве, но и накапливались.

Благодаря использованию плановой системы хозяйствования удалось, во-первых, наиболее оптимально с точки зрения различных затрат, а во-вторых, наиболее выгодно с точки зрения достижения результатов не только разместить значимые производственные мощности, но и создать целые промышленные районы. В 1938—1940 гг. в Госплане СССР составлялись обзоры о выполнении планов по экономическим районам, о ликвидации нерациональных и чрезмерно дальних перевозок, разрабатывались и анализировались районные балансы (топливно-энергетический, материальные, производственных мощностей, транспортный), составлялись планы по кооперированию поставок в территориальном разрезе, изучались крупные районно-комплексные схемы.

Ставя перед собой задачи превращения страны в передовую, промышленно развитую державу, руководство государства ускоренными темпами осуществляло переход к преимущественно урбанизированному укладу жизни (не только в крупных городах, но и в сельской местности, учитывая, что более 65% населения проживало именно там) с созданием современной системы социальной инфраструктуры (образование, подготовка кадров, здравоохранение, радиофикация, телефонизация и т. п.), соответствующей требованиям индустриально организованного труда.

Все это позволило СССР обеспечить в предвоенные годы высокие темпы экономического развития.

Справка. С 1928 по 1941 год в СССР было построено около 9 тысяч крупных промышленных предприятий.

В 1940 году по сравнению с 1913-м валовая продукция промышленности увеличилась в 12 раз, производство электроэнергии — в 24, добыча нефти — в 3, добыча чугуна — в 3,5, стали — в 4,3 раза, выпуск станков всех видов — в 35 раз, в том числе металлорежущих — в 32 раза. Автомобильный парк страны к июню 1941 года вырос до 1 млн. 100 тыс. машин.

В 1940 году колхозами и совхозами государству было сдано 36,4 млн. тонн зерна, что позволило не только полностью обеспечить внутренние потребности страны, но и создать резервы. При этом значительно расширилось производство зерна на востоке страны (Урал, Сибирь, Дальний Восток) и в Казахстане.

Усиленно росла оборонная промышленность. Темпы роста военного производства в годы второй пятилетки составили 286% по сравнению со 120% роста промышленного производства в целом. Среднегодовой темп роста оборонной промышленности за 1938 — 1940 гг. составил 141,5% вместо 127,3%, предусмотренных третьим пятилетним планом.

С 1939 года стали создавать стратегические резервы на случай войны. Так, запасы продовольствия могли удовлетворить шестимесячную потребность Вооруженных сил. За последние полтора года перед войной общая стоимость материальных резервов возросла почти в два раза (с 4 до 7,6 млрд. руб.)

Справка. 18 сентября 1940 года новый нарком обороны Тимошенко, назначенный вместо Ворошилова, представил Сталину доклад «Об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на Западе и на Востоке на 1940 и 1941 гг.». В войне на два фронта (Германия и Япония) СССР мог выставить 280—290 дивизий, 11 750 танков, 30 тысяч полевых орудий, 18 тысяч самолетов.

Численность Советских Вооруженных Сил увеличилась с 1,4 млн. человек в 1937 г. До 5 млн. человек к началу войны. За два предвоенных года было сформировано 125 новых дивизий, почти удвоено количество авиационных полков, за три года в строй вступило свыше 265 новых боевых кораблей и катеров.

В итоге к началу войны Советский Союз превратился в страну, способную производить любой вид промышленной продукции, доступной в то время человечеству.

Создание действенной властной структуры

Перестройка всей жизни страны на военный лад началась с первых дней войны. 23 июня 1941 г. была образована Ставка Верховного Главнокомандования, призванная осуществлять высшее стратегическое руководство вооруженными силами.

29 июня 1941 г. была принята Директива Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям прифронтовых областей, в которой со всей определенностью говорилось об опасности, нависшей над нашей страной, и намечался ряд первоочередных задач по перестройке хозяйства на военный лад. Для руководства государством в условиях войны была реорганизована система управления. 30 июня 1941 г. был образован чрезвычайный высший государственный орган СССР — Государственный Комитет Оборона (ГКО), сосредоточивший в своих руках всю полноту власти. ГКО руководил деятельностью всех государственных ведомств и учреждений. Партийные, государственные, военные, хозяйственные и профсоюзные органы были обязаны выполнять его решения. ГКО ставил перед Вооруженными Силами военно-политические задачи, руководил борьбой народа в тылу врага. Стратегическое руководство вооруженной борьбой ГКО осуществлял через Ставку Верховного Главнокомандования.

В ночь с 22 на 23 июня была образована Ставка Главного Командования Вооруженных Сил СССР в составе наркома обороны маршала С. К. Тимошенко (председатель), начальника Генштаба генерала армии Г.К. Жукова, И.В. Сталина, В.М. Молотова, маршалов К.Е. Ворошилова, С.М. Буденного, наркома ВМФ адмирала флота Н.Г. Кузнецова. При Ставке создавалась группа постоянных советников из наиболее опытных государственных и военных деятелей.

Чтобы еще больше поднять авторитет Ставки и расширить ее права, повысить оперативность в управлении войсками действующей армии, 10 июля 1941 г. она была преобразована в Ставку Верховного Командования. В ее состав вошли И.В. Сталин (председатель), В.М. Молотов, С.К. Тимошенко, С.М. Буденный, К.Е. Ворошилов, Б.М. Шапошников и Г.К. Жуков. Через месяц (8 августа) И. В. Сталин был назначен Верховным Главнокомандующим и соответственно Ставка стала называться Ставкой Верховного Главнокомандования (СВГК). В дальнейшем в состав СВГК включались или выводились из нее отдельные лица. И только в конце войны (17 февраля 1945 г.) Государственный Комитет Оборона еще раз объявил состав высшего органа стратегического руководства: И.В. Сталин (Верховный Главнокомандующий), Г.К. Жуков (заместитель Верховного Главнокомандующего), А.М. Василевский, А.И. Антонов, Н.А. Булганин, Н.Г. Кузнецов.

Ставка ВГК являлась органом верховной военной власти и непосредственно руководила фронтами, флотами, авиацией дальнего действия. Она ставила им задачи, утверждала планы операций, распределяла людские и материальные ре-

сурсы, занималась подготовкой стратегических резервов и определяла способы их использования, подбирала и расставляла командующих фронтами и армиями. Ставка организовывала взаимодействие фронтов, флотов, авиации и координировала их действия в ходе операций.

Основным оперативным рабочим органом Ставки ВГК по планированию и руководству Вооруженными Силами на фронтах был Генеральный штаб, который последовательно возглавляли выдающиеся военачальники Г.К. Жуков, Б.М. Шапошников, А.М. Василевский, А.И. Антонов. Генеральный штаб собирал и анализировал сведения об обстановке на фронтах, готовил Ставке предложения и на основе ее решений разрабатывал планы кампаний и операций. Особое внимание уделялось поддержанию постоянной связи с командованием фронтов, флотов и их штабами, а также организации контроля за выполнением войсками директив и распоряжений Верховного Главнокомандования.

В работе Ставки ВГК большую роль играло Главное управление Тыла вооруженных сил (генерал А.В. Хрулев), которое принимало от промышленности и обеспечивало подвоз войскам материальных средств борьбы, а также Главное управление формирования и укомплектования войск (генерал Е.А. Щаденко), готовившее резервы пополнения для сухопутных войск.

В начале войны, когда обстановка быстро менялась, а связь с фронтами часто нарушалась, были созданы главные командования направлений (Северо-Западного, Западного, Юго-Западного, Северо-Кавказского). Однако той роли, которая отводилась им в руководстве фронтами, они не сыграли. По мере того как обстановка на фронте все более стабилизировалась и связь Ставки с фронтами становилась все более устойчивой, главные командования направлений были упразднены. Ставка ВГК постоянно стремилась непосредственно руководить боевой деятельностью фронтов и флотов. Верховный Главнокомандующий путем переговоров по телеграфу, а затем по телефону ВЧ общался с командующими фронтами и армиями. Принятые Ставкой ВГК решения доводились до исполнителей в виде директив, подписанных Верховным Главнокомандующим и начальником Генерального штаба. Приказания и распоряжения по частным вопросам отдавались от имени Ставки ВГК и подписывались заместителем Верховного Главнокомандующего или начальником Генерального штаба.

Сложность руководства деятельностью большого количества фронтов (11 фронтов, 2 фронта ПВО, 4 флота, авиация

дальнего действия, отдельные армии и флотилии), особенно при одновременном проведении нескольких операций, заставила Ставку ВГК прибегнуть к посылке на фронты своих ответственных представителей для контроля и помощи в организации и ведении операций. Это были высококвалифицированные, авторитетные военачальники, способные самостоятельно решать на месте вопросы, возникающие при реализации замыслов Ставки. Наиболее часто в качестве представителей Ставки ВГК выезжали Г.К. Жуков, А.М. Василевский, К.Е. Ворошилов, С.К. Тимошенко, А.А. Новиков, Н.Г. Кузнецов, Н.Н. Воронов. Институт представителей Ставки был ликвидирован в 1944—1945 г., когда устойчивость и оперативность руководства фронтами и флотами из Москвы оказалась вполне обеспеченной.

Заслуга Ставки Верховного Главнокомандования и Генштаба состоит в том, что они были способны производить конкретные расчеты сил и средств для стратегических операций и кампаний, могли предсказывать их ход и завершение.

Всю войну Верховным Главнокомандующим был И.В. Сталин. Заместитель (с 26 августа 1942 г.) Верховного Главнокомандующего Г.К. Жуков считает, что он владел основными принципами организации стратегических операций и руководил ими со знанием дела; разбирался в строительстве вооруженных сил и больших стратегических вопросах: «Несомненно, он был достойным Верховным Главнокомандующим».

Г.К. Жуков утверждает, что советское военно-стратегическое руководство отвечало уровню развития военной техники и военного искусства: «В ходе войны наше Верховное Главнокомандование сумело за сравнительно короткий срок преодолеть огромные трудности, возникшие в начале войны, в результате чего Советские Вооруженные Силы отстояли Ленинград, разгромили немецко-фашистские войска под Москвой, Сталинградом, на Курской дуге, в Белоруссии и на Украине, вырвали у врага стратегическую инициативу, чтобы затем сокрушительными ударами довести войну до победного конца».

Вынужденный отход войск потребовал организовать эвакуацию из западных республик и областей промышленных предприятий, государственных запасов, имущества колхозов и совхозов, населения. Все это замедлило перевод экономики на военный лад, снизило темпы роста военного производства, сократило возможности формирования новых соединений и армий, создания резерва оружия и материальных средств.

Эвакуация промышленных предприятий на восток, трудовой героизм

Экономическая мобилизация и перевод хозяйственной жизни страны на военный лад проводились под ударами врага. В условиях негативного развития оперативной обстановки пришлось осуществлять эвакуацию огромного, беспрецедентного в истории количества техники, оборудования и людей в восточные районы страны и среднеазиатские республики. Только Уральский промышленный район принял около 700 крупных промышленных предприятий.

В 1942 г. производство военной продукции увеличилось на Урале по сравнению с 1940 г. более чем в 6 раз, в Западной Сибири — в 27, а в Поволжье — в 9 раз. А в целом за время войны промышленное производство в этих районах увеличилось более чем в 3 раза.

Справка. За первые полгода войны на восток страны было перебазировано 2593 промышленных предприятия (в том числе 1523 крупных) и свыше 10 млн. трудящихся.

Огромную роль как в успешной эвакуации и скорейшем налаживании выпуска продукции, минимизации трудо- и ресурсозатрат на ее производство, снижении себестоимости, так и в активном восстановительном процессе, начавшемся в 1943 году, сыграл Госплан СССР.

Начнем с того, что заводы и фабрики в чистое поле не вывозились, оборудование в овраги не сваливалось, и люди на произвол судьбы не бросались.

Учет в области промышленности осуществлялся во время войны в форме срочных переписей по оперативным программам. За 1941—1945 гг. было проведено 105 срочных переписей с предоставлением итогов правительству. Так, ЦСУ Госплана СССР проводило перепись промышленных предприятий и зданий, предназначенных для размещения эвакуированных заводов, учреждений и организаций. В восточных районах страны уточнялись расположение имеющихся предприятий относительно железнодорожных станций, водных пристаней, шоссейных дорог, количество подъездных путей, расстояние до ближайшей электростанции, мощность предприятий по производству основной продукции, узкие места, количество работников, объем валовой продукции. Сравнительно подробная характеристика давалась каждому зданию и возможностям использования производственных площадей. Исходя из этих данных давались рекомендации, указания, распоряжения и разверстка по наркоматам, отдельным

объектам, местному руководству, назначались ответственные, и все это жестко контролировалось.

В восстановительном процессе был применен поистине новаторский, не использовавшийся до этого ни в одной стране мира, комплексный подход. Госплан перешел на разработку квартальных и особенно месячных планов с учетом быстро меняющейся обстановки на фронтах. При этом восстановление начиналось буквально за спиной действующей армии. Оно происходило вплоть до прифронтовых районов, что не только способствовало ускоренному возрождению экономики и народного хозяйства страны, но и имело огромное значение для максимально быстрого и наименее затратного обеспечения фронта всем необходимым.

В августе 1941 года работники Днепровского металлургического завода (г. Днепродзержинск) и наиболее ценное оборудование было эвакуировано. Отступая, немецко-фашистские войска полностью разрушили завод. После освобождения Днепровского завода в октябре 1943-го начались восстановительные работы, и первая сталь была выдана уже 21 ноября, а первый прокат — 12 декабря 1943 года! К концу 1944 года на заводе работали уже две доменные и пять мартеновских печей, три прокатных стана.

Военная перестройка потребовала централизованного перераспределения трудовых ресурсов страны. Если в начале 1941 г. в стране насчитывалось более 31 млн. рабочих и служащих, то к концу 1941 г. их численность сократилась до 18,5 млн. человек. Для того чтобы обеспечить кадрами военную промышленность и связанные с ней отрасли, необходимо было рационально распределить оставшиеся трудовые ресурсы, вовлечь в производство новые слои населения. В этих целях уже 30 июня 1941 г. при Совнаркоме был образован Комитет по распределению рабочей силы.

В результате уже к январю 1942 г. в отрасли оборонной промышленности дополнительно было направлено более 120 тыс. человек.

Одновременно были введены обязательные сверхурочные работы и отменялись отпуска. Это позволило примерно на треть увеличить загрузку производственных мощностей, не увеличивая численности рабочих и служащих.

Несмотря на невероятные трудности, в годы войны советскими специалистами были достигнуты значительные успехи в области импортозамещения, технических решений, открытий и новаторских подходов к организации труда.

Так, например, было налажено производство многих ранее ввозившихся медицинских препаратов. Разработан но-

вый способ производства высокооктанового авиабензина. Создана мощная турбинная установка для получения жидкого кислорода. Усовершенствованы и изобретены новые станки-автоматы, получены новые сплавы и полимеры. При восстановлении «Азовстали» впервые в мировой практике доменная печь без демонтажа была передвинута с одного места на другое.

Проектные решения по восстановлению разрушенных городов и предприятий с использованием облегченных конструкций и местных материалов предложила Академия архитектуры. Всего просто невозможно перечислить.

Не забывали и про науку. В тяжелейшем 1942 году расходы АН СССР по госбюджетным ассигнованиям составляли 85 млн. рублей. В 1943-м академическая докторантура и аспирантура выросли до 997 человек (418 докторантов и 579 аспирантов).

В этот же период появилось патриотическое движение помощи фронту за счет покупки на личные сбережения боевой техники: танков, самолетов, артиллерийских установок и боевых кораблей.

Всего за годы Великой Отечественной войны труженики тыла купили на личные сбережения боевой техники на 118 млрд. рублей. И это при месячной заработной плате рабочего в 700 рублей.

Стойкость, мужество, самоотверженность

В начале войны, когда для нас складывалась критическая обстановка, первостепенной задачей армии и флота было остановить противника и выиграть время для перестройки народного хозяйства. И эта задача была выполнена.

На Западном направлении в двухмесячном Смоленском сражении было остановлено продвижение противника к Москве. В сентябре немецко-фашистские войска были остановлены у стен Ленинграда, где они впервые в ходе Второй мировой войны не смогли преодолеть оказанного сопротивления. Героическая оборона Киева, Одессы, Крыма и Донбасса сорвала замыслы гитлеровцев беспрепятственно продвигаться на юг.

Встретив упорное сопротивление, гитлеровцы вынуждены были прекратить наступление в Заполярье. Во всех этих жестоких оборонительных боях соединения Красной Армии и народного ополчения поддерживали флоты и флотилии. К концу сентября потери врага составили 552 тыс. человек и 1603 самолета. Но потери Советских Вооруженных Сил тоже

были велики. Военная промышленность не могла пока восполнить нанесенный урон в оружии и боевой технике.

Большие потери понесли флоты, особенно Краснознаменный Балтийский. В ходе обороны Прибалтики и Ленинграда, эвакуации гарнизонов Лиепая, Таллина, Ханко и др. было потеряно свыше 200 различных боевых кораблей и катеров, транспортных и вспомогательных судов. Однако на боевые возможности флота больше всего влияла потеря передовых баз.

К началу наступления на Москву (операция «Тайфун») противник превосходил советские войска в людях в 1,3 раза, в орудиях и минометах — в 1,9, в самолетах — в 2,1 раза. В полосе наступления это превосходство было еще более значительным. Октябрь и ноябрь были самыми критическими месяцами первой оборонительной кампании. Весь советский народ напряг силы, чтобы отстоять Москву. Государственный Комитет Обороны принял постановление о формировании десяти резервных армий. С 1 по 15 ноября Западный фронт получил пополнение: 100 тыс. воинов, 300 танков, 2 тыс. орудий.

В ходе ноябрьского наступления на Москву противник потерял более 155 тыс. человек, около 800 танков, 300 орудий и большое количество самолетов. 27—29 ноября, введя в сражение свежие резервы, советские войска стали теснить противника. Гитлеровцы уже не выдерживали контрударов, и инициатива перешла к советским войскам. «К началу декабря, — отмечал А.М. Василевский, — изменилось соотношение сил воюющих сторон. В составе нашей действующей армии было около 4,2 млн. человек, до 22,6 тыс. орудий и минометов, 583 установки реактивной артиллерии, 1954 танка и 2238 боевых самолетов. (Правда, почти две трети наших танков и до половины самолетов были старых типов). Вражеская армия (без ВМФ), включая союзников Германии, имела в то время около 4 млн. человек, 26,8 тыс. орудий и минометов, 1940 танков и штурмовых орудий и 3280 боевых самолетов.

Превосходство противника сохранялось в артиллерии и самолетах, но он уже уступал нам по количеству танков. Гораздо важнее то, что в начале декабря наше Верховное Главнокомандование располагало крупными стратегическими резервами, которые Ставка могла использовать для усиления действующей армии. Наличные резервы врага на советско-германском фронте были в основном израсходованы».

На направлениях намеченных ударов быстро и скрытно было создано небольшое превосходство в силах и средствах.

5—6 декабря войска Западного, Калининского и Юго-Западного фронтов перешли в решительное контрнаступление, оказавшееся неожиданным для врага. В результате его были разгромлены ударные группировки вермахта под Москвой. План «молниеносной войны» окончательно провалился.

Высокий оборонный потенциал страны

При планировании нападения на СССР германское командование допустило ряд стратегических ошибок и просчетов. Вот некоторые из них. Гитлер и его генералы допускали, что наша страна может мобилизовать 11—12 млн. человек, но были уверены, что из-за нехватки техники и командного состава будет мобилизовано не более 6,2 млн. человек. По их расчетам, в распоряжении советского командования могло быть не более 209 резервных дивизий. В действительности же до декабря 1941 г. в действующую армию влились 291 дивизия и 94 стрелковые бригады или 338 расчетных дивизий, в том числе 241 была сформирована вновь (наша стрелковая дивизия по штату имела меньше, чем немецкая пехотная дивизия: людей — в 1,5 раза, стрелкового оружия — в 1,4, орудий и минометов — в 2,1 раза). Генералы вермахта считали, что Красная Армия вооружена устаревшим оружием и боевой техникой, и были удивлены, встретив на поле боя танки Т-34 и КВ, новые типы истребителей, штурмовики Ил-2 и реактивную артиллерию («катюши»). Не учел противник и большие оперативные возможности советского флота для обороны.

Недооценила гитлеровская клика также сопротивление советских людей, оставшихся в тылу врага. К концу 1941 г. действовало около 2 тыс. партизанских отрядов. И хотя их действия еще не координировались с действиями фронтов, они наносили фашистским захватчикам чувствительные удары. Жители городов и сел срывали экономические и политические мероприятия оккупантов. На захваченной врагом территории вели работу 18 обкомов, более 260 окружкомов и других подпольных партийных органов. Оккупанты не рассчитывали встретить сопротивление всего народа.

Пять с половиной месяцев 1941 г. длилась оборонительная кампания Красной Армии, в ходе которой немецко-фашистские войска были обескровлены и затем разгромлены под Москвой.

На 1 января 1942 г. соотношение сил воюющих сторон оценивалось как примерно равное. Это обстоятельство, а также то, что в военных округах продолжалось формирование

новых соединений, давало Ставке ВГК основание для перехода к активным наступательным действиям и на других участках советско-германского фронта. Однако большой план общего наступления, как оказалось, не был обеспечен достаточными силами и материальными средствами. Многие из эвакуированных заводов находились еще на колесах или в стадии строительства. Текущее производство только наполовину удовлетворяло потребности фронта и новых резервных формирований. К середине февраля 1942 г. верховному командованию Германии в результате переброски свежих дивизий из Западной Европы удалось стабилизировать обстановку на фронте, и вермахт, прекратив отступление, избежал нависшей над ним катастрофы.

В ходе первой наступательной кампании Советских Вооруженных Сил зимой 1941/42 г. было разгромлено 50 дивизий противника, общие потери его сухопутных войск составили около 833 тыс. человек.

К весне 1942 г. на советско-германском фронте сохранялось примерное равновесие сил, и руководители «третьего рейха» задумались о дальнейшем ведении войны. Гитлер говорил своим приближенным, что «если ни одна из сторон не может решить спора вооруженной борьбой, то надо его решать иными средствами». Но для агрессора мирного выхода из войны уже не существовало. Логика событий диктовала гитлеровцам создание нового подавляющего превосходства над Красной Армией в силах и средствах для достижения прежних политических целей. Причем этого превосходства нужно было добиться до того, как Советский Союз сумеет значительно увеличить ударную мощь своей армии.

Принимая решение о повторном наступлении на советско-германском фронте, фашистское руководство учитывало сокращение военно-экономических возможностей СССР в связи с оккупацией его западных областей и незавершенностью перестройки народного хозяйства, неготовность США и Великобритании к вооруженной борьбе в Европе. Гитлеровцы надеялись во второй наступательной кампании вывести Советский Союз из борьбы, пока «война на два фронта не стала реальностью». В отличие от 1941 г. они рассчитывали в 1942 г. не только привести нашу страну к «военному краху», но и к ее «экономической катастрофе».

Почему Германии удалось к лету 1942 г. снова изменить соотношение сил в свою пользу и захватить стратегическую инициативу? Это стало возможным в связи с благоприятными условиями мобилизации экономических и военных ресурсов фашистского государства; способностью его выжать

максимальное количество сырья, военной продукции и войск из стран-сателлитов, а также оккупированных и зависимых государств. Короткие, не подверженные вооруженному воздействию внутри европейские коммуникации обеспечивали экономические перевозки, быструю доставку резервов к месту назначения. В Советском же Союзе весной 1942 г. еще продолжалась перестройка народного хозяйства. Из-за недостатка вооружения и технических средств формирование резервных армий задерживалось. Помощь Советскому Союзу со стороны Англии и США была незначительной и не шла в сравнение с вкладом в борьбу стран-союзниц фашистской Германии.

Соотношение сил весной 1942 г. для СССР ухудшилось также вследствие затянувшегося до марта—апреля наступления советских войск, когда были израсходованы ресурсы без значительного поражения врага. А.М. Василевский в связи с этим отмечал: «В ходе общего наступления зимой 1942 года советские войска истратили все с таким трудом созданные осенью и в начале зимы резервы. Поставленные задачи не удалось решить». Не оправдались надежды на истощение резервов Германии. С конца февраля немецко-фашистская оборона стабилизировалась, и противник расходовал ресурсов значительно меньше, чем наступавшие советские армии.

К маю 1942 г. в нашей действующей армии (без Войск ПВО и ВМФ) имелось 5,1 млн. человек, около 45 тыс. орудий и минометов, 3,9 тыс. танков и около 2,2 тыс. боевых самолетов. Немецко-фашистские войска на советско-германском фронте имели свыше 6 млн. человек, около 57 тыс. орудий и минометов, 3230 танков и штурмовых орудий и около 3400 боевых самолетов. Противник превосходил Красную Армию в личном составе, артиллерии, авиации. Советские войска имели несколько больше танков, часть из которых была устаревших конструкций. Германия производила больше снарядов и мин (в 1942 г. — на 15,2 млн. шт.). Такое соотношение сил позволяло Красной Армии вести успешную оборону при условии использования выгодных естественных рубежей и оборонительных сооружений. Однако в мае—июне развернулись встречные сражения под Любанью, Харьковом и в Крыму с неудачным для нас исходом. Соотношение сил резко изменилось в пользу противника, особенно на южном крыле фронта, где он сосредоточил свыше 90 дивизий. Советские же войска не успели получить пополнение и закрепиться на новых рубежах.

К июлю 1942 г. на советско-германском фронте Германия вместе со своими союзниками имела наибольшее за все вре-

мя войны количество дивизий — около 270, т.е. в 1,4 раза больше, чем в момент нападения на СССР. Численность вооруженных сил противника возросла на 700 тыс. человек — с 5,5 до 6,2 млн. человек. Повысилась и качество вооружения. Но созданное противником превосходство уже не было таким значительным, как в начале войны. Поэтому если летом 1941 г. активные наступательные действия врага охватывали три четверти общей протяженности фронта, то в 1942 г. — менее чем одну треть. Накануне своего главного наступления (конец июня 1942 г.) на южном крыле враг развернул 97 дивизий (900 тыс. человек, 1,2 тыс. танков и штурмовых орудий, более 17 тыс. орудий и минометов и 1640 боевых самолетов). Этим силам противостояли советские войска примерно с такой же численностью личного состава, но уступавшие противнику в орудиях и самолетах. На направлениях главных ударов группировки врага в 1,5—3 раза превосходили оборонявшиеся войска. Этим группировкам удалось продвигаться к Сталинграду и на Северный Кавказ. Однако военно-политические цели наступления не были достигнуты. Германия не получила кавказской нефти, не прорвалась на Средний Восток, не смогла изолировать Советский Союз от союзников. Связь стала осуществляться через арктические моря и Иран. Врагу не удалось также захватить Ленинград и повторить свое генеральное наступление на Москву.

В ходе оборонительной кампании 1942 г. Вооруженные Силы СССР истощили врага, потери которого составили около 1 млн. солдат и офицеров, свыше 20 тыс. орудий, 1,5 тыс. танков, более 4 тыс. самолетов. В течение лета и осени 1942 г. противник перебросил на советско-германский фронт еще 70 дивизий. Но и такое наращивание войск не смогло изменить ухудшавшегося для него соотношения сил. Армии фашистской Германии и ее союзников, израсходовав выделенные на кампанию ресурсы, в октябре 1942 г. снова (как и в декабре 1941 г.) были вынуждены перейти к стратегической обороне.

Превосходство социалистической экономической системы

Если в начале 1942 г. военное производство СССР еще уступало военному производству Германии, то во втором полугодии это соотношение изменилось. Всего за год СССР выпустил больше, чем Германия: самолетов — на 9701, танков — на 17 856, артиллерийских орудий — на 17 255 шт.

Как произошло, что СССР, производя меньше Германии электроэнергии в два раза (за 1940—1944 гг. в Советском

Союзе было выработано 195,9 млрд. кВт. ч., а в Германии 352,7 млрд. кВт. ч.), а угля и металла в четыре с лишним раза, мог изготовить оружия и боевой техники в 2—4 раза больше? Причина этого феноменального явления — в преимуществах социалистической экономической системы. Обладая высокой концентрацией промышленности, Советский Союз эффективно использовал ресурсы для обеспечения фронта. В военной промышленности резко возросла производительность труда.

Успехи руководимого партией советского народа позволили не только улучшить обеспечение армии оружием, техникой, боеприпасами, но и реорганизовать Красную Армию в соответствии с требованиями войны.

Весной 1942 г. начали формироваться воздушные и танковые армии. Появились авиация дальнего действия, инженерно-саперные бригады, противотанковые артиллерийские полки и артиллерийские дивизии прорыва, чего не было у противника. Дивизии переводились на новые штаты, в соответствии с которыми увеличилась их огневая мощь и ударная сила. В течение года было сформировано 50 новых и реформировано 67 стрелковых дивизий. Начали формироваться 3 гвардейские армии, которые отличались от обычных общевойсковых более сильным составом. Для прорыва обороны врага и развития наступления появились 4 танковые армии. Авиация фронтов была сведена в 13 воздушных армий.

Большое значение имела реорганизация войскового тыла. В повышении стойкости и боеспособности войск определенную роль сыграл приказ НКО от 28 июля 1942 г. № 227, широко известный как приказ «Ни шагу назад!». Выросло мастерство бойцов и всех звеньев командного состава. По всем показателям — технической оснащенности, организации, опыту — Красная Армия перестала уступать вермахту, а во многом и превзошла его.

Таким образом, соотношение сил между противоборствующими сторонами изменялось в результате уничтожения войск и боевой техники, а также формирования новых воинских соединений, насыщения действующей армии более совершенным оружием. Оно могло бы измениться также вследствие открытия союзниками Второго фронта или поставки в СССР крупных партий вооружения. Но, как известно, Второй фронт в Европе был открыт только в июне 1944 г., а поставки оружия и материалов в 1941—1942 гг. были незначительны.

Превосходство советского военного искусства

В течение лета и осени 1942 г. Советский Союз добился изменения соотношения сил на фронте в свою пользу. Флоты все чаще переносили свои усилия из прибрежной зоны на морские коммуникации. Профессиональное мастерство командных кадров повысилось. Эффективнее стали использоваться новейшее оружие и боевые технические средства. В октябре был упразднен институт военных комиссаров и установлено полное единоначалие. В новый этап вступила борьба партизан и подпольщиков, которая после образования в мае Центрального штаба партизанского движения стала более организованной, целенаправленной. Она, как правило, согласовывалась с действиями фронтов и армий (в 1943 г. против партизан действовало в общей сложности до 50 вражеских дивизий).

В целом вторая наступательная кампания противника была сорвана во многом благодаря экономическим достижениям советского народа. Наличие оружия и средств борьбы определяло и численность Вооруженных Сил. Если к началу первой наступательной кампании в декабре 1941 г. в действующей армии СССР находилось 4200 тыс. человек, а в армиях фашистской Германии и ее союзников — 5093 тыс. человек (соотношение 0,8:1), то к началу зимней кампании 1942/43 г. в нашей действующей армии было 6591 тыс. человек, а у противника на советско-германском фронте — 6200 тыс. человек (соотношение 1,1:1). Существовало примерное равенство и по основным видам вооружения и боевой техники. ГКО и Ставка ВГК большое внимание уделяли созданию и использованию резервов как средства решающего влияния на ход вооруженной борьбы, в то время как командование вермахта по-прежнему возлагало надежды на тщательность планирования первоначального удара и старалось обходиться незначительными резервами (в начале ноября 1942 г. Советское командование в стратегическом резерве имело 5 общевойсковых и 1 танковую армии; 10 танковых, 3 механизированных корпуса и 1 артиллерийский корпус; 25 стрелковых и 24 авиационные дивизии).

К октябрю 1942 г. немецко-фашистские войска понесли огромные потери и утратили наступательные возможности. Ставка ВГК высокими темпами накапливала средства борьбы, чтобы использовать их после израсходования ресурсов противником. К началу контрнаступления соотношение сил на сталинградском направлении было в нашу пользу: по личному составу — 1,1:1, орудиям и минометам — 1,5:1, тан-

кам — 2,2:1, боевым самолетам — 1,1:1. Это позволило советскому командованию поставить перед войсками более масштабные задачи и применить более активные формы наступления по сравнению с декабрем 1941 г. под Москвой. Особое внимание уделялось уничтожению мощных группировок врага, что должно было привести к дальнейшему изменению соотношения сил в пользу Красной Армии.

Разгром немецко-фашистских войск под Сталинградом стал началом нанесения новых мощных ударов. В течение января 1943 г. контрнаступление переросло в общее стратегическое наступление, которое продолжалось до конца марта. Советские войска разгромили свыше 100 вражеских дивизий, отбросили противника от Сталинграда и Орджоникидзе на 600—700 км. Враг потерял около 1,7 млн. человек, 24 тыс. орудий, свыше 3,5 тыс. танков, 4,3 тыс. самолетов. В это же время была прорвана блокада Ленинграда, что улучшило стратегическое положение на всем северо-западном направлении. Ленинград превращался в плацдарм для наступления. Чтобы закрыть бреши, немецко-фашистское командование до конца марта перебросило на восток 33 дивизии и 3 бригады, большое количество маршевого пополнения.

Победы Советских Вооруженных сил зимой 1942/43 г. явились решающим вкладом в создание коренного перелома в ходе всей Второй мировой войны. Советско-германский фронт покатылся на запад безостановочно, то замедляя, то ускоряя свое движение.

Весной 1943 г. на советско-германском фронте наступила стратегическая пауза, которая продолжалась в течение трех месяцев (апрель—июнь). Государственный Комитет Обороны и Ставка ВГК поставили перед войсками задачу закрепить успехи зимних сражений, удержаться в своих руках стратегическую инициативу. Предстояло развернуть новое крупное наступление, чтобы очистить от врага богатую хлебом левобережную Украину и угольно-металлургическую базу — Донбасс, а также восточные районы Белоруссии и Кубань.

К новому наступлению готовился и вермахт. Жажда реванша за крупные поражения зимой 1942/43 г., особенно под Сталинградом, стремление во что бы то ни стало поддержать пошатнувшийся среди своих союзников престиж толкали руководителей «третьего рейха» на очередные авантюры. Нацистское руководство жаждало крупной победы, чтобы доказать, что война не проиграна. Но для этого нужно было еще раз изменить соотношение сил в свою пользу, создать превосходство в силах и средствах над Красной Армией, поднять дух солдат.

К этому времени гитлеровцы продолжали удерживать в своих руках Западную Европу, промышленность которой оставалась почти не пострадавшей от войны. Жестоко эксплуатируя рабочих, согнанных из оккупированных стран, Германия увеличила выпуск военной продукции. Производство основных видов вооружения в 1943 г. по сравнению с 1942 г. возросло в 2 раза. Проведя тотальную мобилизацию, фашисты собрали крупные силы для нового летнего наступления. С учетом полумиллиона войск стран-сателлитов летом 1943 г. враг имел на фронте 5,2 млн. человек, 232 дивизии, 49 тыс. орудий и минометов, около 3,4 тыс. танков и штурмовых орудий, 3 тыс. боевых самолетов. Но общее соотношение сил было в пользу Красной Армии: по личному составу — в 1,1 раза, по орудиям и минометам — в 1,7, по танкам и САУ — в 1,4 и по боевым самолетам — в 2 раза.

Планы наступления врага были своевременно раскрыты советским командованием. Учитывая тяжелый опыт лета 1942 г., ставка ЗГК решила упорной обороной на заранее подготовленных рубежах обескровить ударные группировки противника и затем перейти в контрнаступление. Таким образом, обе стороны готовили наступательные кампании. Однако с советской стороны в ней был элемент преднамеренной обороны.

Результаты Курской битвы общеизвестны. Наступательная кампания врага была сорвана в самом ее начале, тем самым была опровергнута германская доктрина сосредоточения всех танковых сил для нанесения первого решающего удара.

12 июля войска Западного и Брянского фронтов перешли в контрнаступление против орловской группировки противника. 15 июля в него включился и Центральный фронт. 3 августа началось наступление войск Воронежского и Степного фронтов на белгородском и харьковском направлениях. В сражение вступили шесть армий, до этого не участвовавшие в боях. Всего с обеих сторон в операцию было включено более 4 млн. человек, свыше 13 тыс. танков, 69 тыс. орудий и минометов, до 12 тыс. самолетов. Характерно, что если раньше в начале контрнаступления удары наносились по наиболее слабым группировкам противника, то теперь — по наиболее мощным.

Победу под Курском обеспечили высокая боеспособность и высокое моральное состояние советских войск, массовый героизм солдат, их хорошая выучка в использовании новых образцов оружия и военной техники. С точки зрения военного искусства здесь было все продумано: правильная оценка

обстановки, целесообразное решение на кампанию, тщательная подготовка к ней, твердое и гибкое руководство войсками в ходе сражения. За 50 дней кровопролитных боев 30 немецких дивизий были разгромлены, в том числе 7 танковых; гитлеровцы потеряли более 500 тыс. солдат и офицеров, 1,5 тыс. танков, 3 тыс. орудий, свыше 3,7 тыс. самолетов. После поражения под Курском нацистская Германия больше не помышляла о наступлении.

Контрнаступление советских войск переросло в общее наступление, которое длилось более пяти месяцев. В ходе наступательных операций были уничтожены стратегические группировки вражеских войск и выведено из строя огромное количество боевой техники.

Почему провалилась попытка врага осуществить крупное наступление на советско-германском фронте и вернуть утраченную стратегическую инициативу? Одной из причин этого было то, что политические и военные руководители фашистской Германии игнорировали рост военного могущества Советского государства, пренебрегли учетом изменившегося соотношения сил. Примечательно, что военное превосходство над гитлеровской Германией и ее союзниками было достигнуто, когда экономика фашистского блока еще не исчерпала своих возможностей по увеличению военного производства. До середины 1944 г. Германия продолжала наращивать выпуск вооружения и боевой техники.

Для того чтобы захватить Севастополь, немецко-фашистским войскам понадобилось 250 дней для осады города и три штурма, причем первый штурм продолжался 11 дней, второй штурм — 16 дней, третий — 23 дня.

Для освобождения Севастополя нашим войскам понадобилось 23 дня на подготовку штурма, и всего один 5-дневный штурм.

Этот пример наглядно доказывает превосходство советского военного искусства.

Достижение подавляющего превосходства

Несмотря на тяжелое поражение в Курской битве, враг рассчитывал еще значительными силами для обороны. Руководители фашистской Германии особенно рекламировали неприступность Восточного вала по Днепру, на котором они собирались продолжать долгую позиционную войну.

Перед советскими войсками стояла задача нанести мощные удары по наиболее сильным группировкам врага, с тем чтобы он не успел разрушить Донбасс (и всю левобережную

Украину). Необходимо было форсировать Днепр, захватить плацдармы на его правом берегу для последующего наступления. Эта задача была выполнена. Оборонительная стратегия командования немецко-фашистских войск оказалась несостоятельной. Боевая деятельность флотов в это время переместилась на морские коммуникации.

До полного разгрома вермахта и капитуляции гитлеровской Германии Советские Вооруженные Силы провели еще три наступательные кампании при неуклонном нарастании превосходства в силах над противником. Вместе с этим повысилась и степень инициативы советского командования. К началу 1944 г. оно сосредоточило на фронте более 6 млн. солдат и офицеров, до 91 тыс. орудий и минометов, 4,9 тыс. танков и САУ, 8,5 тыс. самолетов. Тщательный анализ соотношения сил и перспектив войны позволил Советскому Верховному Командованию переносить удары с одного направления на другое. В 1944 г. стратегические операции (десять ударов) проводились последовательно в целях поочередного разгрома наиболее боеспособных группировок вооруженных сил противника, освобождения западных областей нашей Родины, а также народов Европы от фашистского ига.

Мощный удар был нанесен силами Ленинградского, Волховского, 2-го Прибалтийского фронтов и Балтийского флота по группе немецких армий «Север». В результате полностью была снята блокада Ленинграда и были созданы условия для освобождения Прибалтики. Затем в ходе девяти связанных между собой операций была освобождена правобережная Украина, в апреле—мае — Крым, в июне—июле — Южная Карелия. В ходе Белорусской операции были нанесены удары по самой сильной группировке противника, действовавшей в центре и прикрывавшей основные пути в Германию. К этому времени значительно окрепли и выросли наши командные кадры, которые научились бить врага, применяя различные формы ведения боевых действий. Окружение вражеских войск в ближайшей глубине обороны противника в районах Витебска, Могилева, Бобруйска, прорыв обороны на других участках привели к дроблению более чем тысячекилометрового фронта от Витебска до Жлобина. Стремительность и большая глубина фронтовых и армейских ударов дали возможность окружить вражеские войска не на оборонительных рубежах, а на марше, в лесах восточнее Минска. Наступление в Белоруссии (операция «Багратион») характеризовалось четкостью взаимодействия фронтов и армий между собой, а также с авиацией, партизанами и Днепровской военной флотилией. Высокий наступательный по-

рыв и мастерство советских войск привели к полному уничтожению 17 дивизий и 3 бригад противника. Еще 50 вражеских дивизий потеряли более половины своего состава. Чтобы стабилизировать фронт, противник перебросил на это направление 46 дивизий и 4 бригады.

В 1944 г. было проведено наибольшее количество операций по окружению и уничтожению вражеских войск. Значительные группировки противника были окружены и уничтожены также в районе Корсунь-Шевченковского, в Крыму, в ходе Яско-Кишиневской и Прибалтийской операций. Свыше 30 вражеских дивизий группы армий «Север» были прижаты к Балтийскому морю на северо-западе Латвии и изолированы с суши (так называемая курляндская группировка). Все флоты и флотилии привлекались к разгрому приморских группировок войск.

В завершающей кампании 1945 г. в Европе Красная Армия (без резерва Ставки) имела 6,7 млн. человек, 107,3 тыс. орудий и минометов, 12,1 тыс. танков и САУ, 14,7 тыс. самолетов. Превосходство Красной Армии было настолько значительным, что позволило ей вести наступление на всем фронте одновременно: в Восточной Пруссии, Польше, Чехословакии, а затем в Померании, Венгрии, Австрии. Целями операций были дробление фронта противника и стремительное продвижение к важным районам фашистской Германии и к ее столице — Берлину.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать следующий вывод:

Мы победили не потому, что, как заявляют некоторые новоявленные историки, немцев «трусами завалили», — современные исследования соотношения потерь показывают, что **верхней границей соотношения безвозвратных боевых потерь Красной Армии и вермахта является соотношение 1,3:1.**

Мы победили потому, что **превозмогли немцев во всем.**

Наши солдаты и командиры научились воевать лучше них.

Наша промышленность превзошла промышленность Германии и ее союзников.

Наши ученые и инженеры создали уникальные, не имеющие аналогов образцы боевой техники, многие из которых на тот момент времени были лучшими в мире: танки Т-34, КВ, ИС-2, самоходные артиллерийские установки СУ-100, ИСУ-152 «Зверобой», реактивный миномет БМ-13 «катюша», штурмовик Ил-2, истребители «Як-1», МиГ-3, Ла-5, «ЛаГГ-3», бомбардировщики Пе-2, Ар-2, Ту-2, дальние бомбардировщики Ер-2, ДБ-3 (Ил-4), ТБ-7. Наши артиллерийские орудия, такие как 57-мм противотанковая пушка ЗиС-2,

дивизионная 76,2-мм ЗиС-3, 122-мм гаубица М-30, 152-мм гаубица образца 1938 года (М-10), морские орудия: 130-мм Б-13, 100-мм Б-34, 45-мм универсальная пушка 21-К, по многим характеристикам превосходили немецкие образцы.

За предвоенные годы наша промышленность выпустила новейшие корабли: 4 легких крейсера, еще два крейсера вступили в строй после начала войны, которые несли уникальные 180-мм орудия в трех трехорудийных башнях, 6 кораблей класса лидер, которые были самыми быстроходными в мире среди кораблей своего класса, 30 эскадренных миноносцев проектов 7 и 7У, 18 сторожевых кораблей, 38 тральщиков, 8 речных мониторов, 477 боевых катеров.

В боевом составе флота на 22 июня 1942 г. находилось 213 боеготовых подводных лодок 7 типов: тип Д «Декабрист», тип М «Малютка», тип Щ «Щука», тип С «Сталинцы», тип К «Катюша», тип П «Правда», подводные минные заградители: тип Л («Ленинцы»).

Но главное заключалось в том, что наш народ и на фронте, и в тылу совершил недостижимый для германцев воинский и трудовой подвиг.

ПОСЛЕДНИЙ НОНЕШНИЙ ДЕНЁЧЕК

ПОВЕСТЬ

В конце ноября, когда неожиданно завьюжило и стало не по-осеннему студено, Иван Власович занемог. У него вдруг стали ватными ноги, и по этой причине испортилась походка. Выйдя утром во двор, он неуклюже ковылял по мокрому рыхлому снегу, стараясь придумать себе какое-то неотложное дело. Но дел в эту пору было не много, а из неотложных только одно: нужно было срочно, до больших морозов, вытащить из воды и поднять на высокий берег лодку. Спотыкаясь, и борясь с невесть откуда подступившей одышкой, он спустился к реке. На фоне белого снега она казалась зловеще-чёрной. Припорошённая снегом лодка всё ещё стояла в воде, и её успело уже сковать окрайками льда. Она задержалась здесь из-за поздней рыбалки. Ещё на Воздвижение Иван Власович ставил сети, и было много плотвы. В былые времена он рыбалил и в декабре, но всегда до прочного ледостава успевал достать «свою кормилицу» и оттащить в безопасное для неё место.

Неровной походкой Иван Власович подошёл к лодке, хотел сдвинуть её с места, но прибрежный лёд уже

ПРОЗА

прочно держал её в своих объятиях. Тогда он залез в лодку, стал раскачивать её. Лёд пошёл волнами и отступил. Но и это не помогло, силы оставили его, и как он ни тужился, лодка не хотела выползать на берег.

«Одному не управиться... — тяжело дыша, думал он. — Нужно б Серёгу и Лёху кликнуть...»

Раньше он поднимал лодку сам. Подкладывал под неё лёгкие сосновые бревнышки и, постоянно меняя их, вскатывал наверх. Сейчас же ноги его подкашивались, и кроме гулко-го стука в висках он ничего не слышал.

«Хотя б так, в холостой дойти...» — впервые подумалось ему. Он уже почти сдался, успокоился, стал различать посторонние звуки, это его и сгубило. Где-то наверху играла гармонь, и он угадал Лёхин голос: «Ах, эта девушка меня с ума свела, разбила морду мне, пинджак сняла-а-а...»

— Ну, паразиты, опять хлещут!.. — в сердцах сказал Иван Власович и повернулся к лодке.

Он что есть силы потянул её на себя, лодка качнулась, скрипнула, ещё поднатужился... Вдруг в глазах вспыхнула яркая молния, и сразу стало темно.

Нашли Иван Власовича лишь поздним вечером по следам на снегу. Раскинув руки, он лежал возле лодки, хрипло дышал и смотрел невидящими глазами в небо.

Больше двух месяцев он провалялся в станишанской больнице. То ли лечили его не так, то ли хворь оказалось крепкой, но намного лучше ему не стало.

— Ну, что говорят доктора? — спрашивала навещавшая его жена Мария, с которой он прожил без малого шестьдесят лет.

— А-а, что они понимают... — равнодушно махал рукой Иван Власович. — Сюда токо попади — живьём не выпустят...

Обеспокоенная, Мария подходила к врачу, но тот загнул такой мудреный диагноз, что перепуганная женщина так и не смогла ничего понять. Единственное, о чём она смутно догадывалась: с таким диагнозом долго не живут.

— Надо ж, как его срубило!.. — жаловалась она куму Павлу. — Думала, сносу ему не будет, а он кувырк и свалился.

К Масленице, когда стужа пошла на убыль и все уже ждали скорой весны, Иван Власовича, несмотря на его худое состояние, отпустили из больницы домой, и близкие догадались: отправили умирать. В ожидании скорой кончины все враз засуетились вокруг старика. Зачастил в гости кум Павло, полчанин Ивана Власовича, с которым с сорок девятого по пятьдесят третий год служили они на Западной Украине,

гонялись по лесам за бандами недобитых эсесовцев. Мария вдруг вымыла окна и вне срока принялась освежать побелку.

— Что ты мордуешься по холоду?.. — задыхаясь, трудно говорил Иван Власович. — Дождалась бы тепла...

— По теплу других дел хватит... — уклончиво отвечала та. — Вон уж азовец подул, не сегодня завтра поплывём...

Иван Власович вспомнил, что у реки осталась не поднятая наверх лодка. Он вдруг взволновался и, с трудом приподнявшись в постели, долго смотрел в окно. Всё было серым и сумрачным: и снег во дворе, и оттаявшие стожки, и небо, и вербы у реки, и поле с открывшейся стернёй, даже солнце было бледным, почти призрачным. Серой сумрачной лентой виднелась ещё не вскрывшаяся река. Южный ветер и дождь подъели и без того неглубокий снег, зачернела бегущая в Погореловку дорога. Там, в Погореловке, живёт свояченица Ивана Власовича Людмила, с которой у него много лет назад случилась недолгая связь. С тех пор Мария разладила с сестрой, и та, уехав в Погореловку, ни разу не переступала порог их дома, хотя повзрослевшие дети её Серёга и Лёха жили сейчас по соседству в дедовском доме, родичались и захаживали к ним ежедневно. Серёга был удивительно похож на Ивана Власовича, и это обстоятельство порождало в хуторе досужие разговоры.

Мария перехватила его взгляд и, вздохнув, усердней стала белить печь.

«Вот же окаянный, на ладан дышит, а всё туда ж смотрит...» — раздражённо думала она.

— Прибудет вода — унесёт лодку.. — прервав её думы, с горечью произнёс Иван Власович.

— Не унесёт... Я её привяжу, — заверила Мария.

— А-а... — прокряхтел старик. — Растреплет о крыги в щепу..

«Нужно будет Лёшку с Серёжкой кликнуть, — подумала Мария. — Не угомонится, пока по-его не будет...»

— Как там ребята?.. — угадав её мысли, спросил Иван Власович.

— А что им сдееется?.. — не тая недовольства на своих племянников, отвечала Мария. — С утра Масленицу празднуют — водку жрут да песни кричат..

Кряхтя и постанывая, старик поднялся с постели. Неуклюже цепляясь ногами за половики и опрокидывая на своем пути стулья, он добрался до лавки, где лежала его шапка и, затёртый до блеска, полушубок.

— Ты чего это?! — встрепенулась Мария.

— Выйду.. огляжусь... — с хрипом выдохнул Иван Власович.

— Погодь, я проведу тебя... — суется, помогала она ему одеться.

— Сам!.. — строго качнул он головой и, споткнувшись о низкий порожек, едва не упал.

Тяжело дыша, он долго стоял на крыльце, собирался с силами. Хозяйским взглядом осмотрел двор. Заметил: снег из-под кустов винограда выдуло февральскими ветрами, и теперь, если их не укрыть, первым же морозом порвёт корни. Сырой воздух был густ и звучен. Рядом, в родительском доме Марии, захлёбывалась дырявыми мехами гармонь. «Ах, эта девушка меня с ума свела, разбила морду мне, пинджак сняла-а-а...» — угадал он по голосу Лёху. «Последний нонешний денёчек гуляю с вами я, друзья...» — наперекор гармонии, перекрикивал его Серёга.

«Лоботрясы...» — сердито подумал Иван Власович и, тяжело опираясь на палку, стал медленно спускаться к реке. Он заметил, что на быстрине появились первые промоины. Грязные обломки льда нависли над тёмной водой. Вмёрзшая в лёд, лодка стояла на прежнем месте.

Вдруг, недалеко от тернового куста, прямо над снегом он увидел столб мошкары. Сначала он думал, что померещилось. Протёр глаза, присмотрелся, так и есть — мошकारа.

«Подскочит вода — унесёт...» — переведя взгляд на лодку, тоскливо подумал он.

Обратный путь был в гору, и силы быстро покинули старика. В глазах зарябило, и Иван Власович перестал замечать дорогу. С каждым шагом сердце всё сильнее трепыхалось в груди; как выброшенная на берег рыба, он отчаянно хватал открытым ртом воздух и уже успел пожалеть, что так опрометчиво спустился к реке, как вдруг услышал скрип и повизгивание немазанных на осях колёс. Это Лёха с Серёгой спускаются на бричке к реке.

— Ну что, ополоснулся? — весело скалится Лёха. — Тётка Манька прислала, говорит: дядька Иван купаться пошёл. Я так и знал, что ты придуряешься. Работать не хочешь, вот и придумал хворь!..

По обыкновению, Лёха развязный и хамоват, Серёга ж молчун. Его если не зазывать, слова от него не дождёшься.

Переводя дух, Иван Власович осмотрел бричку, тронул рукой сбрую. Постромки и гужины порасхлябились, ярмо клонилось набекрень.

— Эх, не хозяин ты, Лёшка... — хрипло произнес он. — Не хозяин...

— Зато у меня каждый день на пол-одиннадцатого, а у тебя на полшестого, — фамильярно гогочет тот.

« У тебя хоть кажен день и на полдень, а жинка ушла... Не хозяин...» — снова подумал он, но на этот раз, чтоб не задирать Лёху, ничего говорить не стал.

Не церемонясь, Лёха, подхватил на руки Иван Власовича, и, легко усадив его на бричку рядом с Серёгой, для залихватского вида сдвинул ему на ухо шапку.

Серёга легонько приобнял старика, на случай, если лошадь тронется резво, чтоб не дать ему свалиться.

— С Наташкой примирился? — поправляя шапку, спрашивает Серёгу Иван Власович.

Тот неопределённо пожимает плечами.

— Ты не дуркуй...

Серёга промолчал.

— Ну что, поскакали? — покручивая в руке вожжи, оборачивается Лёха.

— Пока ты тут с лошадьёу, лодку наверх встаните... — хрипло дышит Иван Власович.

— У меня кобыла не кована... — нехотя отзывается Лёха, которому нехота надолго прерывать начатый с Серёгой праздник. — Что с твоей лодкой станет...

«Не хозяин...» — с сочувствием оглядев кобылу, скорбно подумал старик. Ему вдруг живо представилось, что на кладбище Лёха будет везти его на этой расхлябанной бричке, и от этой мысли ему тут же стало стыдно и горько.

— Не хозяин!.. — уже у дома отстранив Лёху, вслух произнёс он, и чтоб не выслушивать его бесстыдных шуточек, тут же отвернулся и, пошатываясь, спешно зачикилял к крыльцу.

— Оттяну я твою лодку!.. — вслед ему прокричал Лёха. — Вот далась она ему... Завтра как-нибудь с Серёгой оттащим...

Наутро, как ни барахтался Иван Власович в постели — подняться не смог.

— Вот зачем было вчера надсаживаться, — строго отчитывала его Мария. — Ноги убил, теперь подняться не можешь...

— Лодку на берег подняли? — слабым голосом спрашивает Иван Власович.

— Подняли... — не скоро отвечает Мария.

— Унесёт на Донец лодку... — сокрушённо вздыхает старик.

— Да убрали твою лодку. Убрали... — уже уверенней врёт Мария.

Но Иван Власович знает, что его бессовестно обманывают, и от бессильной обиды он отворачивается к стене.

Под вечер пришёл проведать его кум Павло. В далёком пятьдесят шестом Иван Власович крестил его сына, с тех пор они не просто друзья, но и родня.

— Что там? Развезло?.. — кивнув на окно, спрашивает Иван Власович.

— До обеда квасило, а щас подтягивает морозцем, — сообщил Павло. — К утру обещают до двадцати... Так что сракопад впереди...

— У нас так, — соглашается Иван Власович. — С утра льёт, к обеду метёт, а на вечер куёт...

— Телевизор глядишь? — спрашивает кум Павло.

— Пляжу, только не слышу... В голове шумит — не пойму ничего... Что там, ещё чертуется бандерва в Киеве?

— Это чертобесиво не скоро закончится. Как бы до нас не докатилось...

— Нехай токо сунутся... Я им, блядам... — храбро сжимает кулак Иван Власович. — Помнишь, как мы им отваливали?!

— Не давили сволоту, теперь детям нашим хлебать... — сетует кум.

— Как там наш Атаман? — меняя разговор, спрашивает о крестнике Иван Власович.

— Слава Богу! — коротко отвечает Павло. — Сейчас вон лодку твою с Серёгою ташат...

— Ташут?! — встрепенулся старик. Он так обрадовался этой новости, что чуть не свалился с постели. — Да мои ж золотые... — запричитал он.

— Ну, вспёрли твою лодку! — торжественно объявила, пришедшая со двора Мария. — Еле живые пошли... Как ты её сам ворочал?!

— Так без ума нелегко... — соглашается Иван Власович, и тут же глаза его загораются, и он начинает рассказывать, каким хитрым макаром он каждую зиму вскатывал эту лодку.

К ночи разъяснело; в верхнем крае окна показалась луна, и по комнате поползли бледно-синеватые тени.

— Маруся... — робко позвал старик.

— Вот она я, — готовно озывается та. — Надо чего?

— Кум говорит: мороз на завтраво...

— Что ж тут дивного, чай не лето.

— Земля заклёкнет, будут ребята долбить, мучиться...

— О, Господи... Что тебе в голову лезет... — вздыхает Мария.

— Может, с утра отошлешь ребят, пусть загодя долбют...

— Да что ж ты не угомонишься никак?! — сердится Мария. — Кто ж живому копает?..

— Угомонюсь скоро... — по-детски обижается Иван Власович.

— Угомонишься — моя забота, так не оставим лежать. Проходит ещё какое-то время.
— Маруся... — снова зовёт Иван Власович.
— Что?.. Что стряслось?.. — опять подхватывается она.
— Мороз на завтрево...
— Ну, мороз. Что с того? — не тая раздражения, с вызовом говорит жена.
— Надо б объедьями виноград прикрыть. Ахнет мороз, порвёт корни — опять неурод...
— Триста лет мак не родил, и голоду не было... — одеваясь, ворчит Мария.
— То так... — шепчет ей вслед Иван Власович. — Однако ж...
Он хотел сказать что-то убедительное, веское, но так и не нашёл нужных слов.

— Укрыла твой виноград, — войдя в дом, отчитывается Мария. — Какие ещё распоряжения?

С каждым днём всё слабел и слабел Иван Власович. Он давно уже не поднимался с постели, и все настойчиво стали ожидать его кончины. Но время шло, а он, вопреки ожиданиям, всё тянул и тянул.

В мае война подкатилась к самым окнам Ивана Власовича. Всё громче гремели орудийные залпы, от которых жалобно звенели стёкла.

— Бандерва? — кивал на окно Иван Власович.

— Бандерва... — кивала Мария. — В Погореловку лупят...
Надо ж, до чего дожились, в наши-то дни и по живым людям... Господи, последние времена... — крестясь, шептала она.

Сжимая кулаки, Иван Власович громко сопел, иногда Марии казалось, что он даже порывивает, и со страхом она крестилась. Забывшись, он успокаивался, дыхание его становилось ровней, и он переставал замечать происходящее. Но очнувшись, вновь звал к себе Марию:

— Людмила не приходила? — спрашивал он.

— Приходила... — врала она. — Ты токо уснул, и она на пороге...

— Что ж ты не взбудила?! — сердится он.

— Ты так сладко уснул — жалко было будить. И Людмила не велела.

— Ты не жалей, если кто явится — буди. Я тама досплю своё... — наказывал он.

На самом деле Иван Власович знает, что Людмила не приходила, да и не так-то просто сейчас прийти, когда война за рекой и все кордоны закрыты.

— Если вдруг придёт, не гони её, — просит старик.
— С чего ты придумал, что я её гнать буду.. — сдержанно отвечает Мария.
— Помиришь с ней, чего уж теперь делить... А то может так статься, что ей уж и жить не в чем... Вон как ахают..
— Да я и не в сердцах на неё, — заверяет Мария. — Пусть бегут — всем места найдём — и Людмиле, и Кудеяру её...
Часто среди ночи он звал Марию к себе и начинал давать важные, как ему казалось, распоряжения.
— Ты тада куму Павлу сетку трёхперстовку отдай..
— Когда «тада»? — передразнивала его Мария.
— Вот тада и отдашь!..
— Да я чи понимаю в них, какая из них чего..
— Ну, ту, что по осени ставил. Ты ишо лист помогала из неё выбирать... А лодку нехай Атаман заберёт..
— Ты ж ребятам её обещал... Серёжке..
— Атаману она нужней... Пьют ребята?..
— Вчера гомонели..
— Ты там, как это... За Лёхою пригляди. Чтоб он не дюже на поминах наедался, а то... Людям на смех..
— Пригляжу.. — обещает Мария.
Утром, когда боль отступала и Иван Власович, наконец, засыпал, к Марии приходила Павлова жена Полина.
— Ну, как он? — кивая на комнату больного, спрашивала она.
— В одной поре..
— Не лучшает?
— Жив и за то слава Богу..
— Ой, Полюшка, как захворал, таким несносным стал, — жаловалась Мария. — Такой командир! Попробуй не выполни его распоряжений — сердится..
Но через минуту она уже оправдывала Иван Власовича:
— Он жа до этой беды всё сам делал, я за ним ничего и не знала... А теперь, за что ни хватись — рушится без его рук... Как я без него останусь..
— Вот же досталось тебе!.. — сочувствует соседка. — Бельё скоко раз на день меняешь?..
— Под себя ни-ни-ни! — трясёт головой Мария. — Он, как надумает по нужде — тужится, тужится, пока не досунется до края. Бухнется на пол, а там у него под койкою тазик... А назад поднимать — беда. Я ж его не подниму.. Спасибо Серёга с Лёхой... Пьяные ль, тверёзные ль — в любую пору кликай — всегда прибегут. А нет — с другого боку Атаман ваш, тоже никогда не откажет... Кум Павло каждый вечер у нас... Начнёт рассказывать, что там дется, — кивает за руку Мария. —

А этот хорохорится, кулачишками машет, и так матюхается, так матюхается... — сроду таких слов от него не слыхала... А вчора слышу: вроде стогне дюжей. Я к нему, а он... Верись, Поля, песню горлом играет. Слов не разобрать, но головою в такт подмахивает. Меня увидал — умолк.

— Может вычухается ещё...

— Где там вычухается... Ноги уж захолонули... — всхлипывает она.

Ночью Атаману приснился скверный сон. Возможно, это был даже и не сон — какой-то странный фантом посетил его. Он проснулся оттого, что вдруг почувствовал на себе чей-то взгляд. В темноте стояло над ним какое-то тёмное существо. Оно не предпринимало никаких угрожающих действий, не тянуло к нему своих рук, даже лица его он не мог разглядеть, что было в нём: улыбка или оскал. Атаман только чувствовал на себе чужой взгляд, и уже от этого его охватила оторопь. Он хотел осенить себя крестным знаменем, но рука стала свинцово неподъёмной. Хотел что-то сказать, но на грудь словно взвалилась бетонная плита, и он не мог вдохнуть воздух, чтоб потом с выдохом что-то произнести. Задыхаясь, во все глаза он смотрел на странный призрак, не в силах прогнать его. В конце концов, ему удалось вобрать в себя воздух.

— Господи, помилуй, — произнёс он чужим голосом и наконец, перекрестился.

Видение тут же пропало. Атаман осмотрелся: кроме сумрачных теней, которые бросали от себя шторы, ничего постороннего. Жена Виктория тихо сопит у стены. Атаман поднялся с постели, прошёлся по комнате, но никого не нашёл.

«Что за чертовщина...» — подумал он, снова укладываясь в постель и пытаясь заснуть. Но сон не шёл. Атаман знал, что по старым приметам, чтоб дурной сон не сбывся, его нужно тут же рассказать кому-то. Но не будить же Викторию, чтоб рассказать ей весь этот бред, сна-то, по сути, и не было... Так и не уснув, Атаман проворочался до утра. Утром встал уставший и разбитый; настроение его было испорчено, и потому встретил он пришедшего к нему в условленное время Серёгу не очень радушно.

— Ну что, готов? — Атаман осмотрел Серёгу чужим сторонним взглядом. — Что-то ты быстро собрался, — осмотрел его худой рюкзачишко.

— Голому собраться — только подпоясаться, — ответил Серёга.

— Датый? — вновь придирчиво рассматривает его Атаман.

— Это вчерашние дрожжи...

— Гляди, там сухой закон — мигом завернут...

Серёга молча кивнул.

— Теперь от меня никуда! В любую минуту дадут команду, и мы выходим...

— Мне б попрощаться с тёткой и Власычем...

— Что ж ты вчера?..

— Да вчера я... Лучше на тверёзую...

— Тут рядом, сходи... — согласился Атаман.

— Я туда и обратно...

Атаман промолчал, но когда Серёга уже входил во двор Иван Власовича, крикнул:

— Ты там старику не говори, а то он...

«Ему, может, будет легче знать, что я «там», — подумал Серёга, но спорить не стал.

Всходя по ступенькам на открытую веранду, Серёга заметил, что крыльцо давно покосилось, скрипит и покачивается с каждым шагом. Он тронул руками стойки, глянул через перилы вниз. Так и есть, подгнили, надо бы заменить. Серёга подсадовал, что не занялся этим раньше, но тут же решил: как только вернётся — сразу же и починит.

— Тёта! Тёт... — позвал он, входя в дом.

— Тишь, тишь... — замахала та руками. — Спит...

— Да я это... Я попрощаться...

— Что?... Чего ты придумал?.. Куда?.. — растерянно запричитала тётка Мария.

— Туда... — Серёга кивнул на речку.

— О, Господи... Без тебя там не управятся?..

— Я ж казак...

— «Казак» — жопой назад... — передразнила тётка. — Убьют тебя там, дурака...

— Так... Сколько той жизни, тёть Мань... А что тут? Только водку жрать...

— Здесь бы ещё пожил...

— Разве ж это жизнь?..

— Какая ни есть, а всё ж веселей, чем под травой.

— Тоска...

Серёга уже направился к двери, как в другой комнате послышалось шевеление и раздался сиплый голос Иван Власовича:

— Серёжка?.. Чего он тут говорит?..

— Объясни... Он не дослышит... — сказала Мария.

Некоторое время Серёга в замешательстве стоял на месте, но вдруг глаза его вспыхнули, лицо преобразилось, и он стал удивительно похож на Лёху.

— До свиданья, дяди-тёти, уезжаю, хрен найдёте! — прокричал он, и тут же вышел из дома.

Несколько раз Атаман порывался рассказать Виктории свой дурной сон, но всё не знал, с чего бы начать. К тому же в доме находились посторонние люди, которых ему сегодня надлежало переводить через линию. Кто его знает, как отнесутся они к подобной ерунде. Хорошо, коль посмеются, приняв его за человека, лёгкого на суеверия, а если сами узрят в этой галиматье Бог знает чего... Нет, они должны идти за ним с холодными головами, не отягченными дурными мыслями. Атаман вслушался в их разговор. В доме ждали перехода пять человек. Люди разные, как по месту жительства, так и по роду занятий. Бородатый богатырь из Новосибирска Юрий Усов только внешне выглядел простоватым увальнем. У него живой взгляд и умные пронизательные глаза. Усов историк, кандидат наук. Профессиональное любопытство не даёт ему покоя, и он засыпает присутствующих своими вопросами.

— Вот ты, Афанасий, — обращается он к худенькому, отнюдь не ополченского вида парню. — Как ты дошёл до такой жизни?

— До какой «такой»?..

— Ну от армии ты в своё время откосил... Университет, девочки, тусовочки... И вдруг бац! — на войну!.. Небось, и мамка не знает?

— Зачем ей сейчас?... Только с чего ты решил, что я от армии откосил?

— Да видок у тебя не армейский... — ещё раз оглядев хилую фигуру Афанасия, делает заключение Усов.

— Зато в него попасть тяжело, а в тебя с закрытыми глазами не промахнешься, — смеётся Африка.

Африка, это Виталий из Питера. Он долгие годы проработал в Эфиопии, имел там свой бизнес, но как только случилось одесское побоище, бросил всё и вернулся домой. В каком-то общественном центре ему дали адрес Атамана, и вот он здесь, вместе со всеми ждёт перехода.

— Чем больше шкаф, тем громче грохот... — задиристо добавляет Афанасий.

— Да, с этим не поспоришь, — миролюбиво соглашается Усов. — И всё же, что тебя привело сюда?

— Может, тебе покажется высокопарным, но я здесь, чтоб защищать Россию. Служение Отечеству — единственно достойный удел русского человека, всё остальное — убогое прозябание и поиск оправданий своей никчемности.

— Сильно! — похвалил Усов. — А если об этом без пафоса?

— Если без пафоса?... Я так подумал: как детям своим потом буду в глаза смотреть, если отсижусь...

— А ты не так уж и хлипкок... — Усов впервые с восхищением смотрит на Афанасия.

— А ты, Африка? Что скажешь в своё оправдание? Как ты докатился сюда? Сидел бы под пальмами, ел кокосы... — продолжает свой допрос Усов.

— Тут без пафоса и не скажешь, — смеётся Африка. — Знаешь, я много думал об этом... ещё до войны. Об этом всегда думаешь... А тут, бах — в Одессе люди горят, а я под пальмой с кокосом в зубах... Это мой единственный шанс быть полезным Родине... Судьба... Потом до конца дней не простишь себе малодушия и никакие бананы тебя не излечат...

В комнате было ещё двое, они приехали вместе из Крыма. Маленькая, похожая на мальчишку, женщина и высокий, нескладно скроенный мужчина, с пышной шевелюрой и идущей в дисгармонию с ней редкой рыжей бородкой. Его уже успели прозвать Хоттабычем. О себе Хоттабыч был не многословен, зато с восхищением говорил о своей спутнице.

— Муж Татьяны — известный в Крыму поэт, — рассказывал он. — Витька Синицын. Не слышали?

О Витьке Синицыне никто в комнате не слышал.

— Мы с ним друзья детства. Такие стихи пишет! Патриотические за Россию... Вот я вам сейчас... — Хоттабыч хмурится, пытается вспомнить.

— Не надо, — просит Татьяна. — Ты ж не умеешь читать.

— А-а, ладно... Так вот... Такие стихи... А как до дела дошло, давай, говорит подождём, куда вырулит... А Татьяна собралась и...

— Понятно, — улыбается Усов. — Ну и кем вы себя представляете там? — спрашивает Татьяну.

— Она мастер спорта... инструктор по выживанию. Знаете, есть такое — ходят в горы без спичек, без... с голыми руками. И нужно там выжить, костёр распалить, без топора сделать жильё, добыть съестное... — с вдохновением рассказывает Хоттабыч.

— Мне легче там будет, чем любому из вас, — улыбается Татьяна. — Я ведь могу практически всё. Могу готовить, могу стирать, могу лечить, могу стрелять...

— А ты? — дошла очередь до Серёги.

— Я казак, — просто ответил тот.

— Убедительно...

Усов хотел ещё что-то добавить, но в это время во двор Атамана на большой скорости влетела «Газель». Все прильнули к окну. Там мелькали красные околыши, из «Газели» быстро выгружали полные мешки. Наконец всё закончилось, казаки, пообнимавшись с Атаманом, вскочили в машину и так же быстро уехали. Повернувшись к окну, Атаман махнул рукой.

— Так, братцы ополченцы, нам несказанно повезло, — выходя со всеми во двор, весело говорил Усов. — Казаки Атаману медикаментов подкинули, так что будем сегодня переть килограмм тридцать-сорок на брата. Так, батька?

— Быстро к мешкам пришивайте лямки, — скомандовал Атаман. — Будет легче нести.

Все приступили к работе, Атаман в это время звонил кому-то, разговаривал эзоповым языком:

— Едут на свадьбу гости, ждут приглашения.

— А дары везут? — спрашивали на другом конце.

— Есть и дары. Средства от похмелья...

— Это хорошо! — отвечали Атаману. — У нас с этой «свадьбой» все «алкозельцеры» закончились...

За делом ополченцы стали обсуждать, кому куда бы хотелось попасть. Африка и Усов рвались в Славянск, считая, что судьба Новороссии будет решаться там. Хоттабыч и Татьяна хотели попасть в станицу Луганскую, и только один Афанасий рвался на Сапун-Гору, там могла его прадеда.

— Не спорьте, Атаман работает с Бетмэном и Мозговым, стало быть, нам к ним... — неожиданно заговорил молчавший до этого Серёга.

— А ты давно знаешь Атамана? — спросил его Усов.

— Знаю...

— Ну и как он?...

— Были времена, мог разом пятерых на уши поставить...

— Убедительно...

Время было за полдень, когда с той стороны дали «добро».

— Батя говорит: лучшее время для перехода — утро, но выходим всегда под вечер, — усмехается Атаман.

— А если ночью? — предлагает Усов.

— Ночь не годится. Нацикам пиндосы приборы ночного видения подкинули. Они нас как слепых котят передавят. Днём-то мы с ними на равных...

Наконец все готовы. Жена Атамана перекрестила каждого.

— Ты б защитную панаму надел, — посоветовала мужу. — Сверкаешь своей лысиной — за три версты видно...

— Мне в шапке нельзя, — возражал Атаман. — Я в ней плохо слышу...

— Может, собаку возьмёшь?

— Я сам как собака...

— Хоть голос подаст...

— Нам лишнего шума не надо...

Вереницей по одному спустились в пойму, узкой тропкой пошли вдоль реки к броду.

— Может, на лодке переправимся? — предложил Атаману Серёга.

— Нет!.. — отвечал тот. — Лодка как бельмо будет торчать на том берегу. Запалим место...

Вдруг Атаман вскинул руку. Все стали. Впереди слышалась музыка, голоса, чей-то смех... Сладко пахло шашлыками...

— Это на нашей стороне... — прошептал Серёга.

— На нашей... — согласно кивнул Атаман. — Мало ли кто здесь под видом беженцев... Звякнут по телефону, и прощай... Обойдём от греха...

Вслед за Атаманом все ушли с тропы, пролезли буреломом, вновь вышли к реке. Всё ещё было знойно, и навьюченный на каждом груз давал о себе знать. Тропа то спускалась к самой воде, то убегала ввысь и терялась между деревьев. Все ориентировались лишь на широкую спину Атамана. В молодости он обладал недюжинной силой, легко жонглировал двухпудовыми гирями. В здешних краях его хорошо знали и побаивались. Но многочисленные ранения и травмы с годами не прошли для него даром. Сейчас он заметно прихрамывал, и, морщась от боли, время от времени подёргивал плечом трижды сломанной правой руки. И всё же былая слава по-прежнему вселяла в него уверенность и заставляла верить в него других. Придя на место переправы, Атаман долго всматривался в противоположный берег. Он заметил, что красноголовый дятел спокойно крошит сухой ствол тополя, трясогузка скачет у воды — значит, поблизости никого нет. Наконец он обернулся к покорно ждущим его решения людям, сказал решительно:

— Будем переходить здесь!..

— Не нарвёмся на укропский пограннаряд? — робко спросил Арсений, которого заметно начало потрёпывать.

— Погранцы здесь не ходят... Это до войны они шлялись повсюду, теперь бздят отойти от заставы. Пришлые нацики наскакивают, но они ещё плохо знают тропы...

— А если кто выпасет?..

— Я два раза кряду по одной тропе не хожу.. Ещё вопросы?

— А ты гарантируешь, что нас, безоружных?..

— Я даже жене своей не гарантирую, что меня не пристрелят на переходе! — прервал его Атаман. — Так что если кто сомневается — возвращайтесь, никого не осужу.

— Атаман, — разряжая напряжение, весело заговорил Усов. — А правда, что в молодости ты мог сразу пять человек на уши поставить?

— Дурное дело нехитро... — уклончиво отвечал Атаман.

Он обернулся к присутствующим. Все стояли на месте, никто не ушёл.

— А теперь слушайте и запоминайте. Первое, всем выключить телефоны. Никаких разговоров — звук по реке далеко катится... Раздеваемся догола... Оденетесь на той стороне. Дорога будет тяжёлой, натрете себе...

— Далеко идти? — спросил кто-то.

— Как повезёт... По-разному... — неопределённо сказал Атаман. — С меня не сводить глаз. Поднял руку вверх — встали. Резко опустил — падаем. Рука в сторону — сваливайте туда... Если меня убьют — река справа. Всем возвращаться... И смотрите под ноги, чтоб ни одна ветка не хрустнула...

«Как можно не сводить глаз с Атамана и смотреть под ноги?» — весело подумал Серёга, но промолчал.

Атаман первым вступил в воду, перекрестился, и все следовавшие за ним приняли это как команду, тоже перекрестились, — кто-то легко и привычно, кто-то неуклюже — видимо в первый раз. Перейдя реку, молча оделись, взвалив на себя поклажу, след в след двинулись за Атаманом по узкой, едва различимой тропке. Тропа повторяла изгибы реки; там, где река шла прямо, и тропка была пряма, там, где река сворачивала вправо, она следовала за ней.

Неожиданно тропу перегородило упавшее на неё сухое дерево. Ещё вчера Атаман проходил здесь — дерева не было. Скорей всего его свалил ветер, но могло быть и так, что укры специально свалили его на тропу, оставили как метку; если дерево убрать, то будет понятно, что именно здесь, он проводит людей.

Серёга никогда не ходил этими тропами, но так, как был с этих мест, представлял, куда они могут вывести.

— Деда Павла знаешь? — шёпотом спросил Атаман. — Его ещё Блином кличут...

Серёга поморщился, вспоминая. Кличка Блин ему была знакома, но самого деда Павла он не помнил.

— Сразу за старым руслом, под горой — пятый дом... прошептал Атаман. — Если со мной что-то случится, людей выведешь ты... — не дожидаясь Серёгина согласия, сказал он как уже о решённом деле, и, свернув с тропы, с трудом продрался сквозь цепкий кустарник вокруг злополучного дерева. Теперь оно и для него будет знаком, — если завтра его уберут с тропы, значит, здесь проходили чужие.

Последние слова Атамана ещё более усилили внутреннее волнение, захлестнувшее Серёгу. Атаман шёл уверенно и скоро, не оборачиваясь, не придерживая шаг, словно забывши

обо всех; ни одна ветка не хрустнет под его ногой. Там, где, казалось бы, нужно остановиться и оглядеться, он продолжает идти. И Серёга вдруг почувствовал себя ответственным за этот переход. Стук его сердца стал заглушать чужие шаги, и он боялся, что пропустит, не заметит что-то главное, и эти люди, идущие следом за ним, будут обречены уже только по его вине.

Удивительным образом Серёга умудрялся и смотреть под ноги, и не упускать из виду могучую Атаманову спину. По-рой ему казалось, что он одновременно видит и справа, и слева, видит даже спиной. Видит, как обречённо идут шаг в шаг доверившиеся Атаману люди. Вон впереди огромная покосившаяся верба заслонила собой тропу..

«Идеальное место для засады...» — успеваает подумать он. И тут же, как из-под земли, вырос на тропе человек в камуфляже с биноклем на груди. Шляпа-афганка затеняла его лицо. «Вот и нарвались... А всё потому, что бездумно доверились самоуверенному Атаману... Сейчас из-за вербы ударит длинная очередь, и Атаман даже не успеет вскинуть руку, чтоб подать остальным знак тревоги. Какая глупая смерть...» — как в гипнотическом сне думает Серёга и даже не пытается спрыгнуть с тропы.

Наконец рука Атамана вздрогнула, стала приподниматься.

«Как странно, — думал Серёга, — одна и та же река, одна и та же земля, одни и те же хутора, один и тот же народ... Ещё недавно я ходил через эту реку по этой земле к матери, и никому не приходило в голову даже спросить меня, зачем я здесь... Но теперь, по чьей-то прихоти, только за то, что мы перешли реку, нас запросто можно убивать...»

Атаман вскинул руки и обнял незнакомца.

— Что, Петруха, чисто? — спросил он.

— Чисто, — ответил тот.

Шумно выдохнув, Серёга утёр со лба пот. Почувствовал, что идущие сзади тоже выдохнули. Не оглядываясь, он видел, как и они утирают пот.

Некоторое время шли опушкой леса, справа далеко просматривалось заброшенное, поросшее бурьяном и мелким кустарником поле. Раньше здесь были колхозные огороды, о которых сейчас напоминали лишь глубокие магистрали, по которым когда-то пускалась вода для полива. Слева над своими гнёздами верещали копчики:

— Пи-пи-пи... Пи-пи-пи... — неслоь по округе.

Не поворачивая головы, Атаман скосил глаза в их сторону.

— Они всегда верещат тут, — заверил Петруха.

Атаман не ответил.

Тропа снова вильнула в лес. Здесь было не так знойно, но идти было тяжелей: густые ветви беспрестанно хватали путников за головы, плечи, вещмешки... Неожиданно деревья расступились, и тропа резко покатилась вниз, и Серёга увидел заросшее камышом и осокой старое русло реки. Было тихо до жути — ни шороха, ни птичьего писка. Атаман вскинул руку — все замерли. Он долго вслушивался в тишину, наконец взглянул на Петруху.

— Ты давно проходил здесь? — спросил шёпотом.

— Минут двадцать... Ну, с полчаса. Чисто...

Атаман поднёс к уху телефон и тут же опустил. Связи не было. Он вновь прислушался, даже потянул носом воздух.

— Чую... Зверем чую... — прошептал он, и всем стало не по себе.

Вдруг ему вспомнился ночной сон. «Это был не сон — явь! — догадался он. — Это моя смерть рассматривала меня!..»

— Валим!.. За мной... — выдохнул Атаман, и, взмахнув рукой, резко ушёл с тропы.

Все бросились за ним. Вслед отрывисто затрещали запоздалые выстрелы. Четверть часа, проламываясь сквозь заросли двухметровой крапивы, путаясь ногами в густой ежевике, обжигая руки и раздирая в кровь лица, бежали за Атаманом. Мешки стали неподъемно тяжёлыми, пот выедал глаза, и всем уж казалось, что это не кончится никогда.

Наконец ноги Атамана стали заплетаться, он дотянул до высокой вербы, и, упёршись в неё лбом, стал, хрипло отдыхаясь, покосился назад.

— Все? Никого не потеряли? — уже не таясь, заговорил он.

— Все... — оглядевшись, сказал Петруха.

Атаман вновь поднял телефон, усмехнулся.

— Здесь низинка — плохая связь, — заметил Петруха.

Атаман взглянул на него и нервно расхохотался.

— А я ведь чуял... Чуял... Как зверь чую в последнее время... Рация на мази?

— На мази... — ответил растерянный Петруха и тут же робко добавил: — Батя велел только в крайнем случае выходить...

Атаман, молча забрал рацию.

— Батя, Батя, как слышишь? — всё ещё задыхаясь, заговорил он.

— Слышу, Атаман. Слышу... — прохрипела рация. — Что у тебя?

— Тесно стало жить в последнее время. Тесно и душно...

— Понял тебя...

— Буду уходить магистралями... Другого прохода нет...

— Гляди, на выходе простреливаются...

— Но ты же меня прикроешь?.. — хрипло рассмеялся Атаман.

Некоторое время рация молчала, наконец послышался треск:

— Я тебя понял, Атаман!

Атаман обернулся к обречённо ждущим новых его распоряжений людям.

— Ещё чуток прогуляемся... — успокаивающе сказал он, и, взмахнув рукой, быстрым шагом пошёл сквозь терновые заросли.

Ничего не соображая и даже уже не пытаясь разобраться в происходящем, все покорно двинулись за Атаманом. Только один Петруха, ломясь через заросли, норовил поравняться с ним.

— Атаман, Атаман... Куда ж ты?.. Магистрали справа... Там будет Батя... — беспомощно шептал он. Но Атаман не слышал его.

Больно хлещут по лицам колючие ветки, жжёт крапива, раздрает ноги колючая ежевика, шиплют от пота раны, надсадные дыхания сливаются воедино, и вновь кажется, не будет конца этому пути. Вот Атаман врезается в заросли камыша — под ногами зачавкала покрытая тиной вода. С каждым шагом всё глубже, глубже... Вот уже по колена, по пояс... Вдруг камыши расступились, и все увидели в полсотне шагов берег, сбегаящие по косогору хуторские огороды. Какой-то старик, опершись на палку, стоял у самой воды.

— Все на месте, никто не утонул?! — уже не таясь, весело спросил Атаман.

Никто не ответил. Выйдя на берег, все молча повалились на траву, и только Африка неожиданно рассмеялся.

— Что, дед Павло, дождался? — Атаман обнял старика.

— Насилу дождался... — качнул тот головой. — Только Петруха со двора, тут едрёт твою такое пошло... Один за другим джипы с чертями, и все на тропу... Я телефон хватать — ни гугу. Бегом к соседке, и у ей не работает... Чуть с ума не сошёл...

— А Батя? На магистралях?.. — спросил старика Петруха.

— Да что он, дурак?.. Вон, разлёгся под виноградом как медведь, вас дожидается.

— Чё брешешь, дед Павло?.. Я Атамана прикрываю у магистралей!.. — весёлый голос под виноградом.

— Вот едрёт твою. А? — в сердцах кивает в его сторону дед Павло. — Племяша отправил, и хоть бы сердце у него ёкнуло...

— А чего ему ёкать — племяш с Атаманом... — Раздвинув плети, Батя вылез на простор, повёл плечами — хрустнули кости. По-медвежьи обнял Атамана. — Ну, как я тебя прикрыв?!

— Да кабы не ты, и не знаю, как бы я... — подыгрывает Атаман. Они знакомы давно и понимают друг друга с одних лишь им известным намёков.

— Тесно, говоришь, стало?

— Тесно... А я зверем почувял...

— Дядь... Батя... Я всё проверял — чисто было... — на глазах Петрухи блеснули слёзы. — Ты думаешь, я...

Только тут Серёга понял, что Петрухе не больше шестнадцати.

— Да брось ты, Петрух, — успокоил Батя. — Там тоже не дураки. Пасли тебя...

— Так что, больше ему не ходить? — спросил дед Павло.

— Пусть ходит... — подумав, ответил Батя, и добавил уже Петрухе:

— Рацию Атаману отдашь. Бинобль не бери — отнимут. И ходи. Каждый день ходи. Есть переход, нет — ходи. Пусть подрочатся...

Не сговариваясь, все шестеро ополченцев выстроились в один ряд.

— Это Батя, — сказал Атаман. — Он теперь для вас Бог, царь и воинский начальник... Все вопросы к нему...

— Нас к Мозговому? — за всех спросил Усов.

— Ага, к Бетмэну и Мозговому... И сразу в бой!.. — с усмешкой ответил Батя. — В Дубраву вас отвезу. Там тренировочный лагерь — проверят, кто на что годен. Сейчас много поступает таких, кто и в армии не служил...

— И что с такими? — настороженно спросил Афанасий.

— Учим...

Батя осмотрел строй измотанных трудной дорогой ополченцев, свой взгляд остановил на Татьяне, которая, впрочем, выглядела свежее других.

— Вас что-то смущает? — спросила она.

— Да нет... — уклончиво ответил Батя. — Работа для всех найдётся...

— Татьяна мастер спорта по стрельбе... — сказал Атаман, и, сделав паузу, добавил: — По стрельбе из лука.

— Нам бы ещё метателей копий... — усмехнулся Батя, но тему развить не успел.

— Хватит тут хаханьки разводить!.. — сурово подступил к нему дед Павло. — Ты привёз мне?...

— Привёз... Вон чай, сахар, печенье... Будешь ребят угощать...

— Ты мне мозги не крути. Гранатомёт привёз?!
— Дед Павло, на хрена он тебе нужен?..
— Он мне нужней, чем тебе!.. Разъездились тут, гады... Туда-сюда, туда-сюда... Вон, сегодня Петруху чуть не прихватили... А был бы — я б им...

— Дед Павло, поставь чаю, — устало произнес Батя. — Нам скоро отчаливать...

Обиженно сопя, дед Павло заваривал чай. Все присели на лавки вокруг стола, который стоял в теньку виноградной беседки. Где-то на горе один за другим громыхнули три разрыва. Дрогнула земля, звякнули ложки в стаканах.

— Это Кудеяра за Погореловкой утюжат, — глянув в гору, сказал Батя. — Последний блокпост с севера. Не устоят — всё посыплется до самой Станицы...

— Во казачура! — не тая восхищения, добавил дед Павло. — Молодь похватила свои айфоны и драпает кто куда, а этому за семьдесят — с баррикады не слазит... Гранатомёт привезёшь?..

Батя поперхнулся чаем, закашлялся, но ничего не ответил.

Серёге было приятно слышать о Кудеяре. Хотелось тут же всем рассказать, что это его отчим, но по обыкновению он промолчал.

— Погореловка наша? — спросил Батю.

— Да толком ничья... Утром правосеки чёрно-красные флаги вывесят, к обеду Кудеяр посбивает их, вывесит свои, нет своих — российский повесит, к вечеру опять правосеки, ночью опять Кудеяр. Так и тасуются...

— А что местные администрации? — спросил Усов.

— А то ты не знаешь наших чинуш!.. — махнул рукой Батя.

— Кто придёт — тем и служат, — добавил дед Павло. — Они конечно с радостью готовы служить нам, но приходят бандеровцы — без радости служат им...

— В Погореловку не заедем?... — спросил Серёга.

— У него мать в Погореловке, — сказал Атаман.

— Сейчас нельзя туда, можно напороться. Отобьём окончательно — повидаешься... — пообещал Батя.

— А ты чего кислый? — взглянул на Атамана.

— Ещё раз отведу и всё... — сказал тот. — Ухожу к Бетмэну...

— Ты это брось дурку гнать! — сурово прервал Батя. — Этому гранатомёт, тебе к Бетмэну... А людей через линию кто водить будет? Петруха?

Атаман молча вздохнул.

— И вообще, я тебе ещё за прошлый раз не ввалил!..

Атаман вскинул голову.

— Когда по нам из роши стреляли, ты зачем со своей «мухобойкой» выскочил?

— Отвлечь на себя хотел...

— Отвлечь... Ты, Атаман, запомни, если меня убьют — завтра сюда другого пришлют, а тебя здесь никто не заменит. Ты нам живой нужен...

— Ребята там воюют, а я здесь...

— Не каждый мужчина, кто в кого-то стрелял, но каждый, в кого стреляли... — парировал Батя и взглянул на часы.

— Так, бойцы, закладывайте вещами зад микроавтобуса и по рюкзаку по бокам, — скомандовал он. — Будут стрелять — падайте на пол...

— Не напоритесь там... — строго сказал дед Павло.

— Не напоремся... Они теперь до ночи магистрали топтать будут, — подмигнул Атаману Батя.

— Хоть бы рыбаков там не постреляли...

— Пусть стреляют... — неожиданно произнёс Батя. — А то кому война, а кому рыбалка... Как только начали нас долбить под Станицей — толпы беженцев ломанулись к границе. И кто попереди всех? Рыбачки... Бегут здоровенные мужики. У них дома попалили, детей побили, а они ломаются попереди баб... Кудияр на своём блокпосту порядок мигом навёл — женщин, стариков, детей в первую очередь, а мужикам говорит: «Наденете бабские колготки, тогда пропущу!»

— И что же, надели? — улыбнулась Татьяна.

— Некоторые одумались, вернулись, а в основном «надели»... — морщится Батя.

На прощанье он обнял деда Павла, ткнул кулаком в плечо Атамана.

— Ты это... Куда тебе в твои годы... Там молодые нужны, там бегать надо...

— Ну да... А тут я не бегаю... — сказал Атаман и потёр кулаком засохшие на лице грязные потёки пота.

Прощаясь, он обнял каждого и каждому попытался найти нужное слово: «Ты, Ус, не вздумай погибнуть, тебе ещё нашим детям историю писать», «Хоттабыч, на тебе Татьяна...», «Татьяна...» — Татьяне ничего не сказал, только поцеловал в лоб.

Атаман перекрестил отъезжающих, и ему сразу стало одиноко и грустно.

— Плесни чайку, — попросил деда Павла.

— Что-то на тебе лица нет. Может, корвалолу плеснуть?

— Плесни чего-нибудь...

— Загонял ты мотор...

— А-а...

-
- А я как переволновуюсь... Тут у меня одно средство...
Может, пересидишь у меня до завтра, а на зорьке...
— Не, — мотнул головой Атаман.
— На зорьке спокойней.
— Мне одному и сейчас спокойно...

По вечерам Иван Власовича купали. Мария наполняла большое старинное корыто тёплой водой. Чтоб приглушить уже начавшиеся пролежни, добавляла чуток марганцовки и густой настой из чистотела, дуба, ноготков и листьев бузины. Лёха брал старика на руки и осторожно опускал в воду. Иван Власович легонько постанывал, кряхтел, но процедуру омовения выдерживал до конца. Наконец Лёха поднимал его из корыта, и пока держал над водой, Мария промокала его сухой простынёй. Чистого, осушённого Ивана Власовича укладывали в свежую постель.

— А куда-то Серёжка подевался? — спрашивал Иван Власович.

— Туда... — кивала в сторону реки Мария.

— К матери, что ль, к Людмиле?..

— Туда, куда тебя кажен день мордует... — тихо ворчит Мария.

— Громче ты говори! — прерывисто дыша, сипит Иван Власович. — Щебечешь как пичуга, ничего не пойму...

— К матери пошёл! — громко кричит Мария.

— К матери... к матери... — раздумывая, бормочет Иван Власович. — Убьют его там, дурака...

— Чегой-то его убьют?! — с вызовом подступает Мария. — Втемяшил себе дуротень...

— Он жа тамо вконец сопьётся...

— Не сопьётся — у Бетмэна сухой закон, — возражает Лёха.

— Да! — подхватывает Мария. — Там за такие дела чуть не до смерти расстреливают!

— Вон оно чего... Но тогда может и уцелеет, — успокаивается Иван Власович.

— А кто этот Бетмэн — немец, жид? — спрашивает через время.

— Русак! — кричит Лёха.

— Русак?.. А имечко у него...

— Это он позывной такой для форсу придумал, чтоб бандеров с панталыки сбить.

— Вон чего...

— Я б и сам туда пошёл, да с меня какой толк, только в ногах путаться... Да и кобылу куда денешь?.. Пропадёт без меня... — оправдывается Лёха.

— То так... — соглашается Иван Власович то ли с тем, что кобыла пропадет, то ли с его непригодностью.

Рано утром в дверь постучал Атаман.

— Тётъ Мань, — тихо позвал он.

— Убили?.. — выскочив на порог, выдохнула она.

— Убили... — кивнул Атаман. — В первый же день, в Дубраве... Самолётами разбомбили...

— Я как знала... — крестясь, прошептала Мария. — Да и он сам знал... Деду ни гугу!.. — прижала палец к губам.

— Да это понятно... Сейчас мы с Лёхой за ним... Придёте потом помочь, чтоб всё как... Батюшку надо...

Утирая слёзы, Мария молча кивала.

— Что, твоими тропами, через брод? — подогнав бричку, спросил Лёха.

— Моими тропами конём не пройти. Может, с украинскими погранцами договоримся?..

— Договоримся... — уверенно кивнул Лёха.

На бричке поехали через мост, стали на нейтральной полосе. Атаман с кем-то созванивался, но на той стороне была какая-то задержка. Атаман нервно всматривался в украинский погранпост, Лёха лихорадочно тискал в зубах сигарету.

— Ты думаешь, я туда не хочу?.. Меня кобыла держит!.. — не тая раздражения, говорил он.

— Ничего я не думаю... — хмуро отвечал Атаман.

— Думаешь!.. — комкая недокуренную сигарету, зло выкрикнул Лёха. — А куда её деть?.. Возьмёшь кобылу?!

— На что она мне?.. За кобылой уход нужен, это не кошка — выпустил и пусть мышей ловит...

— И я про то ж! Держит зараза по рукам... Если б не она — вперёд Серёги там был...

Атаман не ответил. Достал телефон, снова начал созваниваться с кем-то.

— Сейчас договарюсь с нашими... Жди, — наконец приказал он и отправился к российским пограничникам.

Лёха, понуриив голову, покорно остался ждать. До него доносились обрывки разговора:

— Ну и как ты себе это представляешь, Атаман?.. — Голос старшего лейтенанта Климова — старшего по заставе.

— А чё там... стволы к бошкам приставим...

— Ты совсем охренел, Атаман?!.. Это ты здесь сам по себе воюешь, а я здесь — Россия. А Россия в войну не вступала!...

— А я на тебя рассчитывал, старлей...

— Рассчитывать будешь, когда у нашего бара драка начнётся!..

— У бара я и без тебя справлюсь!.. — зло сказал Атаман и двинулся к Лёхе.

— Пойдём... — подойдя, глухо сказал он, и Лёха понял, что никто им сейчас не поможет.

— Теперь не мешай мне! — неожиданно властно произнёс он и, отстранив Атамана, держа в поводу лошадь, уверенно зашагал к украинскому посту.

Подойдя к шлагбауму, не церемонясь, оборвал удерживающую его верёвку. Шлагбаум взмыл вверх, так, что кобыла от неожиданности подпрыгнула на месте.

— Э-э, дядя, ты чего?!.. Заблудился?!.. — выскакивая из сторожки, бежали навстречу украинские пограничники.

— Так, ребята... — подождав, когда все соберутся у шлагбаума, прохрипел Лёха. — Расклад такой: вон подходит машина, везут моего братку. Если кто... Если хоть одна блядь из вас дёрнется — убью всех до единого!..

Всё это Лёха произнёс настолько уверенно, что даже Атаман уверовал, что именно так всё и произойдёт. Тут боковым зрением, почти затылком, он увидел, как к нейтральной полосе подтягиваются наши пограничники. Атаман знал, что дальше нейтралки они не пойдут, но сердце его возликовало.

— Не испытывайте судьбу, ребята! — оскалился Атаман, и в этом оскале читались и отчаянье, и весёлость, и какой-то бесшабашный вызов.

Лёха передал ему вожжи, раскинул в стороны стволы, уверенно шагнул сквозь строй ещё минуту назад самоуверенных людей. Они молча расступились перед ним; потупившись, каждый смотрел себе под ноги, словно ждал какой-то особой команды, но команда не поступала. Он принял из машины ещё податливое, не успевшее заостенеть тело; взвалив на плечо, вернулся сквозь расступившийся строй и осторожно уложил его на бричку головой назад. Вернувшись, закрыл за собой шлагбаум.

— Живите... — вместо благодарности, прохрипел Лёха и, взяв из рук Атамана вожжи, развернул бричку.

На другой день Отец Антоний отпевал «убиенного воина Сергия». В комнате пахло воском и ладаном. Серёга со скрещенными на груди руками лежал в тесном гробу, и казалось, внимательно слушал заупокойную молитву. Лицо его было спокойно, в нём не было отображения ни страха, ни мук, скорей оно выражало некое изумление.

О гибели Серёги Иван Власовичу не сообщили. Смутно о чём-то догадываясь, он спросил пришедшую с похорон Марию:

— Что там такое?..

— Какое? — грубовато переспросила та, чтоб уйти от конкретного разговора.

— Ну, гомон...

— Где гомон?..

— Там... — кивнул на окно Иван Власович.

— Не слышу никакого гомона, — уверенно сказала Мария. — Придумал себе...

Мария старалась вести себя обыденно, и Иван Власович к этому разговору больше не возвращался.

На поминах Серёги Атаман крепко выпил, что случалось с ним крайне редко. Помолясь в конце трапезы, он с трудом вышел из-за стола, и, не вступая ни с кем в обыденные в таких случаях разговоры, пошатываясь, молча, ушёл к себе. Лёха ж, вопреки ожиданиям, на поминах не напился, даже не пригубил. Он, может, и хотел бы выпить, но как-то не получилось. Когда все присутствующие выпивали «за упокой раба Божьего Сергея», он вместе со всеми поднимал стопку, но тут его вдруг начинали трясти рыдания. Расплескав на себя водку, он ставил порожнюю стопку на стол. Когда поднимали по второй и по третьей, — всё повторялось.

— Серёга не хочет, чтоб я... — выдавил из себя Лёха и впервые заплакал.

— Вы на меня не смотрите, я... Да чего там... Поминайте братку, — просил он присутствующих. — Вас он не осудит...

Глаза его были пустые и неподвижные. Казалось, он ослеп, но сам ещё не догадался об этом.

Батя как обычно запаздывал, и Атаман привёл людей далеко за полдень. Солнце, перевалив за росшие вдоль старого русла вербы, уже клонилось к горе. Оттуда резче запахло дымом, отчётливей слышался треск горящей травы и кустарников, что всегда случается перед вечерней прохладой.

— Укропы хлеба зажгли, — сообщил Батя. — Сегодня уже седьмое поле догорает...

Где-то совсем близко один за другим ухнули три взрыва.

— Кудеяра из саушек добивают... — вглядываясь в затянутую дымом гору, добавил дед Павло.

— Не удержите блокпост? — спросил Атаман.

— Да там уж и нет никого, один Кудеяр... — сказал Батя. — Вчера пятерых ребят положили... Какие парни!.. Дали команду отходить... Теперь там один Кудеяр...

— А он что?..

— Крышу видать подорвало... Пробовали его эвакуировать. Где там!.. Палит без разбору на четыре стороны... Гляди, на обратном пути не попади в его радиус...

Узкой, едва приметной тропкой, найденной козами, Атаман шёл под самой горой. Здесь нет дорог; старые пути давно

размыты, порезаны ериками, сбегаящими с горы. Едва ли тут рискнёт кто-то проехать, поэтому чувствовал он себя в некоторой безопасности.

Вдруг вверх треснули сучья — по размытому склону покатились вниз мелкие камушки. Атаман поднял лицо и вскоре заметил: по белому оголённому склону, осклизаясь и падая, двигался к нему пьяной походкой человек в разодранной одежде. Одна штанина была наполовину оторвана, наступая на неё, человек спотыкался с каждым шагом. Вдруг он замер и вскинул автомат.

— Кудеяр?.. — окликнул Атаман.

— А-а... Атаман... Тебя ещё не убили?..

Спустившись вниз, Кудеяр обнял Атамана. На белых усах его подрагивали грязные капли, — не то пот, не то слёзы.

— Ещё жив... Жив... — бормотал он. — А я... У меня вчера таких ребят положили!.. Слышь, Атаман, таких боле не будет!..

Кудеяр отёр лицо о грудь Атамана, наконец, отстранился.

— Всё, нет блокаста... — выдохнул он. — Не удержим Станицу... И Бате недолго здесь гулять... Сегодня ночью, все кто помоложе, за Донец ушли, а я... Куда мне?..

— Давай переведу тебя в Россию, — предложил Атаман. — Здесь у меня тропы свои...

— А я и есть в России! — с вызовом сказал Кудеяр. — Вот она, Россия! — притопнув ногой, закричал он. — Вот она, под ногами!..

— Не кричи, — крепко прижал его к себе Атаман. — Услышат...

— Пусть слышат!.. — упрямо хлопал разодранной штаниной Кудеяр.

— Ладно... Кто ж с этим спорит... Конечно Россия... — успокаивал Атаман. — Куда тебе здесь оставаться; давай через Деркул переведу...

Кудеяр отстранился, некоторое время с удивлением рассматривал Атамана, наконец отрицательно мотнул головой.

— Как я уйду? А Людмилу кому оставлю?..

— Давай всех переведу. И Людмилу...

— Не-е-т, куда нам идти?.. — успокаиваясь, рассудительно заговорил Кудеяр. — Тут у нас всё своё — и дом, и хозяйство... А там?.. Приживалками к Серёге и Лёхе?..

«Значит, за Серёгу ещё не знают», — догадался Атаман и промолчал.

Отвернув от горы, Атаман углубился в лес. Задумавшись, он давно перестал замечать дорогу; ноги сами находили верный путь — где надо, сворачивали, где надо, переступали через валежник. Он понимал, что нужно почаще останавли-

ваться, осматриваться, прислушиваться, как он всё время делает, когда за его плечами доверившиеся ему люди. Но людей он уже отправил с Батей, и упадок сил всё сильнее и сильнее давал о себе знать.

«Господи, как я устал!..» — взявшись за голову, думал он, продолжая идти.

— Стой! Стоять!.. — у самого виска прозвучал властный голос.

Он давно ждал этого оклика, и всё же, кажется, он застал врасплох. На мгновенье Атаман застыл на месте, но тут же стал медленно оборачиваться.

— Стоять, не оборачиваться!.. — нервно закричал второй голос. — Не оборачивайся — пристрелю!..

— А так бы не пристрелил? — обернувшись, с усмешкой спросил Атаман.

Это у него нервное. Когда он теряет самообладание — всегда всё делает с вызовом и вопреки здравому смыслу.

Два ствола смотрели ему прямо в лицо.

«Только двое, — осматриваясь, подумал он. — Поблизости больше никого — двое...»

Про себя он тут же означил своих врагов понятными лишь ему самому именами. Так, высокого долговязого парня, который первым окликнул его, назвал Длинным, и второго, приземистого, широкого в плечах, обозначил Коротким.

— Атаман? — спросил Длинный.

Атаман не ответил.

— Ну и где твоё войско, Атаман? — с насмешкой спросил Короткий.

Атаман инстинктивно покосился туда, где только уехали с Батей вверенные ему люди, где остался на берегу старого русла дед Павло, где прошёл своими тропами растерзанный Кудияр... Все они на какое-то мгновенье ожили в его памяти, но он промолчал.

— Что, москалик, смерти боишься? — скривив губы, смеётся Длинный.

Атаман молча пожал плечами.

— Тебя спрашивают: смерти боишься?! — нервно ткнул его стволом в лоб Короткий.

— Не пробовал, не знаю...

— Сейчас попробуешь! Пошёл вперёд!..

— Нет, ребята, никуда я не пойду. Хотите, стреляйте здесь...

— Ещё как пойдёшь! На карачках сейчас ползти будешь!..

Крутнувшись на месте, Короткий ударил Атамана ногой в живот. Тот перегнулся от боли, сделал несколько шагов назад, но на ногах удержался.

«Нужно заставить его нервничать и идти на сближение...» — думает Атаман. В уме его уже выстраивается некая комбинация.

— Это и всё, на что ты способен? — скрывая боль, усмеётся Атаман. — Ну-ка махни ещё!..

Короткий злится, размашисто бьёт, но Атаман уже ждёт этот удар и легко уворачивается. Провалившись, Короткий, едва не упав в кусты, сам идёт на сближение, цепкой рукой хватая Атамана за воротник. Теперь автомат его в левой руке, и он больше мешает ему.

— Не дёргайся, от меня не вырвешься! — задыхаясь от злобы, рычит он. — Знаешь, как меня кличут среди своих? — Алабай! Хватка у меня мёртвая... Понял меня?. Ну, отвечай. Понял? Что перекошил рожу?

— Не люблю собак...

— Полюбишь... Берцы мне лизать будешь...

— Дурачок ты... — выводя соперника из себя, улыбается Атаман.

Сильный удар в голову потряс его, в глазах вспыхнуло пламя, колени его подогнулись. Это Длинный ударил прикладом. Атаман наверняка бы упал, но Короткий удержал его за ворот.

— Что ты делаешь?.. Ты же русский... — перебарывая боль, выдохнул он.

— Русский?! — запальчиво выкрикнул Длинный. — Мы славяне-арии, а вы грязный улус Орды. Так что не клейся в родственники...

«Боже, какая каша у них в голове... Славяне-арии... Это всё равно, что чукчи-дорийцы, — подумал он. — Кто им вдолбил в голову эту хрень?..»

— Из-за таких, как ты, я стыжусь, что я русский... — запальчиво произнёс Короткий.

— Не стыдись, ты не русский... ты алабай... — наконец расправляя колени, сказал Атаман.

— Ну-ка вперёд! — толкнул его в спину Длинный. — Пошёл!

— Нет, не пойду... — качнул головой Атаман. — Если сможете, тащите меня на себе. Если сможете...

Отойдя на несколько шагов, Длинный достал рацию, начал говорить с кем-то:

— Только что взяли Атамана. Да, тот самый... Пришлите подкрепление... Да нет, не хочет идти. Не переть же на себе этот центнер...

«Значит, минут пять-десять у меня есть. Длинный занят разговором, остался один Короткий... Такого момента больше не будет... — размышлял Атаман. Исподлобья он взглянул на противника, тот по-прежнему держал его правой рукой за ворот,

левая с автоматом была отведена в сторону и скорее мешала ему. — Сейчас... Если не сейчас, то всё... Лишь бы он не выронил автомат...» — промелькнуло в голове Атамана.

Атаман всем телом рванул назад, — воротник затрещал, но рука, держащая его, не ослабла, напротив, вцепилась ещё крепче. И тогда, неожиданно для своего противника, он в долю секунды сблизился с ним и успел вывернуть от себя автомат. Один за другим лязгнули одинокие выстрелы, и Длинный, прижав к себе рацию, стал медленно приседать. Скрючившись и повалившись на бок, он несколько раз дёрнулся всем телом и в глазах его застыло удивление.

Яростно сопротивляясь, Короткий, не выпуская из руки автомат, пытался оторваться от Атамана. Тот же хорошо понимал: отпустить Короткого хотя бы на пару шагов — неминуемая смерть. Этот безмозглый славянин-арий расстреляет его в ту же секунду, а умирать Атаман не спешил. Так они и плясали на одном месте, — один удерживал, другой из всех сил вырывался.

Атаман понимал: стоит ещё этому упрямому «алабаю» продержаться какое-то время, и к нему подоспеет помощь, и тогда ему уже не спастись.

— Отдай автомат, и я тебя отпущу, — сказал Атаман.

— Скоро отпустишь... — хрипел Короткий. — Вон, уже едут наши...

Силы Атамана таяли, а соперник, казалось, был неутомим. Таща за собой Атамана, он с остервенелостью попавшего в капкан зверя метался из стороны в сторону. Наверняка он мог бы оказать и более достойное сопротивление, выпусти из левой руки автомат, но видимо он ещё надеялся им воспользоваться.

Где-то вдаль послышался рёв приближающегося УАЗа. Короткий воспрянул духом и стал сопротивляться с удвоенным неистовством.

«Ещё каких-нибудь пару минут, и мне не уйти...» — понял Атаман.

Он закружил Короткого вокруг себя, так, что ноги его повисли в воздухе. Не успел соперник коснуться земли, как Атаман захватил в объятия его мощную шею. Короткий крутанул головой, желая освободиться, но Атаман уже успел всунуть под его подбородок руку.

— Отдай автомат, и я оставлю тебя живым, — повторил он ему в самое ухо.

В ответ Короткий лишь дико зарычал что-то несвязное и стал биться ещё сильнее. Казалось ещё секунда, и он вырвется на свободу.

Атаман сцепил в замке руки.

— Брось автомат! — закричал он ему в затылок.

Уже не сопротивляясь, Короткий раз за разом нажимал на спусковой крючок. Где-то у самого лица Атамана хлопали выстрелы.

«Своим подаёт сигнал», — догадался он и что есть силы сжал свои руки.

Атаману не хотелось убивать, но каким-то подспудным чутьём он понимал: чтобы выжить самому, ему всё же придётся удавить это по-звериному упрямое существо.

«Не зря тебя по-собачьи назвали!» — злясь на упорство Короткого, думал он.

Короткий быстро засучил ногами, вдруг всхрипнул и скоро затих.

— Эй! — ослабив руки, окликнул его Атаман.

Голова парня безвольно качнулась набок, взмокшие волосы рассыпались по лицу.

— Эй... — снова позвал Атаман и похлопал по темным щекам недавнего соперника.

С каждым хлопком лицо парня безобразно перекашивалось то в одну, то в другую сторону.

Атаман встряхнул парня, прислонился к его груди.

— Вот же дурак! — в ярости прокричал он. — Я же прошил тебя...

Где-то совсем близко скрипнули тормоза, послышались приглушённые голоса, звяк оружия.

С трудом вдохнув в себя воздух, Атаман поднялся на ноги, спотыкаясь и падая, побрёл сквозь густую чащу к реке, теперь уже видя только лишь в ней своё спасение. Если б была погоня, его наверняка бы догнали, но чужие голоса людей не продвинулись дальше места его схватки. Они ещё не знали чужой им местности, и видимо боялись попасть на засаду. Уже у самой реки он, наконец, осмотрелся. С удивлением увидел в своих руках автомат. Он всё-таки вырвал его из ослабевших рук своего соперника и всю дорогу волочил за собой. Атаман понимал, что там, на своей стороне, этот автомат будет ему не нужен. Он нашёл глазами ствол упавшего тополя, уже полусгнившего, покрытого лишайниками и мхами, засунул под него свой трофей, засыпал сухой корой.

«Может, когда-нибудь пригодится...» — подумал он.

Тут силы окончательно покинули его. В сердце запекло, забулькало, и ему стало нестерпимо душно. Разодрав на горле рубаху, он в каких-то невероятных конвульсиях добрёл до реки, и уже ничего не помня, ступил в воду. У противоположного берега кто-то подал ему руку. Ничего не соображая, он ступил на мокрый песок.

— Атаман, ранен? — услышал он чей-то голос.

С трудом он поднял глаза.

— А, старлей... — прохрипел он. — Старлей...

— Ты ранен?

— Ранен... — кивнул Атаман и, спотыкаясь, пьяно побрёл по-над рекой к дому.

Где-то на полпути он неожиданно ткнулся головой в мягкую грудь жены. Виктория обхватила его, прижала к себе.

— Ты чего?.. — отстранив ее, удивлённо спросил Атаман.

— Там стреляли...

— Стреляли?.. — вновь искренне удивился он.

— Стреляли...

— Ах да... Это на магистралях...

Зачем-то Атаман попытался вспомнить снившийся накануне сон, но как ни старался, ни один образ не всплыл в его памяти.

Придя домой, Атаман слёг и несколько суток не поднимался с постели. Он не ел, не пил, даже не спал. У него ничего не болело, но всё время недоставало воздуха. От этого его мучило и рвало, а так как рвать было нечем, казалось, что вот-вот он выплеснет из себя все свои внутренности. Виктория влажным полотенцем утирала его почерневшее лицо, а он конвульсивно отмахивался руками и в бреду повторял одно и то же:

— Господи, как я устал!.. Почему?.. Как могло это стать-ся?.. Такие ж русские мальчишки, такие ж кресты на груди... И вдруг... Что нужно было сделать с их мозгами, чтоб они вдруг увидели себя ариями, а нас грязным улусом Орды?.. Как я устал...

— Маруся... — далеко за полночь тихо позвал Иван Власович.

— Вот она я, — склонилась над ним Мария. — Может, поешь чего? Ты за вчерашний день и крошки не взял...

Старик отрицательно качнул головой.

— У меня узварчик настоящий, холодненький, как ты любишь...

Вновь старик качает своей головой, и белые прядки волос рассыпаются по его восковому лбу.

— С грушами... — продолжает уговаривать жена. — Ты ж любишь с печёными грушами...

— Батюшку привезли? — чуть слышно шепчет Иван Власович.

— Послали к Антонию, а его нет, в отъезде... — отчитывается Мария. — К завтраму должен обернуться, — говорит она, словно оправдываясь.

— К завтраму не успеет... — шепчет старик.

— А ты потерпи... Куда тебе спешить?...

— Маруся, помолчи, — просит старик. — Я шас покаюсь тебе, а ты слово в слово Антонию перескажешь. С грехами тяжко и боязно...

— Тю на тебя! — всплскивает Мария. — Какие ж там грехи — ты весь на ладони...

Мария хотела ещё что-то добавить, но ей вспомнилась Людмила, и она умолкла.

— Ты думаешь только Людмила?.. — словно читая её мысли, шепчет старик. — Людмила-Людмила... Как придёт, скажи, прощения её спрашивал... А ещё...

По щеке старика скользнула слеза, разбилась о колючий подбородок.

— Чего ещё ей сказать? — уже без ревности спрашивает Мария.

— Скажи, прощения спрашивал, — вновь повторил старик и надолго умолк.

Она хотела уже уйти, но он коснулся её руки своими холодными пальцами.

«Остывает уже», — подумала она, и, взяв его руку, стала отогревать её своим дыханием.

— Антонию скажешь: дюже беспечно жил...

— Ваня, ну что ты такое приплетаешь?.. Ну как я буду Антонию... Подумает, что наговариваю на тебя зряшнее...

— Маруся... — уже с хрипом шепчет старик. — Не держи на меня сердце... То всё давнишнее и пустое... Только одну тебя и жалел...

— Ванечка!.. — вдруг всхлипнула Мария. — Ванечка, родимый, не терзай себя... Я ж первая во всём виновата... Ты ж как в армию призывался, помнишь, мы к речке с тобой уходили... А потом как ушёл, а у меня... А я спужалась, что не поверишь, подумаешь, нагуляла с кемя — откажешься... Пошла к Грачихе... Она воды вскипятила, да спицею... Вот Господь и отказался от меня — оставил навек бездетною... А ты подобрал...

Утром приехал Антоний, Ивана Власовича успели посоветовать, и ему неожиданно стало легче. Вымытый, побритый, он лежал в свежей рубашке и кротко улыбался.

Пришёл кум Павло. Присев у самой кровати, некоторое время сидел молча.

— Ну как ты, полчанин? — наконец произнёс он.

— Пора уж мне... — прошептал Иван Власович. — Воняю уже как дохлый кобель...

— Ничего не воняешь, — возразил Павло. — Мария за тобой смотрит, не даёт загнить...

— То так... Я её обижал, а она вот...

Снова надолго умолкли.

— А Серёжка шас бандеровцев лупит... — не без гордости прошептал Иван Власович.

— Лупит... — соглашаясь с ним, кивнул кум Павло.

— Что-то Атамана давно не видать, — неожиданно прошептал Иван Власович. — То навевывался, а шас не видать...

— Захворал Атаман... — уклончиво ответил Павло.

— Вон чего?.. Хвораает... Ему хворать нельзя...

— Нельзя... — согласился Павло.

— Кум, хочу тебя попросить...

Вслушиваясь, Павло наклонился к старому другу.

— Сыграй на прощанье...

— Чего? — растерянно осмотрелся Павло.

— Ну, нашенскую сыграй... Я сам пробовал, а голосу нет...

Павло вновь осмотрелся, словно ища у кого-то поддержки, но так как они были одни, наконец, зажмурил глаза.

— Последний онешний денёчек Гуляю с вами я, друзья!.. — гаркнул он во весь голос, так, что вздрогнули занавески на окнах.

— Ты чи сказался, Павло?! — вбежав в комнату, накинулась на него Мария. — Тут такое дело... Чай не свадьба...

Павло поднялся, словно извиняясь, растерянно развёл руки.

— Вот так, Власыч, не разгуляешься ноне... — наконец произнёс он.

— Она вечно встряёт не в своё... — слабым голосом прошептал Иван Власович. — Ты на неё не сердчай. Баба — какой с неё спрос...

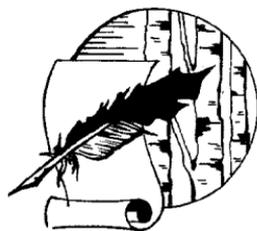
Через два дня Иван Власовича отпели. Лёха, на своей расхлябанной бричке, отвёз на кладбище гроб, где рядом с Серёгой была уже выкопана могила. Перед тем как забили крышку гроба, Мария долго хлопотала у его тела: то поправляла венчик, то крепче сжимала в его холодных руках крестик. Слёз уже не было.

— Ну, прощай, — наконец сказала она. — Жди вскорости и меня...

Перекрестившись, она поклонилась ему, и ей показалось, что Иван Власович улынулся в ответ.

Атаман скоро выздоровел. Прибыли новые люди, которых нужно было вести через линию, и хворать стало некогда...

Хутор Можаявка Ростовская обл.

Михаил АНИЩЕНКО

Михаил Всеволодович Анищенко родился в 1950 году в Куйбышеве. Работал фрезеровщиком, слесарем, сантехником, сторожем, журналистом. Окончил Литературный институт имени А.М. Горького. Первая книга стихов «Что за горами» вышла в 1979 году. Затем появились «Не ровен час» (1989), «Ласточкино поле» (1990), «Оберег» (2008). Стихи публиковались в журналах «Наш современник», «Молодая гвардия», «Москва» и в других. Лауреат Всесоюзной премии им. Николая Островского (1980). Скончался 24 ноября 2012 года. Похоронен в Самаре.

КАК ЛЮБОВЬ И РАЗЛУКА

РОДИНЕ

Я ступаю по тонкому льду
Над твоею холодной водою.
Только чувствую: эту беду
Не утянешь на дно за собою.
Впереди — беспросветная ночь,
За спиною — полоска разлада.
Дорогая, хорошая! Прочь!
Ничего от тебя мне не надо!
Я прощаюсь с твоей красотой,
С незадачей твоей избяною...
Я не знаю, что стало с тобой,
Ты не знаешь, что будет со мною.
Не жалеи, не зови, не кричи.
Никуда возвращаться не надо.
В тихом омуте стынут ключи
От небесного рая и ада.
Мне теперь что назад, что вперёд,
Спотыкаться, скользить и кружиться...
Но на веру твою, как на лёд,
Я уже не могу положиться.

Оглянусь: ты стоишь у плетня,
Ожидая, что всё-таки струшу...
И жалеешь, и любишь меня,
Как свою уходящую душу.

ЗА

Оказался прав мессия:
Гибнет русская земля.
И шепчу я от бессилья:
Где теперь моя Россия
С дальним криком журавля?
В том же платице из ситца,
С телом гибким, как лоза,
Где она? Летит, как птица,
Или, может быть, таится
В безответном слове «за».
За рекой, за старой лодкой,
За туманами долин,
За отцовскою пилоткой,
За снегами, за решёткой,
За страданием моим.

* * *

В доме моем ничего не осталось.
Ночь на исходе. Но время темнит.
В озере ночью вода отстоялась,
Цапля, как облако, в небе стоит.
Льется с берез золотая усталость,
Киноварь с охрой летят на испод.
В доме моём ничего не осталось,
Кактус завял и сломался иссоп.
Счастье ушло. Но осталась свобода —
Та, что похожа на полный расчет,
Та, что случается после ухода
Тех, кто уже никогда не придет.

ПЕРВЫЙ СНЕГ

На темном крыльце, замерзая,
Теряя ко мне интерес,
Ты что-нибудь знаешь, родная,
Про снег, убежавший с небес?

Здесь ночи из черного крепа,
И голос прощальный дрожит...
Зачем же он с ясного неба
На темную землю бежит?
Прощаясь со мной на пороге,
Скажи, на ладони дыша,
Зачем он лежит на дороге,
Растоптанный, словно душа?
И нет в нем ни злости, ни гнева.
И кто в том, скажи, виноват,
Что снег, убегающий с неба,
Не помнит дороги назад?..

НЕ НАПРАСНО

Не напрасно дорога по свету металась,
Неразгаданной тайною душу маня...
Ни врагов, ни друзей на земле не осталось...
Ничего! никого! — кто бы вспомнил меня!
Я пытался хвататься за тень и за отзвук,
Я прошел этот мир от креста до гурта...
В беспросветных людей я входил, словно воздух,
И назад вырывался, как пар изо рта.
Переполненный зал...
Приближенье развязки...
Запах клея, бумаги и хохот гвоздей...
Никого на земле! Только слепки и маски,
Только точные копии с мертвых людей.
Только горькая суть рокового подлога
И безумная вера — от мира сего.
Подменили мне Русь, подменили мне Бога,
Подменили мне мать и меня самого.
Никого на земле... Лишь одни лицемеры...
Только чуткая дрожь бесконечных сетей...
И глядят на меня из огня староверы,
Прижимая к груди не рожденных детей.

* * *

Спи, моя родина, спи, неутешная.
Ночь за окошком опять.
Светлая-светлая, грешная-грешная,
Надо подольше поспать.

Спи, моя родина, спи, мое горюшко.
Горе еще не беда.
Если погасло осеннее солнышко,
Выйдет на небо звезда.

Спи, моя родина, спи, горемычная.
Мучаясь, плача, скорбя,
Я непременно отраву столичную
Выведу всю из тебя.

Спи, моя родина. Тучка осенняя
Таает, бессонницу лья.
Где-то рождается час воскресения,
С печки слезает Илья.

Спи, моя родина: сени, наличники,
Лавочка, печь, домовой...
Завтра умоем мы грязное личико
Мертвой водой и живой.

Спи, моя родина. Светлыми, юными
Будут грядущие дни;
И полетят над тобой Гамаюнами
Лучшие чувства мои.

РОДНЫЕ

И день — святой, и ночь — святая.
Весь год под Богом и луной
Я говорю тебе: «Родная», —
Ты откликаешься: «Родной».

«Родной!» — в ночи и на рассвете,
Вплоть до скончания времен...
Как будто нам до самой смерти
Не надо собственных имен.

А если смерть разрубит нити
Судеб, что сделались одной,
Пускай напишут на граните:
«Здесь спят родная и родной».

КУРОЧКА РЯБА

Старик и старуха у печки сидят,
И тихо о жизни они говорят.
— Земля погибает от крови и зла...
— А курочка Ряба яичко снесла...
— Река обмелела, и лодка сгнила...
— А курочка Ряба яичко снесла...
— Твой сын куролесит похлеще козла...
— А курочка Ряба яичко снесла...
— Обрушится небо, и Бог упадёт...
— А курочка Ряба яичко снесёт...
— Да где же снесёт, коли лопнет земля?
— Найдёт, где снести, поперечная тля!
Снесёт под сиренью и возле крыльца...
— Так что же, старуха, не будет конца?
— Не знаю, не знаю... Но ты помолчи...
И молча сидят у горячей печи.
Сидят и молчат под скорлупкой яйца,
И нет нам начала, и нет нам конца.

Я ВОДУ НОШУ

Я воду ношу, раздвигая сугробы.
Мне воду носить все трудней и трудней.
Но как бы ни стало и ни было что бы,
Я буду носить ее милой моей.
Река холоднее небесного одра.
Я прорубь рублю от зари до зари.
Бери, моя радость, хрустальные ведра,
Хрусти леденцами, стирай и вари.
Уйду от сугроба, дойду до сугроба,
Три раза позволю себе покурить.
Я воду ношу — до порога, до гроба,
А дальше не знаю, кто будет носить.
А дальше — вот в том-то и смертная мука,
Увижу ли, как ты одна в январе,
Стоишь над рекой, как любовь и разлука,
Забыв, что вода замерзает в ведре...
Но это еще не теперь, и дорога
Протоптана мною в снегу и во мгле...
И смотрит Господь удивленно и строго,
И знает, зачем я живу на Земле.

ШИНЕЛЬ

Когда по родине метель
Неслась, как сивка-бурка,
Я снял с Башмачкина шинель
В потёмках Петербурга.
Была шинелька хороша,
Как раз — и мне, и внукам.
Но начинала в ней душа
Хождение по мукам.
Я вспоминаю с «ох» и «ух»
Ту страшную обновку.
Я зарубил в ней двух старух,
И отнял Кистенёвку.
Шинель вела меня во тьму,
В капканы, в паутину.
Я в ней ходил топить Муму
И — мучить Катерину.
Я в ней, на радость воронью,
Возил обозы хлеба,
И пулей царскую семью
Проваживал на небо.
Я в ней любил дрова рубить,
И петли вить на шее.
Мне страшно дальше говорить,
Но жить еще страшнее.
Над прахом вечного огня,
Над скрипом пыльной плахи,
Всё больше веруют в меня
Воры и патриархи!
Никто не знает на земле,
Кого когда раздели,
Что это я сию в Кремле —
В украденной шинели.

* * *

Не смотри, не смотри ты вослед журавлю,
Не грусти у ночного порога...
Всё равно я тебя больше жизни люблю,
Больше Родины, неба и Бога!
Возле мокрых заборов, соломы и слег
Я люблю тебя тихо и нежно —
Не за то, не за то, что, как дождик и снег,
Ты была на земле неизбежна.

Не за то, что сгорала со мною дотла
И неслышно в сторонке дышала,
А за то, что всё время со мною была,
И как смерть — мне ни в чём не мешала!

ДУША

По улицам дура гуляет.
Опавшей листвою шурша,
Танцует, поёт и не знает
О том, как она хороша.
Не знаю, что будет в итоге,
Но вижу чудесный пролог:
Какой-то дурак на дороге
Целует следы её ног.
Целует, и след пропадает,
С дороги ведет в облака.
Смешно вам? А дура летает
По небу того дурака.

ОТЧАЯНИЕ

Тянет гниющей травой из лога,
Дождик косой, как сапожник идёт.
Родина горькая, словно изжога,
Мучит ночами и спать не даёт.
Жутко на родине, словно на плахе.
Люди мычат только «мэ» или «бэ».
Всюду бандиты, ворьё, олигархи
И берегущая их ФСБ.
Пьяненький Филя кричит за осотом,
Небо, пронзая обломком весла:
«Мне бы командовать натовским флотом,
Чтоб уничтожить империю зла».
Тьма вызревает на гаснущих сводах,
Звёзды над нами светить не хотят.
И на идущих во тьму теплоходах
Иерихонские трубы гудят.

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

День Победы. Смертная тоска.
Как вагон, Россию отцепили...

Подменили даты и войска
И героев павших подменили.

Мир спасен. Америке — виват!
Для России — водка и корыто.
Что ты плачешь, маленький солдат,
За проклятым Одером зарытый?

Возрождайся, память, из обид
Под сияньем воинского флага!
Что Париж, Варшава и Мадрид,
Что весь мир без взятия рейхстага?

Русский дом измазали смолой,
Оплели лукавыми словами.
Встань, солдат, над пеплом и золой,
Посмотри в утраченное нами.

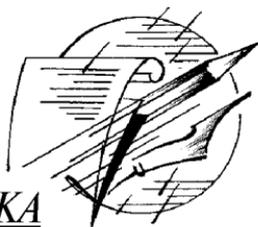
Там, вдали, где праведники лбом
Бьются в пол святого каземата,
Спит Земля в сиянье голубом
Под пилоткой русского солдата.

Лев КРИШТАПОВИЧ,
доктор философских наук, профессор (г. Минск)

БЕЛОРУССКИЙ ПУТЬ — ВМЕСТЕ С РОССИЕЙ

В настоящее время вопрос о важности белорусского национального развития ни у кого не вызывает сомнений. В формальном смысле это бесспорно. Спорное начинается тогда, когда речь заходит о содержании белорусского национального развития.

В течение всего постсоветского времени белорусскому обществу навязывается польско-шляхетский взгляд на белорусскую историю, в соответствии с которым исторический путь Беларуси никак не вписывается в логику развития Русской цивилизации, русского мира. Официальная историческая наука в Республике Беларусь в своей трактовке белорусской истории исходит из политического перенесения нынешней Конституции страны на историю белорусского народа. Логика здесь школьническая: поскольку Белоруссия является независимым государством, постольку у нее должна быть независимая история. Независимая история от кого? Разумеется, от общерусской истории, от общерусского мира. Подход ребяческий, но если ему следовать, то фальсификация белорусской истории становится неизбежной. Отсю-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

да возникла ныне действующая концепция истории Белоруссии, по которой Великое Княжество Литовское представляет собой первую, а Речь Посполитая вторую форму белорусской государственности.

Но если официальная историография в своих писаниях пытается сохранить видимость научного приличия и объективности, то так называемые «европеизированные» историки на страницах своей «неизвестной истории» упражняются в откровенной русофобии. Эта категория псевдоисториков преподносит Великое Княжество Литовское и Речь Посполитую в качестве белорусских феноменов и белорусской демократии. Вся эта ничего общего не имеющая с исторической наукой графомания преследует одну-единственную цель — навязать белорусскому обществу мнение о том, что исторически Белоруссия развивалась вне общерусской истории. И здесь цели официальной историографии и «европеизированных» фальсификаторов полностью смыкаются.

О формировании белорусского характера

Еще одно важное обстоятельство, на которое необходимо обратить внимание. Для правильного понимания исторического процесса на белорусских землях необходимо отказаться от ряда антиисторических химер при трактовке явлений Средних веков. По какому-то недоразумению принято считать, что в отличие от монголо-татарского нашествия, которое принесло русским землям неисчислимые беды и замедлило развитие Северо-Восточной Руси, Литва и Польша якобы принесли Западной Руси демократию и процветание. Однако подобный взгляд абсолютно антиисторичен и представляет собой заурядную фальсификацию белорусской истории.

Дело в том, что в отличие от монголо-татарского ига, которое представляло собой военно-материальный гнет и не затрагивало национальной и духовно-культурной жизни Северо-Востока Руси, польско-литовское господство в силу своей тотальности было более жестоким и тяжелым для западно-русских (белорусских) земель. Об этом красноречиво писал в 1908 году выдающийся белорусский этнограф Евдоким Романович Романов, отмечая, что белорусский народ вынес на своих плечах многовековой католическо-польский гнет, значительно более тяжелый, чем татарское иго, отстоял свою веру и народность от напора польщизны, остановив тем самым колонизацию русских земель с запада. Очевиден тот бесспорный факт, что вся деятельность знаменитых запад-

норусских (белорусских) книгопечатников, писателей, ученых (братья Мамоничи, Лаврентий Зизаний, Стефан Зизаний, Мелетий Смотрицкий, Андрей Мужилковский, Лаврентий Древинский, Христофор Филалет, Афанасий Филиппович, Симеон Полоцкий, Георгий Конисский) проходила в борьбе против польско-иезуитской агрессии, против унии, против западной экспансии. И очевиден тот бесспорный факт, что только воссоединение Белоруссии с Россией в конце XVIII века вывело белорусский народ на прогрессивный путь исторического развития. Видный белорусский историк П. Т. Петриков констатировал: «В конце XVIII в. белорусский народ воссоединился с русским народом в едином Российском государстве. Присоединение земель Беларуси к Российской империи, включение белорусского этноса в родственный великорусский историко-культурный организм открыли новую страницу нашей истории. Закончилась борьба белорусов за выживание в условиях ВКЛ и Речи Посполитой. Начался трудный процесс возрождения исторической памяти и самосознания белорусского народа, развития его духовности и культуры, национально-государственного самоопределения.

Фундаментальное влияние общерусской цивилизации на формирование белорусского национального характера — документально-источниковедческий факт и философско-историческая истина. Поэтому, когда всевозможные квази-историки из факта большего времени нахождения территории современной Белоруссии в составе Великого Княжества Литовского (ВКЛ) и Речи Посполитой пытаются вывести некую европейскость белорусов и тем самым противопоставить нас великорусскому народу, то они, как несмышленные школьники, просто не понимают принципиального отличия политико-государственного признака от цивилизационно-ментального. А ведь в вопросе этнической самоидентификации решающий критерий как раз принадлежит цивилизационно-ментальному признаку. В связи с этим важное значение имеет выяснение национального характера белорусского народа.

Дело в том, что на рубеже XVI—XVII веков нашим предкам была насильственно навязана церковная уния. Церковная уния 1596 года имела определенную установку — упразднить православную веру и лишить древний русский народ (так именовали себя в то время нынешние белорусы и украинцы) своего этнического самосознания. В своей речи в Сенате западнорусский князь Константин Острожский прямо обвинил польского короля Сигизмунда III в насильственном на-

саждении унии: «На веру православную наступаешь, на права наше, ломаешь вольности наше, и наконец на сумнение наше налегаешь: чим присягу свою ломаешь, и то што — кольвек еси для меня учинил, в нивошто остатнею ласкою своею оборочаешь...»

Именно в этот период происходит активный процесс денационализации, то есть ополячивания и окатоличивания западнорусской шляхты. Мелетий Смотрицкий в своем известном «Фриносе», или «Плаче восточной церкви» (1610) констатировал смерть знаменитых древних русских родов (Острожских, Соколинских, Вишневецких, Чарторыйских, Заславских), погибших в полонизме, латинстве и иезуитизме. Крупнейший специалист по истории Западной Руси, профессор Иван Андреевич Линниченко в статье «Малорусская культура» писал: «Лидеры народа (представители нынешних белорусов и украинцев. — Л.К.), его высшие классы, переходят повально из-за материальных выгод и удовлетворения своему честолюбию в лагерь польский, даже такие, как князья Острожские, чуть не владетельные князья, воспринимая целиком чужой язык, чужой быт, входят в ряды шляхты польской». Русскими в плане национального характера осталось только низшее сословие, то есть крестьяне и мещане.

Польско-шляхетское иго на белорусской земле

Современные фальсификаторы, реанимируя комплекс антирусских взглядов польско-шляхетских идеологов на протяжении XVIII—XX веков, тем самым идут вразрез с белорусской ментальностью и белорусской историей. В этом отношении показательна вся антибелорусскость организаторов и участников международного «круглого стола» «Проблемы генеалогического рода Радзивиллов XVI—XXI веков», проведенного 17 сентября 2015 года в Национальном историко-культурном музее-заповеднике «Несвиж». Вдумайтесь: день 17 сентября избран белорусскими историками, архивистами, геральдистами не для того, чтобы рассказать о великом дне воссоединении белорусского народа в рамках единого этноса и единого государства в сентябре 1939 года, а о генеалогии Радзивиллов — этих жесточайших угнетателей и поработителей белорусов? Большого бескультурья и отсутствия всяких исторических приличий и такта придумать было нельзя.

Или взять, к примеру, жизнь польского аристократа Льва Ошторпа, который был предводителем дворянства Минской губернии и которого недалекие журналисты и культурологи делают представителем белорусского знатного рода. В своем

имении в Дукоре он завел театр, картинную галерею; шляхта, по свидетельству очевидцев, пиროвала неделями, так сказать, у гостеприимного хозяина. Но за счет чего и кого просвещалась и веселилась польская шляхта? За счет нещадной эксплуатации белорусских крестьян.

Или вот еще характерная подмена белорусской культуры польско-шляхетскими артефактами. Раньше главным спектаклем Купаловского театра была бессмертная «Павлинка». Это действительно выдающееся произведение белорусской культуры, в котором народный поэт Белоруссии Янка Купала в лице шляхтича Адольфа Быковского высмеял ни на что не способную, но очень гонорливую польскую шляхту. Сейчас же новым художественным руководителем Николаем Пинигиным главным спектаклем сделано произведение польского поэта Адама Мицкевича «Пан Тадеуш», где всячески восхваляется польская шляхта и польско-шляхетская история. Разве это не показательное неуважение к великому Купале и белорусской культуре, когда на сцене главного театра страны ставится произведение злобного польского поэта Адама Мицкевича, который пренебрежительно относился к белорусам, считая их неисторическим народом. Видимо, Николай Пинигин спутал Минск с Варшавой. И может ли таким спектаклем гордиться белорусская нация?

И когда в газете «Советская Белоруссия» в статье «Критик из золотого века» (18 июня 2015 г.), претендующая на белорусскость, Людмила Рублевская резонерствует о демократическом характере Литовского Статута 1588 года, заявляя, что «за убийство простолюдина шляхтича отдавали под суд», то это показательный пример того, как нынешние так называемые «национально-сознательные» историки, философы и журналисты фальсифицируют исторические документы с целью антиисторического отождествления польско-литовской истории с белорусской историей. Действительно, в Статуте 1588 года есть статья, которая говорит о том, что за убийство крестьянина шляхтич должен быть предан суду. Но речь здесь идет не об убийстве своего крепостного крестьянина, а об убийстве крестьянина другого шляхтича. В таком случае шляхтич должен был компенсировать нанесенный ущерб другому феодалу, то есть заплатить так называемую «головщизну». Выдающийся белорусский историк XIX века Михаил Коялович отмечал, что в Речи Посполитой «жизнь хлопа оценилась в 3 р. 25 коп. Можно было убить хлопа и заплатить 3 р. 25 к., больше ничего, т. е. жизнь хлопа ценилась так низко, как нигде не ценится жизнь негра, обращенного в рабочий скот, — так низко, что собака часто стоила дороже».

Известный исследователь истории Великого Княжества Литовского В.Т. Пашуто справедливо заключал: «Белоруссия была страной, подвластной и эксплуатируемой литовской феодальной знатью».

О русской природе белоруса

Мысль о русской природе белоруса постоянно присутствует на страницах исторических источников. В известном смысле она даже приобретает императивную окраску, когда требуется подчеркнуть национальную особенность коренного жителя на территории современной Белоруссии. Например, в послании киевского воеводы князя Константина Острожского епископу владимирскому Ипатию Потею 21 июня 1593 года по поводу замышляемой унии с римской церковью говорится: «...донести князю великому Московскому и московскому духовенству, какое гонение, преследование, поругание и уничижение народ тутошний Русский в порядках, канонах и церемониях церковных терпит и поносит».

И этот «народ тутошний Русский» (нынешние белорусы и украинцы) как раз противопоставляется полякам (ляхам) и литовцам как народам другой цивилизации, народам римским и латинским. Что же касается восточного соседа белорусов и украинцев, то он называется не столько русским народом, сколько москвитами или народом московским. Имея общую веру (культуру), общий славянский язык, принадлежа к единой общерусской цивилизации, белорус и украинец видели в москвите не своего духовного и национального оппонента, а один и тот же тип, объединяемый понятием Русь. Если же и возникали конфликты между русским (белорусом) и русским (москвитом), то причина этой конфликтности носила не национально-психологический, а сугубо меркантильно-классовый характер. В этом плане любопытно признание папского посла в Польше Коммендоне, доносившего в 1564 году в Рим, что «все жители Киева и православное народонаселение в Литве симпатизируют московскому государю по причине веры». Появление самих терминов Белая Русь, Черная Русь, Красная Русь, Украина свидетельствовало в то время не о национальной и политической характеристике, а о географической или территориальной.

Употребление различных терминов для характеристики одного и того же явления было следствием территориальной, политической и национально-религиозной специфики Великого княжества Литовского. Так, в территориальном плане нынешняя Белоруссия называлась Белой Русью; с точки зрения национально-религиозной — это уже была Русь, об-

шерусская цивилизация, в которую входили все русские земли, невзирая на их территориальные особенности и политические границы, а в политическом отношении — Литва. Вот почему коренной житель Белоруссии мог одновременно выступать как бы в трех ипостасях: белоруса, т.е. человека, проживающего на территории Белой Руси; того же белоруса в национально-религиозном, цивилизационном аспекте называли русским человеком, представителем русского народа; а того же белоруса в смысле политического определения именовали литвином как подданного Великого княжества Литовского. Любопытно отметить, что после образования Речи Посполитой, начиная со второй половины XVII века, белоруса в России часто называли поляком на основании того, что он был подданным Польского государства.

Аналогично обстояло дело с характеристикой коренного жителя Московского государства. В территориальном плане он был жителем Великой России, т.е. великороссом. Как подданный великого князя Московского он именовался москвитом, представителем народа московского; а с точки зрения национально-религиозной — это был русский человек, ничем не отличающийся от белоруса и украинца. В договорных статьях польского короля Сигизмунда III с московскими боярами 14 февраля 1610 года есть примечательный пункт, где говорится, что «Русским Московским в Польше и в Литве торги мають быти вольные». Тем самым сами польские дипломаты подтверждают: кроме русских в Московском государстве были еще русские в Речи Посполитой, т.е. белорусы и украинцы. Само появление белоруса и украинца следует рассматривать как консервацию древнего русского народа, оказавшегося в чужеземном государстве (Великое Княжество Литовское и Речь Посполитая). Ошибка исследователей, которые говорят о формировании белорусской народности в составе Великого Княжества Литовского как некоем эволюционном процессе, заключается в неосознанной подмене консервации эволюцией. Консервация — это фактически застой, регресс. Эволюция — это прогресс. Только не понимая принципиального отличия консервации от эволюции, можно и вести речь о формировании белорусской народности в ВКЛ.

Собственно говоря, никакого формирования белорусской народности в смысле некоего белорусского поступательного развития в Великом Княжестве Литовском не происходило, а наблюдалось явление именно консервации, то есть застоя, стагнации древнерусской народности на территории нынешней Белоруссии. «Иноземное (литовское. — Л.К.) господство консервировало, замедляло развитие общественного строя Бе-

лоруссии». Находясь в неблагоприятных политических условиях, древнерусская народность не смогла сохранить в чистоте своей древнерусский язык, который подвергся польско-латинскому загрязнению. В итоге возник исковерканный полонизмами и латинизмами язык, который получил название белорусского и украинского. Как признает польский этнограф Вандалин Шукевич, «народ (белорусский. — Л.К.), не имевший возможности пользоваться плодами просвещения, развиваться экономически, отстал в своем развитии и замкнулся в тесных рамках своего быта». Нахождение древнерусской народности в составе Великого Княжества Литовского и Речи Посполитой препятствовало выходу ее на более высокий уровень социального и культурного развития. В языковой сфере складывалась следующая ситуация: если великорусский язык на основе древнерусского языка шел по линии превращения в великий и могучий мировой язык, то древнерусский язык на территории нынешней Белоруссии и Украины вынужден был остановиться в своем развитии и архаизироваться. Эту языковую специфику уловил белорусский этнограф, подполковник Генерального штаба Российской империи Павел Бобровский, который в своих этнографических материалах о Гродненской губернии (1863), характеризуя белорусский язык, выводил его «из древнерусского языка, который из-за сложной исторической судьбы народа здесь как бы застыл, а поэтому сохранился неизменным». Территориальные же характеристики Белой Руси и Украины с течением времени были перенесены на коренное население этих земель в качестве этнических признаков. Так возникли белорусы и украинцы, которые и сегодня в наибольшей степени сохранили историческое родство с древнерусской народностью. Белорусский фольклор и полемическая литература XVI—XVII веков тому красноречивое подтверждение. На эти исторические обстоятельства, обусловившие консервацию древнерусской народности в составе Великого Княжества Литовского и Речи Посполитой, указал академик Николай Михайлович Никольский, который писал, что «с XIV века древнерусское население, которое жило на современной территории Белоруссии, подпало под иноземное господство, сначала под власть Литовского княжества, а затем, с половины XVI века, под власть Польского королевства».

Белоруссия — русская страна

В 2013 году народы России, Белоруссии и Украины отмечали знаменательное событие — 1025-летие Крещения Руси.

Зачастую, говоря о Крещении Руси, все дело сводится к сугубо религиозно-церковному фактору. Дескать, древние русичи приняли православную христианскую веру. В чисто догматическом плане, разумеется, правильно. Но такое понимание сущности Крещения Руси, ограниченное лишь рамками церковного календаря, будет недостаточно. Дело в том, что Крещение Руси было не только важным религиозно-церковным событием, но оно имело фундаментальное значение в дальнейшей жизни наших предков. Фактически Крещение Руси явилось завершающим этапом в формировании общерусской этнической идентичности, выразившейся в единой общерусской письменности, едином искусстве и архитектуре, едином образе жизни, общерусской народности и общерусском государстве. Языческие восточнославянские племена полян, древлян, кривичей, словен, дреговичей, радимичей, северян, вятичей уступили свое место единой общерусской народности, колыбели трех братских народов — русского, белорусского и украинского. Именно с этого времени исчезают племенные территориальные образования восточных славян, которые уступают место единой Русской земле, границы которой простирались от Черного и Азовского морей на юге до Белого моря на севере, от Красной Руси на западе до берегов Волги на востоке.

Складывается единая общерусская цивилизация со своими пространственными, временными и ментальными параметрами. Уже при выборе веры можно зафиксировать ментальную специфику древних русичей, которая отличалась от веры других народов.

Об этом образно повествуется в «Повести временных лет». Когда к киевскому князю Владимиру пришли хазарские евреи с предложением своей веры, то Владимир спросил: «А где земля ваша?» На что хазарские евреи ответили: «Разгневался бог на отцов наших и рассеял нас по различным странам за грехи наши». В ответ Владимир остроумно заметил: «Как же вы иных учите, а сами отвергнуты богом и рассеяны? Или и нам того же хотите?» Или вот еще другие ходоки. Пришли иноземцы из Рима и предложили свою веру. Владимир спросил их: «В чем заповедь ваша?» И ответили они: «Пост по силе; если кто пьет и ест, то все это во славу Божию». И сказал же Владимир немцам: «Идите откуда пришли, ибо и отцы наши не приняли этого».

О чем свидетельствуют эти рефлексии киевского князя Владимира? О том, что своя земля, родина, отечество лежат в основе истинной веры. О том, что традиции отцов, предков — священны. Этим традициям нельзя изменять, потому что они опора,

фундамент, на котором только и может строиться настоящий Храм. Важно отметить то, что православная вера в те далекие времена в первую очередь называлась русской верой. Русская — это определение не только религиозно-церковное, но и цивилизационно-культурное. Отсюда и название нашей Церкви — не просто православная, а Русская Православная Церковь, где понятие Русь является корневым, определяющим. В строго историческом, научном плане нет ни белорусской, ни украинской православной церкви, а есть лишь общая Русская церковь, где общерусскость является ментальной характеристикой белоруса, русского и украинца. Все дальнейшие процессы — национальные, религиозные, политические, культурные — на территории всей Русской земли уже определялись общерусским цивилизационным кодом, протекали в логике общерусской истории. Это полностью относится и к Белоруссии.

Отсюда должно быть понятно, как несостоятельны попытки определенных историков вывести из Великого Княжества Литовского некую белорусскую идентичность. Несостоятельны по той простой причине, что образование ВКЛ именно основывалось на отрицании общерусского характера формирующейся белорусской народности. Уже в грамоте, данной виленскому католическому епископу, великий князь литовский Ягайло приказывает, чтобы литовцы не заключали браков с русскими (так именовались в то время нынешние белорусы и украинцы), а если такие браки заключены или будут впредь заключаемы, несмотря на запрещение, то их не расторгать, но лицо русской веры должно принять латинство, к чему принуждать таких людей даже сечением розгами. Но перейти в другую веру в то время было актом не только религиозно-церковным, но актом историческим, цивилизационно-ментальным. Отказаться от своей русской веры означало отказаться от своей истории, от своей идентичности. Означало исчезнуть как русский народ. Поэтому историческая парадигма движения ВКЛ была абсолютно противоположна движению общерусской истории, общерусской традиции. Об этом красноречиво свидетельствует Михалон Литвин, который подчеркивал, что «рутенский (т.е. русский) язык чужд нам, литвинам, то есть италианцам, происшедшим от италийской крови». Эта сентенция показательна не с точки зрения уяснения исторической достоверности происхождения литовцев, а как ясное указание одного из литовских интеллектуалов XVI века о принципиальном отличии философии истории Великого Княжества Литовского от развития общерусской цивилизации. Отсюда вывод: история Великого Княжества Литовского никакого отношения

к белорусской ментальности, белорусской исторической традиции не имеет. Это не белорусская история, это чужая история.

Специфика исторического развития Белоруссии проявлялась в том, что на территории Белой Руси функционировали две истории. История польско-шляхетская и история общерусская. После того как земли Белой Руси оказались в составе Великого Княжества Литовского, а затем и Речи Посполитой, происходит становление польско-шляхетской истории. Первоначально польско-шляхетская история существовала наравне с общерусской и нисколько не превосходила по своему каталогу последнюю. Но по мере денационализации высшего русского этнического сословия польско-шляхетская история не только стала доминировать над общерусской, но и полностью завладела литературным пространством всей Белой Руси. Этот процесс ликвидации общерусской исторической литературы затянулся на целое столетие, начиная от Люблинской унии 1569 года и кончая примерно серединой XVII века. «Диариуш» («Дневник») Афанасия Филипповича (1646) можно считать одним из последних видных произведений общерусской истории. А в конце XVII века старорусский язык, на котором печаталась общерусская литература, был окончательно заменен польским языком.

Господство польской шляхты выражалось и в господстве польско-шляхетских исторических концепций на белорусской земле, которые современными квазиисториками и квазикультурологами выдаются за белорусскую историю. Эта подмена белорусской, т.е. общерусской истории польско-шляхетской историей в значительной степени затронула даже сознание значительного круга научного и культурного общества в Белоруссии. Логика здесь проста. Раз эта литература создавалась местными уроженцами, то значит, это белорусская литература. Отсюда заявления такого рода: раз Адам Мицкевич родился и писал свои творения в Белоруссии, то это белорусский поэт. Если Иосиф Ярошевич, Игнатий Данилович, Иосиф Крашевский родились и творили в Белоруссии, то это белорусские историки. При этом отсутствует понимание того, что само по себе место рождения человека еще нисколько не говорит о его ментальности, о его национальном характере.

Все дело в том, что по своей национально-культурной идентификации это были типичные польские шляхтичи, которые ментально были абсолютно чужды коренному населению, т.е. белорусам. Даже если отдельные представители этой шляхты сочувственно относились к белорусским крестьянам, занимались собиранием белорусского фольклора и называли

себя литвинами, то антирусская сущность данного сословия от этого нисколько не менялась. К примеру, Адам Мицкевич называл себя литвином, а свою отчизну Литвой не по причине якобы своей литвинской самоидентификации, а с точки зрения романтических реминисценций исторического прошлого, что объективно ни у кого из современников Адама Мицкевича не вызывало ни малейших сомнений, что они имеют дело не с каким-то белорусским поэтом, а с глубоко фанатичным польским шляхтичем.

Адам Мицкевич, Игнатий Данилович, Иосиф Ярошевич, Игнатий Домейко и другие так называемые «литвины» по совокупности своих исторических представлений и политических ориентаций ничем не отличались от польского этнографа, тоже уроженца белорусской земли Александра Рыпинского, который в своей книге «Поэзия простых людей нашей польской провинции», изданной в Париже в 1840 году, призвал белорусских матерей «первой своей обязанностью учить своих детей произносить святое имя Польши еще до того, как ребенок научится выговаривать слово «мама». «Рука матери, — требует польский шовинист, — не должна давать ребенку необходимую еду до того времени, пока он не попросит ее по-польски». Таким образом, во всей этой польско-шляхетской литературе с ее мнимой заботой о белорусах проводился все тот же польский шовинизм, рассматривавший Белоруссию как свою польскую провинцию и ориентировавшийся на восстановление Польши в границах 1772 года.

Но общерусская история, прекратив свое письменное существование с конца XVII века, тем не менее, не исчезла. Она сохранила себя в устнопоэтическом творчестве белорусского народа. Именно в белорусских песнях, легендах, сказках, пословицах, поговорках, праздниках, обрядах продолжала жить наша родная общерусская история на протяжении XVIII—XIX веков. Она ждала своего часа, чтобы стать источником национального возрождения собственно белорусского самосознания. И этот час наступил. Благодаря помощи Российской академии наук, Русского географического общества и других общественно-научных организаций России с середины XIX века в Белоруссии основательно взялись за разработку древних памятников и издание древней общерусской литературы. Путь этот оказался самым продуктивным. Было опубликовано множество исторических источников, в том числе Акты Западной России, Акты Южной России, произведения полемической литературы конца XVI — начала XVII века, в которых заиграла всеми красками наша общерусская история. Благодаря этой титанической работе

появилась реальная возможность представить верное понимание белорусской истории, ибо в этой древней литературе везде звучало одно великое, объединяющее русских, белорусов и украинцев слово — Русь, древний русский народ, Русская земля. Вся эта литература была написана на старорусском языке, который был общим языком для Белой Руси и Украины. И не случайно «Славянскую грамматику» Мелетия Смотрицкого Михаил Ломоносов называл «вратами своей учености». Признаем очевидное: ни при какой другой истории (польско-шляхетской, униатской, протестантской) никогда бы не появились ни белорусский народ, ни белорусское государство. Таким образом, современное белорусское общество в конечном итоге есть воплощение традиций и ценностей исторической Руси.

Фальсификации «национально-сознательных» литераторов

«Национально-сознательные» литераторы много пролили лицемерных слез насчет агрессивности России, «о русском империализме и его опасности». Но вот проблема: они почему-то помалкивают об агрессивности западных государств, в частности, Германии в отношении славянских стран. Исторически установлено, что главным инициатором раздела Речи Посполитой выступил прусский король Фридрих II. Напротив, Россия как раз не была заинтересована в разделе Польши и всячески старалась сохранить Польское государство в этнических границах в качестве славянского противовеса милитаристской Пруссии и реакционной Австрийской империи. Только лишь неблагоприятные внешнеполитические обстоятельства (война с Турцией, поддержка Пруссии Англией) заставили царское правительство уступить домоганиям Фридриха II.

В результате раздела Речи Посполитой все этнографические польские земли были захвачены Австрией и Пруссией. Кроме того, оба немецкие государства прихватили еще по изрядному куску белорусских, украинских и литовских земель. Австрия присоединила к себе Галицию со Львовом, а Пруссия — занеманскую Литву и Подляшье с Белостоком.

Второй раздел Речи Посполитой (1793) вызвал национально-освободительное движение польского народа во главе с Тадеушем Костюшко. Восстание началось в марте 1794 года и продолжалось до ноября 1794 года.

Самая большая фальсификация русофобов о восстании 1794 года состоит в несостоятельном отождествлении интересов польской шляхты с интересами белорусского крестьянства. Рисуетя совершенно ложная картина, будто бы восста-

ние 1794 года за независимость Польши было одновременно и восстанием белорусов против России. Уже упоминавшаяся газета «Советская Белоруссия» в номере за 4 февраля 2016 года в публикациях «Памяти Тадеуша Костюшко» и «Не должно быть травы забвения», продолжая свою дальнейшую фальсификацию белорусской истории, делает Тадеуша Костюшко национальным героем не только Польши, но и Белоруссии. Даже больше. Оказывается, речь идет не о польском, а о белорусском роде Костюшко. Это — чудовищная иезуитская ложь. Чтобы убедиться в нелепости подобного утверждения, достаточно перечислить наиболее важные пункты польского восстания: Краков, Рацловицы, Поланец, Щекоцины, Великая Польша, Варшава, Мацевице, Вильно. Перечисленные пункты, за исключением Вильно, находились на этнической территории Польши. Ни одного, даже самого маленького очага повстанцев не было в Белоруссии, хотя польская шляхта и старалась привлечь белорусское крестьянство к своей борьбе против России. Но белорусский народ остался глух к призывам польской шляхты. Иначе и быть не могло. Белорусы прекрасно понимали, что их враг — не Россия, а польский пан и латинский иезуитизм. Сами католические миссионеры, видя провал своих проповеднических трудов в среде белорусов, в сердцах произносили: «Грубый и окаменелый в схизме (православии. — Л.К.) народ». Крупнейшей политической ошибкой польского повстанческого правительства было требование восстановления Польши в границах 1772 года, т.е. включения в состав Польского государства белорусских и украинских земель. Разумеется, такая программа в корне подрывала саму идею восстановления национальной независимости. Нельзя было освободить польский народ от чужеземного гнета (пруссиков и австрийцев), не освобождая белорусов и украинцев от польского гнета. Собственно территория национально-освободительного движения свидетельствует о той непреложной истине, что, в лучшем случае, это было восстание польского народа за независимость своей родины.

Другая фальсификация русофобов заключается в том, что они рассматривают восстание 1794 года как что-то однородное и цельное в социально-классовом отношении. На самом деле все обстояло по-другому. С точки зрения социального состава восстание 1794 года характеризуется своей неоднородностью, полярностью. Если повстанческое руководство в основном смотрело назад (Польша в границах 1772 года) и тем самым объективно низводило значение национально-освободительного движения до обыкновенной войны польской шляхты с Россией и Пруссией, то народные массы

(крестьяне и горожане) национально-освободительную борьбу тесно связывали с социальным освобождением от панского гнета. В польском восстании 1794 года была сильная демократическая якобинская струя, наложившая свой отпечаток на весь ход национально-освободительного движения.

Среди восставшего народа было сильно влияние варшавского «Якобинского клуба». По инициативе последнего 9 мая 1794 года варшавяне потребовали казни изменников родины. Повстанческое руководство вынуждено было уступить требованиям народных масс. Были казнены четыре деятеля старого марионеточного правительства, сотрудничавшего с прусским и царским правительствами: великий коронный гетман Ожаровский, литовский польный гетман Забелло, епископ Юзеф Коссаковский и маршалок Анквич. Лозунг варшавян «Кара изменникам Родины» созвучен лозунгу французских якобинцев — «роялистов на фонари». 28 июня 1794 года варшавяне устроили новый народный трибунал, повесив еще ряд изменников. Среди них были: князь Четвертинский и виленский епископ Массальский.

Становилось очевидным, что национально-освободительное восстание перерастает в социальную революцию. Польская шляхта забеспокоилась за свою судьбу и пошла на сговор с прусским и царским правительствами. Так, брат польского короля, примас Михал Понятовский обратился к пруссакам с просьбой ускорить штурм Варшавы и даже указал наиболее уязвимые места в обороне города. Письмо было перехвачено. Гнев народа был беспределен. Варшавяне стали обвинять самого короля в национальной измене. Примас Михал Понятовский, не желая быть повешенным, покончил жизнь самоубийством. В Варшаве разыгрывался сценарий французской революции. Польские магнаты решили никоим образом не допустить подобного развития событий. Пытаясь сохранить свои сословные привилегии, они пошли на национальное предательство, сорвав тем самым план Тадеуша Костюшко создать крестьянскую повстанческую армию в 300 тыс. человек. Судьба восстания была предрешена.

После третьего раздела Речи Посполитой царское правительство не оставляло мысли о восстановлении Польского государства. Этим объясняется лояльное отношение к польским повстанцам со стороны российской власти. Павел I практически всех поляков вернул из сибирской ссылки и возвратил им конфискованные у них имения. К слову сказать, даже Тадеуш Костюшко получил земельный подарок от Павла I. Но польские историки почему-то скрывали этот факт. Похоже, они полагали, что это может выставить Тадеуша Костюшко в

невыгодном свете. Совершенно напрасно. Никто не сомневался в демократизме вождя польского восстания. Своим отказом от сотрудничества с Наполеоном Тадеуш Костюшко лишний раз подтвердил верность демократии и не питал иллюзий в отношении французской буржуазии, стремящейся использовать польские легионы в своих захватнических целях. Видимо, в душе Тадеуш Костюшко понимал, что подлинная свобода Польши невозможна в войне против России.

При Павле I польская шляхта была приравнена к русскому дворянству и русскому чиновничеству. Она получила право избирать местные органы власти: делопроизводство велось на польском языке. Фактически, власть поляков в Белоруссии стала еще сильнее, чем во времена Речи Посполитой. Подтверждение этому — судьба польского магната Адама Чарторыйского. В царствование Александра I Адам Чарторыйский был даже заместителем министра иностранных дел России. Опираясь на дружеские отношения с Александром I, умело обыгрывая польский вопрос во внешнеполитической деятельности России, Адам Чарторыйский полностью восстановил польское влияние в Белоруссии и на Украине. Это был прожженный польский аристократ, который всеми фибрами своей иезуитской души ненавидел как русскую власть, так и белорусский народ и делал все возможное, чтобы на территории Белоруссии сохранить польское шляхетство и польский шовинизм. Особенно он усердствовал в насаждении польско-шляхетского самосознания в качестве попечителя Виленского учебного округа. Образовательная и воспитательная деятельность Виленского учебного округа распространялась на территории современной Литвы, Белоруссии и значительной части Украины (Киевская, Волынская и Подольская губернии). Все преподавание велось на польском языке, все гимназии, училища, приходские школы при католических и базилианских монастырях, при костелах контролировались руководством Виленского университета. Студенты, учащиеся и школьники воспитывались в духе преданности польской истории и польской национальности. Одновременно было восстановлено значение католической церкви в духовной жизни белорусского народа. Парадоксально, но российское правительство сохранило в Белоруссии иезуитский орден, который явно действовал в антирусском духе, хотя даже поляки в 1772 году ликвидировали у себя эту антинациональную заразу. Громадные имения иезуитов были отданы на устройство народных училищ и на преподавание на польском языке. Павел I, став гроссмейстером мальтийского ордена, еще больше укрепил

положение иезуитов и римско-католической церкви в Белоруссии. Он во многом поспособствовал полонизации нашего народа. Поляки оказались господствующей нацией в Белоруссии.

Необъяснимый на первый взгляд союз царского правительства с польской шляхтой и католической церковью тем не менее имел свои причины. Дело в том, что царское правительство очень настороженно относилось к деятельности православных священников в Белоруссии и на Украине. Православие, будучи в Речи Посполитой угнетенной религией, в основном выражало интересы белорусского и украинского крестьянства. После раздела Речи Посполитой белорусские крестьяне вполне обоснованно считали, что тем самым покончено не только с польским национально-религиозным игом, но и социальным. Таким образом, православие становилось знаменем борьбы белорусского народа против гнета польских помещиков. Это всегда чувствовало царское правительство и этого оно больше всего боялось. Отсюда и то правительствонное покровительство польской шляхте и католическо-униатской церкви, что приводило в недоумение православных иерархов. Отсюда всяческая задержка с решением униатского вопроса в Белоруссии. Белорусский епископ Георгий Конисский забрасывал своими прошениями Синод Русской православной церкви, но так и не мог добиться ясного ответа, почему белорусскому народу нельзя добровольно переходить из униатства в православие.

Только лишь с течением времени, когда религиозный фактор все более и более утрачивал свою национальную и общесоциальную функцию и превратился в частноконфессиональное явление, борьба между белорусским крестьянством и польской шляхтой стала разворачиваться под чисто светскими и народническими лозунгами.

Таким образом, не Россия погубила Польское государство, а антирусская и латинско-иезуитская политика господствующего класса Речи Посполитой привела Польшу к гибели. Если Польша, опираясь на поддержку русского народа, сумела противостоять немецкой агрессии в 1410 году, то в результате последующей неразумной антирусской политики она стала жертвой немецкого капитала и прусского милитаризма в конце XVIII века, а затем и немецкого фашизма в 1939 году.

Исторический опыт свидетельствует, что всякая попытка правительства Польши разыграть антироссийскую карту в своей политике неизбежно приводила к самым плачевным результатам для Польского государства. Только союз русского и польского народов является основой стабильности на Европейском континенте и подлинной гарантией независимости Польши.

Нужно четко понимать, что это не некие абстрактные исторические дискуссии, не имеющие отношения к настоящему. Проталкивая польскую панскую культуру в белорусское самосознание, ее апологеты делают это для того, чтобы подчеркнуть неправильность избранного белорусами пути развития, попытаться навязать чуждые нашему народу ценности, а значит, в корне пересмотреть политику государства. Именно этим объясняются протаскивание лозунгов об исключительно европейском характере Белоруссии и игнорирование ее общерусских корней. Отказ от общерусских корней белорусского самосознания — это отказ от союза с братской Россией, а шире — от участия в каких-либо интеграционных процессах на постсоветском пространстве, отказ от исторического выбора белорусского народа, смена геополитической ориентации нашей республики.

Вот почему совершенной софистикой являются попытки некоторых, так сказать, «великокняжеских» и «шляхетских» ученых и писателей зачислить в разряд белорусских князей Миндовга и Витовта, тащить в белорусскую историю Радзивиллов, Сапег, Огинских и так далее как видных представителей белорусских знатных родов, белорусского самосознания. Это не только насмешка над белорусской историей, но и прямое оскорбление национального достоинства нашего народа (белорусского. — Ред.), потратившего немало сил и времени, чтобы освободиться от подобных «благодетелей» и «представителей» белорусскости.

Поэтому все историко-культурологические усилия всевозможных лжеисториков, направленные на то, чтобы из аббревиатуры ВКЛ вывести некую белорусскую идентичность носят сугубо софистический характер. Даже больше. История ВКЛ в их изложении — это не реальная история Великого Княжества Литовского, а антирусская польско-шляхетская пропаганда, направленная на отрицание собственно белорусской истории. Вот почему следует понять, что никакого белорусского национализма в республике не существует. Мы привыкли употреблять привычные понятия, зачастую не понимая, что эти понятия используются совершенно в противоположном смысле. На самом деле под видом белорусского национализма или так называемого литвинизма скрывается польско-шляхетская камарилья, цель которой превратить Белоруссию в восточные кресы Польши.

Непонимание специфики формирования белорусского самосознания лежит в основе фальсификаторского тезиса о

русификации белорусского народа в досоветский и советский периоды. Можно с уверенностью утверждать, что вопрос о белорусском языке не является ключевым для формирования белорусской идентичности. Данные социологических исследований показывают, что число граждан республики, считающих своим родным языком белорусский или русский, приблизительно равно. В то же время, хотя белорусами себя называют более 80% жителей страны, большинство наших соотечественников в повседневной жизни пользуются русским языком. Признавая себя белорусами, они в то же время считают своим родным языком русский. Тем самым опровергается выдумка русофобов о русификации белорусского народа, подтверждается специфика белорусской идентичности, которую нельзя подвести под шаблоны исторического словаря. Это и выражается в том, что русский язык — это не иностранный язык, а такой же родной язык для белорусов, как и белорусский. Это выражается и в том, что русский народ — это не иностранцы, как, например, французы, немцы или поляки, а родной для белорусов этнос. Причем важно понять, что русский язык был родным языком для белорусов и в досоветский период. Поэтому ни о какой русификации белорусского народа не только в XX веке, но и даже в XIX веке не может быть речи.

Подтверждение этой бесспорной мысли можно видеть в языковой политике польского правительства в Западной Белоруссии в 1921—1939 годах. Так, в секретной записке полесского воеводы В. Костек-Бернацкого министру внутренних дел Польши в январе 1937 года указывается, что «не может быть и речи о том, чтобы в течение ближайших 10 лет учителем на Полесье был белорус или даже местный полешук. Учитель-полешук православного вероисповедания чаще всего русифицирует местное население, вместо активной учительской деятельности для пользы Польши». А в аналогичной секретной записке белостокского воеводы Г. Осташевского от 23 июня 1939 года говорится: «Сознательный белорусский элемент придерживается прорусской ориентации. В первом ряду стоят здесь древние русские симпатии... Мы должны одолеть древнюю белорусскую культуру».

Таким образом, даже идеологические и политические недруги России, говоря о том, что белорусский учитель русифицирует местное население, тем самым объективно признают тот очевидный факт, что для нашего народа не существовало проблемы выбора между белорусским и русским языками, поскольку последние для белорусов были одинаково родными языками, а белорусская культура, основывающая-

ся на древних русских традициях, рассматривалась как неотъемлемая часть общерусского культурного мира.

Поэтому традиционная истерика «белорусизаторов» о так называемой русификации белорусов вызвана не заботой о развитии белорусского языка, а совершенно другими соображениями. Какими? Под предлогом возрождения родного языка преследуется цель противопоставить белорусский язык русскому, зачислить русский язык в разряд иностранного наподобие английского и немецкого, т.е., лишив русский язык всякого упоминания о его родстве с белорусским языком, тем самым противопоставить белорусов и русских друг другу как совершенно разные народы, которые не имеют ничего общего между собой. «Белорусизаторы» не дураки, они понимают, что для отрицания этнического родства белорусов и русских необходимо именно отрицание русского языка как родного для белорусов. Зачем это делается? Чтобы осуществить вековую мечту всех русофобов — путем разединения наших братских народов разрушить нашу общерусскую историю, нашу общерусскую цивилизацию с целью реализации их программы «Натиска на Восток», будь это крестовые походы немецких рыцарей, агрессивная политика против Руси и православия польской шляхты, «жизненное пространство» фашизма или современное продвижение НАТО на Восток. Все это — составляющие части одной и той же геополитической программы. Имя этой программы — русофобия. И «белорусизаторы» в этой геополитической борьбе являются обыкновенными русофобами, а не деятелями белорусской культуры.

Вся их возня вокруг возрождения белорусского языка — это имитация, пыль в глаза доверчивой публике. Ибо, изгоняя русский язык из категории родного для белорусов, «белорусизаторы» тем самым делают белорусский язык незащищенным, производят над ним операцию кастрации. В чем это будет выражаться? Сначала «белорусизаторы» переведут белорусский язык с кириллицы на латиницу, чтобы ликвидировать даже визуальное родство белорусского и русского языков, а затем этот уже наполовину кастрированный белорусский язык доведут до полной кастрации, нашипиговав его всевозможными полонизмами. Так что от белорусского языка останутся рожки да ножки. Ни для кого не секрет, на таком белорусском языке наш народ уже не будет способен не только писать, но и разговаривать.

Этой цели предназначена и программа «Восточное партнерство». Смысл программы «Восточное партнерство» заключается в том, чтобы Белоруссия и другие постсоветские

члены этого проекта ориентировались на так называемые европейские ценности и, следовательно, на отказ от своей идентичности, от своей отечественной истории и замену ее историей, так сказать, евронатовской. Применительно к Белоруссии и Украине — к отказу от своей общерусской истории и замену ее историей польско-шляхетской и бандеровско-фашистской. Итальянская «AgoraVox» прямо говорит, что Евросоюз «закрывает глаза на все: на бомбардировку беззащитного населения, на ревизионистскую переоценку роли Бандеры и его соратников — кровавых убийц по всей Европе во время Второй мировой войны». А украинско-канадский центр, находящийся в Торонто, только в Луганский университет поставил 30 тысяч книг, посвященных бандеровцам и другим фашиствующим группировкам. Совершенно ясно, что все эти восточные партнерства, ассоциации с Евросоюзом и евроинтеграции носят сугубо конфронтационный, империалистический характер, поскольку они направлены против России.

К сожалению, в истории наших народов все это уже было. В 1919 году английский военный министр Уинстон Черчилль разработал проект похода 14 государств против Советской России. В тот период это и была программа «восточного партнерства» для осколков Российской империи, которые по недоразумению считались независимыми государствами. Сегодняшнее «Восточное партнерство» — это лишь бледная копия с антирусского черчиллевского оригинала 1919 года.

Цель нынешнего «Восточного партнерства» остается такой же, как и во времена иностранной интервенции против Советской России — крестовый поход на Москву. Под прикрытием лицемерного словоблудия о демократии, европейской безопасности, экзистенциальных европейских ценностях западная военщина и плутократия стремится осуществить нашествие на Россию в своих геополитических интересах, ничего общего не имеющих с интересами белорусского народа. Точно так же, как под прикрытием фарисейских заклинаний о территориальной целостности Украины США и Евросоюз стремятся создать на Украине профашистское государство в качестве натовского плацдарма против России, что, разумеется, представляет огромную опасность и для Белоруссии. Именно поэтому «Восточное партнерство» является не только антирусским, но и антибелорусским проектом.

Не следует забывать, что Польша рассматривает «Восточное партнерство» в тесной увязке с вопросами так называемого «нарушения прав поляков» в Белоруссии и взаимным продвижением интересов польской стороны и прозападных

партий в нашей республике. Под эту стратегию в Польшу уже подведена законодательная база. Так 23 сентября 2009 года польский сейм принял резолюцию об оккупации части территории Польши Красной Армией во время ее освободительного похода в Западную Белоруссию и Западную Украину 17 сентября 1939 года. Так что своим участием в «Восточном партнерстве» мы объективно признаем право польского правительства рассматривать Западную Белоруссию в качестве оккупированной в 1939 году польской территории. Затягивая нас в свое «Восточное партнерство» Польша таким образом набрасывает петлю на шею белорусской государственности. И никакое переформатирование «Восточного партнерства» с обычной политики к более тесному конкретному сотрудничеству, основанному на решении экономических проблем, не устранил угрозы превращения Белоруссии в восточные кресы Польши. Подобные аналитические эвфемизмы лишь свидетельствуют о школьном сознании и профессиональной неподготовленности белорусского экспертного сообщества, не выработавшего в себе такого необходимого качества, как добрая воля, благодаря которому приобретает умение предвидеть, что и как надо делать, чтобы принести пользу стране. «Восточное партнерство» — это своеобразный троянский конь, который был сконструирован в польско-шовинистических кругах, чтобы затащить его в Белоруссию и взломать цивилизационную основу белорусского общества.

Недопустимо историю белорусского народа уподоблять библейской истории и искать какую-то обетованную землю за пределами своей общерусской цивилизации. Не надо идти ни на Запад, ни на Восток, надо уметь обустраивать собственную землю, надо исходить не из химерических европейских ценностей, а из собственных национальных интересов и уметь продвигать эти интересы на международной арене. Тогда будет понятно, что Союзное государство Белоруссии и России, Евразийский союз это и есть наш национальный путь развития, наша национальная идея. Тогда сами собой отпадут ученические представления о «европеизации» наших народов, о «евроинтеграции», о «болонском процессе» и тому подобных химерах.

Сегодня в реальной государственной политике на первый план выходит не программа «Восточное партнерство», а укрепление фундаментальных основ своей общерусской цивилизации, своего общерусского мира. Но что такое общерусский мир? **Общерусский мир — это культурное, историческое, ментальное единение людей, народов, наций, признающих Россию своей цивилизацией, а русский язык своим родным язы-**

ком, независимо от своего этнического, национального, расового и религиозного происхождения.

Упорное насаждение в нашем Отечестве польско-шляхетских идеалов, уже дискредитировавших себя на Белой Руси и Украине в XVI—XVIII веках, ничего хорошего белорусскому народу не сулит.

Все усилия ученых в конечном итоге будут бесплодны и бессмысленны до тех пор, пока из их поля зрения выпадают фундаментальные вопросы цивилизационной самоидентификации наших народов. «Веками родство русских, украинцев и белорусов почиталось святыней. В его основе лежали общность происхождения, близость языков, места проживания, характера и исторических судеб».

Белорус, как и великоросс и украинец, по своей теоретической и практической жизни является русским человеком, а Беларусь, как Россия и Украина, составляет часть единой общерусской цивилизации. «Белорус, великоросс и украинец по своему миросозерцанию, практической жизни и культуре относятся к особому культурно-историческому типу — славянской православной цивилизации».

Чтобы нас признавали в современном мире, надо прежде всего беречь свою общерусскую историю. Отказываться от нее или подменять ее чужой — значит отказываться от своей идентичности, значит исчезнуть как народ, как нация. Отрицать принадлежность Белоруссии к общерусскому миру — значит отрицать собственную белорусскую историю.

Мы должны с уважением относиться к историческому выбору белорусского народа как результату многовекового формирования общерусского национального самосознания, в рамках которого вызрела и приобрела силу белорусская история и белорусская государственность.

Таким образом, рассуждения «национально-сознательных» историков, писателей, журналистов о некоей европейской (униатской) белорусской истории на практике оказывают плохую услугу белорусскому народу и белорусской государственности. Польско-панские химеры о шляхетской белорусской истории ведут к смене пространственно-временных и духовно-нравственных ориентиров нашего народа, к отрыву Белоруссии от своих общерусских корней. Только следуя общерусским путем, может плодотворно развиваться белорусская нация и белорусская государственность.

ДВА РАССКАЗА

ЛОХМАТЫЙ

Молодцеватый, несмотря на свои пятьдесят семь лет, Федор Дементьевич, или, как его звали в деревне, Лапа, стоял, упершись сильными ногами в широкие свежеструганные доски крыльца, и в который раз оглядывал красивые резные наличники на новеньком доме зятя.

Распахнулась дверь, и из нее с шумом вывалились, похотывая, плотная, во всем похожая на отца, дочь Наталья и следом высокий жилистый зять.

— Пап, кончай смолить. Пошли в дом, замерзнешь, — выпалила она.

— Да пора мне, Натаха, — сказал Лапа, кивая на расплющенный между туч багровый глаз солнца. И, потоптавшись, неторопливо спустился по ступенькам в пока еще неухоженный, необжитый двор.

— Лохматый! — властно позвал он собаку и направился к переминавшемуся с ноги на ногу от мороза и нетерпения Гнедко. Ласково похлопал его литой круп. Расправил упряжь. Взбил в санях сено. Укрылся тулупом и удобно устроился в роз-

ПРОЗА

вальнях, облокотившись на тугой, прикрытый брезентом, мешок муки.

— Бывайте здоровы! Ждем в гости, — крикнул он, чуть обернувшись.

Крупный, с мощным загривком, лохматый кобель, крутившийся вокруг, рванул вслед заскрипевшим саням и в мгновение ока обогнал затрусившего ровной рысцой мерина. Миновав поселок и густую сосновую посадку, въехали в березовый с осиной пополам лес. Солнце скрылось за ошестинившимся верхушками деревьев холмом. Темнело.

«А все-таки правильно, что в августе на новоселье не поехал, — подумал Лапа. — Дотянул до срока и сразу двух зайцев убил: у молодых побывал и мясо продал. Однако башка у меня с толком», — самодовольно улыбнулся он, поглаживая бороду.

Дорога нырнула под гору и завияляла по стиснутой увалами долине ручья. Сани на покатых ухабах мерно покачивались, точно баюкали. Лапа, не выпуская вожжей, вытянулся и с удовольствием прикидывал, как распорядится выручкой.

Он не любил людей, не умеющих зарабатывать. «Лентяй или простодыра, — говорил о таких. — Вот и зять тоже хорош! Буровой мастер называется! Цемент не может подкинуть... Тоже мне — порядочный! Тьфу!» — сплюнул он.

Его размышления прервало испуганное фырканье Гнедко.

Конь тревожно прыдал ушами и, раздув ноздри, опять фыркнул. Бежавший впереди Лохматый прижался поближе к саням. Лапа обернулся и, шаря глазами по сторонам, заметил какое-то движение вдоль увала. Смутные тени скользили по гребню не таясь, открыто! Волки!!!

Противно заныли пальцы, засосало под ложечкой.

— Но! Но! Пошел! — сдавленно просипел Лапа, наотмашь стегнув мерина, хотя тот и без того уже перешел на галоп и, вскидывая в такт прыжкам хвост и гриву, неся по накатанной дороге так, что ветер свистел в ушах. Деревья, стремительно вылетая из темноты, тут же исчезали за спиной. За упряжкой потянулась вихрастым шлейфом снежная пыль.

Волки растворились во тьме. Лента дороги вместе с ручьем петлей огибала высокий длинный увал. Хорошо знавший окрестности матерый вожак неспешно перевалил его и вывел стаю на санный путь к тому месту, куда во весь дух неся Гнедко.

Лапа, нахлестывая коня, лихорадочно соображал, что делать: стая не могла так легко оставить их в покое. Он чувал, что петля таит смертельную опасность, но повернуть обратно не решался — поселок уже был слишком далеко.

—Авось упряжу, — успокоил себя Лапа. И, придерживая вожжи одной рукой, другой нашарил в сене топор.

Внезапно мерин дико всхрапнул и, взметая снег, шараясь в сторону — наперерез упряжке вылетела стая. Мощный главарь сходу прыгнул на шею Гнедко. Еще миг — и тот бы пал с разорванным горлом, но оглобля саданула зверя в грудь, и он рухнул на снег. Человек опомнился, схватил и с силой метнул в стаю мешок муки.

Увесистый куль еще не успел упасть, как волки живой волной накрыли его и растерзали в белое облако. За это время Лапа успел выправить сани на дорогу.

— Давай! Давай! — осатанело заревел он, нещадно лупцуя мерина кнутом. Обезумев от страха и боли, Гнедко нёсся, стреляя ошметками снега из-под копыт.

Он обошел умчавшегося было вперед Лохматого.

«Неужто оторвемся?», — мелькнула надежда.

Сани неслись по ухабам то возносясь, то падая. На поворотах наездника бросало из стороны в сторону. А сзади неумолимо накатывалась голодная стая. Фёдор Дементьевич ощущал это каждой клеткой тела. Вот вожак, клацая зубами, попытался достать не поспевавшего за упряжкой Лохматого, но пес, в смертельном ужасе прибавил ходу и, изнемогая, запрыгнул в розвальни.

Вытянувшись вдоль узкой колеи, стая бежала свободно, легко, как бы скользя по снегу, молча и неотвратимо настигая выдыхавшегося коня.

Лапа уже слышал их прерывистое дыхание. Еще немного, и волки, пьянея от горячей крови, разорвут, растерзают долгожданную добычу на куски. Он сдернул с себя овчинный тулуп и швырнул на дорогу. Звери набросились на него, но, обнаружив обман, возобновили погоню с еще большей яростью.

Человек снимал и кидал в сторону стаи то шапку-ушанку, то рукавицы, но поначалу одураченные серые уже не обращали на них внимания. Разгоряченная преследованием стая жаждала крови и мчалась, неумолимо сокращая расстояние. Бешеная, изматывающая гонка близилась к финалу.

Охваченный страхом Федор Дементьевич, не умолкая, истушено вопил, брызгая слюной, то на коня: «Быстрее, Гнедко, быстрее!», то, обернувшись назад, устрашающе тряс топором на стаю: «Порублю! Всех порублю!».

Казалось, еще несколько секунд — и матерый повиснет на руке, а остальные трое станут рвать его, еще живого на куски...

Мужик лихорадочно огляделся. В ногах жался Лохматый.

Глаза Лапы вспыхнули сатанинским огнем — собака? Живая тварь, кровь — вот что нужно стае! Он ногой пихнул пса навстречу смерти, но бедняга, широко раскинув лапы, удержался. Все его существо выражало недоумение и обиду.

— Пошел, паскуда, — срываясь на петушиный фальцет, завизжал разъярившийся Лапа и нанес сапогом увесистый удар.

Лохматый скособочился, и, сомкнув челюсти, мертвой хваткой, вцепился в борт саней.

Волки были совсем близко. Человек уперся спиной в пере-док, поджал ноги и с такой силой ударил по лобастой голове, что пес, оставив на гладко отполированном дереве светлые борозды от клыков, косо слетел с саней и, перевернувшись в воздухе, рухнул на дорогу. Слух полоснули истошный визг, глухой рык.

«Всё, конец», — подумал Лапа передергиваясь. В беспощадной памяти остался немигающий, укорительный взгляд собаки.

Упряжка промчалась сквозь ольшаник и вывернула из ложбины на заснеженный холм, откуда уже видны редкие огоньки деревни. Загнанный Гнедко замедлил бег.

Только тут полураздетый Лапа почувствовал, как сотрясается от пережитого ужаса и холода всё его тело. Закопавшись в сено, он натянул поверх кусок брезента и настороженно вглядывался в удаляющийся непроницаемо-черный лес. Страх постепенно отпускал, уходил как бы внутрь. Но раз за разом, прокручивая в памяти происшедшее, Лапа то и дело невольно ежился.

Въехав на окраину деревни, он попридержал запаленного коня: «Добрый, однако ж, у меня мерин. Другой не сдюжил бы такой гонки».

Подъезжая по унылой пустынной улице к своей красавице-избе за сплошным крашеным забором, расчувствовался: мог ведь и не увидеть боле.

Ставни были плотно закрыты. Свет не горел.

— Спит чертовка. Ей-то что, — злился Фёдор Дементьевич, вылезая из саней. Открыл ворота, загремел сапогом по двери.

В доме глухо завозились. Торопливо засеменили. Лязгнул засов. Дверь приоткрылась. Лапа, не взглянув, прошел мимо тощей фигуры в сени. Щелкнул выключателем — темно.

— Лампочка перегорела, Федя, — тихо пояснила жена. Лапа чертыхнулся и скрылся за ситцевым занавесом в жарко на-топленной горнице.

— Не думала, что так скоро. Назавтра ждала, — оправды-валась хозяйка.

— Мечи на стол, замерз, — скомандовал муж, опускаясь на табуретку. — Эх, черт, Гнедко-то на улице, — и, нахлобучив старую ушанку, поспешно выскочил.

Распряг и завел мерина в теплое стойло. Накрыл подраги-вающие, взмыленные бока попоной. Подложил в кормушку охапку сухого душистого сена.

— Ешь. Это тебе за справную службу, — Лапа протянул руку погладить ухоженную гриву, но мерин почему-то отвернул морду.

— Ты чего?.. Чего ты?... Эт ты зря! Да если б не Лохматый — нам бы конец! Понимаешь — всем конец! Я спас тебя... Спас! — горячо зашептал, оправдываясь, хозяин. Гнедко, тяжело дыша, упорно смотрел в сторону.

«А может и не погибли б?» — неожиданно уличил Лапу кто-то изнутри. Топором саданул одного, глядишь, другим острастка, а то и на порубленного собрата позарились бы».

От этой простой мысли Федор Дементьевич сник. «Совсем я расклеился. Чего голову себе морочу... Что сделано, то сделано... Сделано правильно».

Проходя мимо конуры, зацепил цепь. Она сиротливо звякнула и обожгла сердце тупой болью. Пересиливая внезапно навалившуюся слабость, он воротился в избу.

Жена ждала у накрытого стола. Умывшись в прихожей, муж сел, прижался спиной к теплой белённой печке и замер.

— Как съездил, Федя? Видал молодых-то?

— Видал... Живы-здоровы. Хоромы здоровущие, со всеми удобствами. Топят газом. Обещают на недельку приехать... Помочь по хозяйству.

— Да у них, поди, у себя в дому работы хватает, — робко возразила супруга.

— Ничего, у себя всегда успеется.

— Мясо-то продал?

— А то! Мясо — не редька, только свистни, — Лапа нащупал завораживающе толстую пачку купюр и, вспомнив про подарок, вынул из другого кармана сверток.

— Держи, — развернул он цветастый платок.

— Ой, спасибо, Федя! Ой, спасибо!.. А красавит-то как!

— Будя трепаться, — грубовато оборвал муж, шумно хлебавши.

Примерив обнову у зеркала, жена еще более оживилась. На губах заиграла несмелая улыбка. Прибирая со стола, обронила:

— Пойду Лохматому костей снесу.

Лапа чуть не поперхнулся.

— Ложись-ка лучше, сам покормлю. Посмолю заодно перед сном, — торопливо возразил он, — да и Гнедко пора поить.

Взяв миску, он вышел на свежий воздух. Покурил. Наполнил коня. Опять покурил. Сколько ни старался Фёдор Дементьевич заставить себя думать о происшедшем как неизбежном и оправданном, гибель Лохматого занозой сидела в мозгу, палила огнем.

В постели Лапа без конца ворочался с боку на бок. Перед воспаленным взором вновь и вновь возникала одна и та же картина: сквозь вихри снежной пыли взлетает темный силуэт, плавно переворачивается в воздухе и скрывается в гуще голодной, разъяренной стаи. Взлетает, переворачивается и...

За окном время от времени раздавались странные, непонятные вздохи. Напряженно вслушиваясь в них, он незаметно забылся. И опять стая догоняла, окружала его, неумолимо затягивая живую петлю все туже и туже. В голове возник нарастающий гул. А-а-а! — заметался Лапа.

— Федя, ты чего? Что с тобой? Заболел? — трясла за плечо жена.

Лапа затравленно уставился на нее, не мог взять в толк, где находится, — все еще жил привидевшимся. Оглядевшись, наконец узнал дом, жену.

— Фу ты, — облегченно выдохнул он.

— Чего кричал так, Федя? — допытывалась встревоженная супруга.

— Мяса видать переел. Мутит. Недоварила верно... Спи...

Жена принялась участливо гладить сивые, непокорные кудри мужа. Так и заснула, оставив маленькую жесткую ладонь на его голове. Лапа осторожно убрал ее на подушку. Сон не шел. Чем старательнее пытался он отвлечься, думать о чем-нибудь приятном, тем назойливей лезли в голову мысли о Лохматом.

С щемящей тоской вспомнилось, как принес его, еще безымянного щенка, домой. Как радовался тому, что растет сильный, не признающий чужих страж усадьбы. Как преданно сияли его глаза, как ликовал, суматошно прыгал, захлебывался счастливым лаем, встречая с работы; с какой готовностью исполнял все его желания.

Промаявшись почти до утра, Лапа осторожно встал, оделся и вышел в сени. Отпер дверь.

У крыльца из предрассветной мглы проступило косматое чудище: морда в рваных лоскутах кожи, ухо, болтающееся на полоске хряща, слипшаяся в ключья шерсть, злобно ощерившаяся пасть

— Лохматый?! Ты?! Не может быть...

Растерявшийся Лапа невольно попятился, запнулся за порог и упал...

В голове вновь возник и стал нарастать гул смерти...

СВОРА

В один из долгих июльских вечеров волчья стая томилась на лесистом утесе в ожидании сигнала разведчика. Над ней клубилась туча безжалостной, надоедливо-звонящей кошмары. Чтобы согнать наседавших кровососов, серые трясли головами и совали морды кто в траву, кто в еловый лапник,

Наконец от подножия Южного хребта донесся вой, густой и немного расхлябанный. Он не срывался на последней ноте, а завершался плавно гаснущим звуком, возвещавшим: «чую добычу». Спустя некоторое время призывный вой вновь поплыл над тайгой, наводя на все живое безотчетную тоску.

Отвечая вразброд, потянулись высь голоса встрепенувшихся хищников: «Слышим, жди!»

«Видящие» носом не хуже, чем глазами, волки затрусили цепочкой, то опуская, то вскидывая морды, стремясь не пропустить ни единого запаха. Мягко перепрыгивая через поваленные стволы и рытвины, бесшумно скользя сквозь непролазные заросли, звери готовы были в любой миг замереть или молнией ринуться на жертву.

Вел стаю матерый волчище — Дед. Он даже издали заметно выделялся среди прочих более мощным загривком, широкой грудью с проседью по бокам.

Звери, поначалу семенившие не спеша, учуяв вождельный запах добычи, перешли в намет. Густой лес не замедлял их бег: подсобляя хвостом-правилом, они ловко маневрировали среди стволов и переплетений веток...

Горбоносый лось, дремавший в нише скалистого обрыва, заслышав вой, вскочил, беспокойно затоптался на месте. Увидев множество приближающихся из темноты огоньков, он понял, что схватки не избежать. Прижавшись задом к отвесной стене и опустив голову, вооруженную мощными рогами, бык приготовился к бою.

Опытные волки взяли сохатого в полукольцо. Дальше все должно было развиваться по хорошо отработанному сценарию: вожак, отвлекая жертву, всем своим видом демонстрирует готовность вцепиться ему в глотку, а остальные в это время нападают с боков и режут сухожилия задних ног. Но, разгоряченный бегом и предвкушением горячей крови, Дед

совершил ошибку: прыгнув на быка прямо с ходу, угодил под сокрушительный встречный удар — острое копыто проломило грудь. Зато подскочившие с боков волки сработали четко и молниеносно: лось беспомощно осел на землю. Воспользовавшись промашкой вожака, его давний соперник — Смелычак первым сомкнул мощные челюсти на горле поверженного быка и, дождавшись, когда тот, захлебываясь хлынувшей кровью, перестанет бить ногами, взобрался на поверженного гиганта. Мельком глянув на раненого Деда, Смелычак понял, что тот не жилец, и победно вскинул голову: наконец пробил и его час! «Отныне я вожак!» — говорили его поза и грозный оскал.

Смелычак, выделяясь отвагой и силой, несомненно, являлся достойным преемником. Он был настолько ловок, что умудрялся прямо на ходу вырывать куски мяса от бегущей жертвы. А главное, обладал сверхъестественной способностью подчинять собратев своей воле.

Возарив, поправ справедливые порядки, устоявшиеся в стае за годы предводительства Деда, новый вожак стал действовать по правилу — «как хочу, так и ворочу». И волки безоговорочно подчинились Смелычаку. Это стало доставлять ему особое, прежде неведомое наслаждение — наслаждение властью.

Уступчивость стаи подпитывалась тем, что в первые годы правления Смелычака сложились очень благоприятные условия для сытой жизни. Оленей во Впадине расплодилось так много, что хищники без всяких усилий резали их каждый день. Обильная добыча помогла упрочить владычество Смелычака и нескольких приближенных угодников: вокруг вожака образовалась как бы стая в стае.

Власть и превосходство над всеми довольно скоро раздлили деспота. Предпочитая, чтобы всюду рыскали и охотились рядовые волки, Смелычак со свитой угодников выходил из-за деревьев, когда жертва уже дымилась кровью. Поначалу они отнимали ее силой, но мало-помалу сами добытчики свыклись с этим беспределом и, завершив набег, послушно отходили в сторону в ожидании своей очереди. Изредка, когда охота ожидалась необременительно лёгкой, шайка Смелычака, чтобы размяться, тоже участвовала в ней.

Питались звери так хорошо, что их шерсть приобрела особый блеск, отчего при свете луны казалась серебристо-белой. Ум и хитрость Смелычака позволяли успешно завершать все набеги, отличавшиеся бессмысленной жестокостью. Возможность играючи, без усилий добывать поживу привела к тому, что и остальные волки втянулись в этот дикий разбой.

Промышлявшие в этих местах охотники из староверческого села Варлаамовка стали то и дело наткаться в лесу на зарезанных, но не тронутых телят. Как-то даже обнаружили растерзанного волками медвежонка. Рядом, уткнув морду в живот, сидела оглушенная потерей медведица. Безвольно опустил передние лапы, она раскачивалась из стороны в сторону, вздыхала, горестно поскуливала.

Люди в сердцах проклинали серых, но в то же время полагали, что «на всё воля Божья».

Стая чувствовала себя хозяйкой всей Впадины и бесцеремонно промышляла даже возле селения: затравленные олени, ища защиту, всё ближе жались к нему.

Как-то олений табунок в надежде, что волки не посмеют подойти к строениям вплотную, расположился на ночь прямо у бревенчатого частокола, окружавшего поселение. Не успели они задремать, как встревоженно захоркал бык-вожак. Напуганные животные вскочили, притиснулись друг к другу. Один из них, ни с того ни с сего начал вдруг с силой, словно от кого-то отбиваясь, лягать воздух. Но сколько олени ни всматривались в безмолвный мрак, так и не смогли разглядеть ничего подозрительного. Тем временем рогач, взвившись на дыбы, упал и начал кататься по траве. Воздух наполнился запахом смерти.

А серые тени, уже не таясь, выныривали из тьмы леса со всех сторон, и вскоре табунок превратился в метущийся хаос: обезумевшие животные вскидывались, падали, хрипели, захлебываясь кровью. Вся эта резня продолжалось не дольше десяти минут. Когда разбуженные лаем собак мужики пальнули для острастки в черноту, всё уже закончилось.

Утром при виде множества туш, лежащих на примятой, бурой от крови траве, потрясенные скитники окаменели. Казалось, что даже горы и те с немым укором взирали на кровавое и бессмысленное побоище.

— Сие — проделки диавола в волчьем обличи! Пора дать ему укорот! — воскликнул общинный староста.

Еще до этой трагедии, время от времени изучая по следам жизнь стаи, первостатейный стрелок Колода — кряжистый бородач лет сорока смекнул, что ею верховодит умный и кровожадный зверь. Он был уверен, что если удастся выследить и уничтожить вожака, то разбой прекратится. Распутывая паутину следов, опытный охотник не единожды выходил на место отдыха волков, но вожак, умная бестия, всегда ускользал со стаей раньше, чем можно было сделать верный выстрел.

Сам же Смельчак скрытно наблюдал за охотником довольно часто. Колода чувствовал это, и несколько раз их взоры

даже скрещивались, но за то мгновение, пока он вскидывал ружье, зверь успевал исчезнуть — словно растворялся в воздухе.

Кровожадность стаи так возмутила охотника, что он, не колеблясь, первым присоединился к праведному делу восстановления справедливости и покоя в окрестностях их поселения, полагая, что всем миром удастся быстро избавиться от шайки серых разбойников.

Изучив район обитания стаи и определив наиболее часто посещаемые ею места, охотники устроили с вечера засады на всех возможных проходах.

Колоде с братом Матвеем достался караул возле ключа, отделявшего кедрчак от осинника. Накрывшись хвоей, они сели в кустах, держа ружья наготове. Вот привидением проплыл над головами филин. Вышли на прогалину олени. Сопя и пытаясь, карабкался на косогор упитанный барсук. И только волков не было видно, хотя стая все это время бродила рядом, искусно минуя засады.

Среди ночи у не смыкавшего глаз Колоды возникало мимолетное ощущение чьего-то пристального взгляда, но он так и не заметил Смелчака, вышедшего почти прямо на него. Волк некоторое время понаблюдал из за куста за давним соперником и, развернувшись, увел стаю в путаную сеть отрогов и распадков.

Последующие засады также не дали результата. Попробовали насторожить самострелы. Одного из волков стрела пробила насквозь. Живучий зверь с версту бежал, временами ложась на траву и пытаясь зубами вытащить стрелу, но рана была смертельной. Охотники нашли его по голосу ворона-вещуна, каркающего в таких случаях по-особому. Шкуру снимать не стали — от волка исходила невыносимая вонь.

— Питаются хорошим мясом, а пахнут дурно, — удивился Матвей.

— А что ты хочешь? Они же слуги дьявола? — пояснил кто-то из стариков.

После потери собрата стая словно испарилась. Ставшие уже забывать о ее существовании люди через несколько месяцев вновь были потрясены жестокой и бессмысленной резней: большинство зарезанных оленей лежало нетронутыми. Повторные облавы, капканы, луки на тропах и на привадах теперь вообще не давали результата. Предыдущие уроки явно не пропали даром. Поднаторевший Смелчак запросто разгадывал хитроумные замыслы охотников и всегда обходил ловушки.

Смекалка вожака проявлялась порой самым неожиданным образом. Он, например, догадался, как избавиться от постоянно мучивших волков блох.

Как-то раз, переплывая речку, Смелычак заметил, что сотни паразитов, спасаясь от воды, собрались у него на носу. Выйдя на берег, волк взял в зубы кусок коры и стал медленно погружаться с ним в воду. Дождавшись, когда все блохи переберутся на кору, Смелычак разжал зубы...

А однажды зимой серые, обежав в поисках оленей все окрестные горы, обнаружили наконец-то небольшое стадо, но никак не могли подкрасться к нему для успешной атаки: приученные к бдительности животные не позволяли приближаться. Догнать же их по глубокому снегу узколапые хищники не могли. Вот если бы весной по насту!

Инстинкт подсказал Смелычаку, что стаю выдает резкий волчий запах. И тогда перед набегом звери, следуя примеру вожака, долго терлись о снег, политый мочой оленей, и их свежий помёт. Эта немудреная процедура позволила подойти к табуну настолько близко, что удалось зарезать разом важенку и престарелого рогача. Стая попиrowала и залегла на долгожданный отдых. Случайно наткнувшиеся на место трапезы охотники вспугнули зверей. Обьеvвшиеся волки убежали поначалу не торопясь, грузно прыгая, но когда меткий выстрел Колоды уложил одного из них, они изрыгнули съеденные куски мяса на снег и махом оторвались от преследователей. Одна из пущенных вдогонку пуль настигла оставшего волка. Раненый зверь зашатался. Изнемогая, повернулся к бегущим на снегоступах стрелкам и, злобно оскалившись, пошёл навстречу смерти... Остальные члены стаи укрылись в окрестностях пещер, куда люди никогда не заходили: считали, что в них обитает нечистая сила.

Колода, изучивший повадки стаи, уверовал, что их вожак и в самом деле порождение дьявола. Не мог же Господь наделить столь выдающимися способностями такую бездушную тварь!

Смелычак тоже хорошо знал своих гонителей. Особенно Колоду, чуя в нем сильного противника, тушуясь порой от его уверенного и пронизательного взора. Волк привык видеть в глубине зрачков любого встретившегося ему существа панический страх. В глазах же этого человека горел особый, неустрашимый огонь. Он бесил Смелычака, но вместе с тем и непостижимым образом притягивал, породжал желание вновь схлестнуться, помериться силой.

Осмотрительно избегая прямой стычки, волк, дабы доказать свое превосходство, замыслил прикончить его верного товарища — ручную рысь по кличке Лютый. Маленьким, умирающим котенком Колода подобрал его в лесу. Живя рядом с ним, рысёнок превратился в его самого преданного дру-

га, понимавшего человека с полуслова. Да и сама стая давно точила клыки на независимого и изворотливого кота. Но котяра в те дни, когда уходил из селения постранствовать, спал только на деревьях, а уж чуткости у него было несравненно больше, чем у волков. Однако удобный случай своре всё же представился.

По изменениям в следах Лютого серые поняли, что кот повредил лапу. И действительно, когда они встретили рысь на склоне отрога, она заметно прихрамывала. Не воспользоваться этим было глупо, и вожак с ближайшими сподручниками пустились в погоню. Спасаясь от преследователей, рысь поспешила к внушительному скалистому останцу. Бежала с трудом, а споткнувшись, даже неловко растянулась на камнях. Свора, окрыленная доступностью жертвы, прибавила ходу и уже предвкушала скорую расправу, но почти достигнутый кот успел заскочить на узкую горную тропу и скрыться за скалистым ребром, где в засаде терпеливо караулил Колода с дубиной. Он пропустил рысь, а затем по очереди молча посшибал в пропасть всех волков, выбегавших из-за поворота.

Благодаря понятливости и бесстрашию Лютого, хитроумный замысел охотника удался на славу. Кот, гордый убедительным исполнением роли увечного, подошел к другу. На дне пропасти лежали разбившиеся о камни окровавленные разбойники. Но самым невероятным во всей этой истории было то, что Смельчак, повинувшись своему особому чутью, остался внизу. Увидев сияющего Колоду, спускавшегося с вполне здоровым Лютым, он понял, что предчувствие его и на этот раз не обмануло. Проводив недругов ненавидящим взглядом, волк осторожно поднялся по тропе и обнаружил, что все его сподручники погибли.

Утрата своры приближённых стала для Смельчака потрясением. Лишь на следующий день он вернулся в стаю, отдышавшую в глухом распадке. Волки дремали, блаженно развалившись в самых немыслимых позах в тени деревьев. Увидев Смельчака, они по привычке встали, но смотрели на него напряженно, иные даже враждебно. Воспользовавшись его отсутствием, главенство в стае захватил Широколобый. Видя, что вожак один, без свиты, он совсем осмелел и открыто демонстрировал свое непочтение.

«Ну что, померяемся силой? Давай! Я готов!» — говорил он всем своим видом.

Смельчак понимал, что должен во что бы то ни стало осадить самозванца, но праздный образ жизни не прошел даром: он утратил былую силу и ловкость. Однако, даже отдавая от-

чет, что скорее всего уступит Широколобому, Смелычак не мог добровольно сдать власть — гордыня не позволяла.

Склонив голову набок, Широколобый настороженно следил за каждым движением вожака. Чуть приоткрытая пасть придавала его морде выражение уверенности в победе. Взбешённый Смелычак подскочил к самозванцу. Соперники, ощерившись, встали друг против друга, выражая решимость отстаивать право быть вожаком. Стая внимательно наблюдала.

Уже были показаны белые, как снег, клыки, поднята дыбом на загривке шерсть, гармошкой сморщен нос, неоднократно прозвучало устрашающее рычание, но звери с места не сходили. Наконец Широколобый, отступая назад, принудил Смелычака сделать бросок. А противник только и ждал этого — отпрянув в сторону, он неуловимым боковым ударом лапы сбил вожака с ног и, нависнув над ним, принялся остервенело трепать ненавистный загривок.

Смелычак вырвался, но сильно ударился головой о ствол березы и, метнувшись в чащу, умчался прочь. Еще никогда он не чувствовал себя таким опозоренным...

Давно заглохли последние верховые запахи стаи, а Смелычак всё бежал и бежал, кипя от бессильной злобы. Наконец он добрался до местности, где зияли темные глазницы пещер. Эта окраина Впадины была богата зверьем, а следы пребывания людей отсутствовали.

Постепенно Смелычак свыкся с участью изгоя и стал жить бирюком. Иногда, правда, наваливалась невыносимая тоска, но, не желая выдавать себя, он воздерживался от исполнения заунывной песни о своей горькой доле. В такие минуты он лишь тихо и жалобно скулил, уткнув морду в мох.

Как-то стая Широколобого, перемещаясь по Впадине за стадом оленей, столкнулась со Смелычаком. Волки с показным безразличием прошли мимо низвергнутого вожака. Даже бывшая подруга отвернула морду. От унижения Смелычак заскрежетал зубами, да так, что на одном из них скололась эмаль. Ему, всю жизнь одержимому стремлением к главенству, жадной превзойти других, видеть такое нарочитое пренебрежение было невыносимой мукой, но приходилось терпеть. Невольно вспомнилась волчица Деда: та не отходила от смертельно раненного супруга ни на шаг, а когда тот окошел, еще долго тихо лежала рядом, положив передние лапы на остывающее тело.

Утратив за время царствования охотничью сноровку, Смелычак вынужден был довольствоваться мелкой и, как правило, случайной поживой. Зато, хорошо разбираясь в оттенках голоса ворона-вещуна, он легко определял, что тот

обнаружил падаль, и по его подсказке не гнушался сбегать подкрепиться на халяву.

Однажды, переев протухшего мяса, Смельчак чуть не околел. А после поправки уже не мог даже приближаться к падали — его тут же начинало рвать. Не способный быстро бегать, он приноровился размеренно и упорно, с присущей волкам неутомимостью преследовать добычу часами, а порой и сутками. Безостановочно шел и шел, не давая намеченной жертве возможности передохнуть, подкрепиться. Преследуемое животное поначалу уходило резво, металось с перепугу, напрасно тратило силы, но постепенно шаг его тяжелел, клонилась к земле голова. Расстояние между хищником и добычей неуклонно сокращалось. Страх приближающейся смерти парализовывал жертву, лишал последних сил. Смельчака же близость добычи наоборот заводила, придавала силы. Наконец наступал момент, когда до предела измотанное, загнанное животное, чуя неминуемость гибели, смирялось с уготованной участью и покорно останавливалось, уже безучастное ко всему. И когда Смельчак подходил к нему, даже и не пыталось сопротивляться — расставалось с жизнью безропотно...

Волк потихоньку восстанавливал былую форму и к следующей зиме нехватки в пище не испытывал: мало кому удавалось избежать его клыков.

В один из знойных полудней дремавший на лесине Смельчак проснулся от хруста гальки и плеска воды: кто-то переходил речку. Похватав пролетные запахи, волк уловил чарующий аромат стельной лосихи*. Принюхался — точно она! Брюхатая осторожно брела по перекаату прямо на него. Волк сглотнул слюну. От предвкушения возможности поесть свеженины в голову ударила кровь.

Когда лосиха остановилась под обрывом, чтобы дать стечь воде, Смельчак выверенным прыжком оседлал ее и вонзил клыки в шею. Очумевшая от внезапности нападения, корова, оберегая бесценное содержимое живота, опрокинулась на спину и с ожесточением принялась кататься по хищнику. Тот, разжав челюсти, чуть живой пополз к воде, а потрясенная мамаша удалилась в лесную чашу...

Выполняя просьбу отца-травозная, Колода, после Тихонова дня, когда солнышко дольше всего по небу катится и от долгого света все травы животворным соком наливаются и вплоть до Иванова дня высшую меру целебности имеют, шел по высокому берегу, собирая лапчатку серебристую, необходимую для приготовления лечебного сбора прихворнувшей матери. Приседая на корточки, охотник срывал ту траву аккуратно, чтобы не повредить корни.

Неожиданно Колода ощутил на себе до боли знакомый взгляд: по голове и спине аж холодок пробежал. Неужто Смельчак?! Он резко обернулся и вниз, у воды, увидел невзрачного, всклокоченного волка, но глаза, вернее один полуоткрытый глаз, сразу выдал его — точно, Смельчак!

— Вот это встреча! Так ты, вурдалак, оказывается, жив?! — воскликнул человек.

Зверь вздрогнул, еще сильнее прижал к загривку уши и втиснул голову в песок. В его взгляде засквозили испуг, тоска, чувство полной беспомощности: не было сил даже оскалить когда-то страшные клыки. Глаза заслезились — то ли от жалости к самому себе, то ли от того, что было трудно смириться с бесславной участью.

А охотник смотрел на старого поседевшего зверя сочувственно, можно сказать, с грустью. Смельчак отвел глаз, тяжело вздохнул. Они поняли друг друга. В какой-то момент во взгляде Колоды вместе с жалостью невольно мелькнула мстительная удовлетворенность. Смельчак, словно почуяв перемену в настрое человека, едва слышно заскулил.

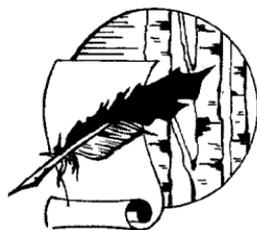
— Нечего плакаться, получил ты, браток, по заслугам.

Он спрыгнул с обрыва на прибрежную косу и направился к Смельчаку. Тот в ужасе съёжился, дернул грязным, как дворовая метелка, хвостом и как будто всхлипнул. Шумно вздохнул и замер.

— Не робей, лежачих не бью, — охотник склонился над зверем и... наткнулся на угасающий взгляд. Волк был мертв...

Набрав травы, Колода вернулся в хижину и рассказал отцу о неожиданной встрече.

— Всё как у людей, — задумчиво растягивая слова, проговорил старик. — За всё рано или поздно приходится платить.

Николай БЕСЕДИН

ТРЕТЬЯ ЧАША

ВОЛХВ

1

Куковала кукушка над Росью рекой.
Куковала вещунья три дня и три вечера.
Будто что-то ждала.
Но никто той порой
Не слышал на Руси ее голоса вещего.
Куковала она от зари до зари.
Не испила ни капли,
Не съела ни маковки.
А как третий закат краснотал заварил,
Пала замертво в травы, что росами плакали.
И поднял ее волхв — длинноликий старик,
Посмотрел на сердечную серыми бельмами,
И леса содрогнул человеческий крик,
И поплыл, непонятный, над русскими землями.
С этой самой поры заприметил волхва
Некрещеный народ в городищах и селищах.
И в сомненьи великом внимал он словам
Длинноликого старца, седины жалеючи,
У продымленных срубов и стылых костров
Молча слушали росы с ухмылкой гордой,
Как повергнут Перуна с крутых берегов
На потеху монахам и вражеским ордам.
Волхв сулил, что воздвигнут на русских горбах
Божьи храмы и князьи хоромы бессчетно,
Что проступит сквозь холст домотканых рубах,
Так предсказывал он, соль от крови и пота.
Он вещал про великую новую Русь,

И взлетали крылато тяжелые вежды,
И тонула в бездонных глазах его грусть,
И упрямым огнем загорались надежды.
Но порой непонятен был старца язык,
Странны мысли его, а сказания дики.
И прослыл он блаженным, кудесник-старик,
Ибо разум угас на седом его лице.

2

Опять, опять ее лицо —
Той женщины с загадкой вечной.
Она была со мной обвенчана,
Назвавшись Русью под венцом.
Она вела меня в свои
Хоромы, убранные скромно,
Где так величественно-сонно
Стояли Храмы на крови.
Она показывала мне
Свое приданое, не зная
Его значения и края,
Идя как будто в полусне.
Мы шли. Над нами облака
Вздыхались рукотворным сводом.
И время даже не на годы
Вело свой счет, а на века.
Она молчала до поры,
То говорила громко, страстно,
Что на Земле все государства —
Единомлечные миры.
Одна в нас кровь. Один — исток.
И Бог един у нас — Природа.
Наступит век, когда народам
Судьба один отмерит срок.
— Скажи, что ждет нас впереди?
Что предначертано богами?
Любовь моя! Что будет с нами?
Рукой взмахнула: — Погляди:
Вдали, укрытая в рядно,
Шла женщина. Ее обличье
То было светлым по-девичьи,
То по-старушечьи темно.
Она летела и ползла,
Рыдала, пела и молилась,
То падала, то возносилась
И крест безропотно несла.

Одни склонялись перед ней
В любви сыновней и печали,
Другие камнями бросали
И ложью, чтобы побольней.
Упрятав лик в дожди, в снега,
В бессчетных поприщах теряясь,
Вновь расцветала всем на зависть,
Не вспомнив по злобе врага.
Но слабнул вещей благовест,
И меркла в золоте икона.
И не нашлось в пути Симона,
Чтобы помочь нести ей крест.
И кто-то спросил в те дни:
— Что делать с ней? Достояна ль рая?
И рать откликнулась земная:
— Распни ее! Распни! Распни!
— Кто это?! — закричал старик.
— Что, не узнал? Твоя невеста.
Благослови на подвиг крестный.
И в облаках сокрылся лик.
Но долго волхв еще стоял.
Потом вернулся к той опушке,
Где пала за смерть кукушка,
И кукованье услышал.

ВСТРЕЧА

Комиссия закончилась провалом.
Он вышел отупевшим и усталым
На улицу, в вечерний вертопрах.
Шел наугад, подняв у куртки ворот.
Кишел телами суетными город,
Воздвигнувший над прахом новый прах.

И вдруг — укол иглы, опоры прочерк,
Бунт памяти, когда она не хочет
Ответить и не может промолчать:
Знакомый голос, но какой-то странный,
Из онемевшей, выцветшей, туманной
Реальности, что вымыслу под стать,

Вдруг полоснул безжалостно и звонко,
Как лезвие:
— Купите кукушонка!
И вновь затих. Он ждал его, дрожа,
Боясь, что повторится он, как пытка,

Едва надеясь: может быть, ошибка?
И зная: казни жаждала душа.

И он возник на той же странной ноте,
Поодаль чуть, в подземном переходе.
Всем существом рванулся от туда.
И увидал согбенную старуху,
Что изредка в толпу роняла глухо:
— Купите кукушонка, господа!

И он узнал. Как изменилась Оля!
Но всё же что-то милое до боли
Светилось, словно в Храме на крови.
Крестообразно сложенные руки
Не милостыню ждали, а на муки
Благословляли пленников любви.

Ведомый заклинаньем иль проклятьем,
Он кинулся с готовностью в объятья
Воспоминаний.
И разверзлась явь.
И карусель гигантская, шальная
Вдруг завертелась, время расчленяя,
Творя какой-то несусветный сплав.

...Аленка! Олененок!
Плещут руки
Над изголовьем, отводя разлуки.
Бежит босая, светлая к нему.
И губы, щеки, грудь его целуя,
Кричит на всю Вселенную:
— Люблю я!
...Где это было? В Кинешме? В Крыму?

Мелькают города, дороги, встречи...
— Остановись!
...Они сошли под вечер
На среднерусской станции глухой.
Потом пешком двенадцать верст и — дома,
В деревне, что была ему знакома.
— Аленушка! Там просто рай земной!

Едва пошли, как ногу подвернула
Она в стопе.
И обратившись в мула,

Он нес ее, смеялся и шутил.
Два рюкзака и ноша всех милее.
...А карусель быстрее и быстрее.
— Мой милый! Разлюбить тебя нет сил.

Он успокаивал и исчезал надолго.
Но возвращался с хищным взглядом волка.
И ночь была. И вьюга за окном...
— Ты не ругай меня. У нас — ребенок.
Он засмеялся:
— Это кукушонок.
Смотри получше за своим гнездом.

— Стой, карусельщик! Исполать, любезный!
Останови свой агрегат небесный!
Назад верни! Скорей верни назад!
Туда, где ничего о ней не помню.
Моя душа похожа на часовню,
Где только отпевают и скорбят.

А я хочу молиться днесь и вечно,
Чтобы зажглись в ней праздничные свечи,
И глаз любимой исцелила синь,
И смех ее вернулся — чистый, звонкий...
Но, как удар:
— Купите кукушонка.
— Сгинь, карусельщик!
Этот вечер — сгинь!

ТРЕТЬЯ ЧАША

(Легенда о Бахчисарайском фонтане)

— О нём немало сложено легенд,
Одна из коих в пушкинской оправе.
Послушай о другой.
На склоне лет
Владыка Крыма, почивавший в славе,
Раба, по камню мастера, позвал
И, возлегая на коврах, сказал:

— Ты видишь, грек, я немощен и стар.
Жизнь отшумела белопенным морем.
Жестокосердным слыл я у татар,

А у врагов — исчадьем зла и горя.
Немало у мужчин занятий есть.
Быть воином — всего превыше честь.

Хороший конь, и сабля, и стрела —
Что лучше их аллах создал на свете?
Но жизнь, ты видишь, грек, почти прошла.
Что я оставлю родине и детям?
Бессилен перед временем наш прах,
Но сабли след останется в веках.

Я истреблял селенья, племена,
Сжигал детей, не ведая предела
Своей жестокости. Но ни одна
Слеза в моих глазах не заблестела.
Кто воином навек себя нарек,
Тот должен быть бесстрашен и жесток.

Мать и отец, когда я ханом стал,
Повисли, как хомут на иноходце.
Молила мать, но я ее прогнал.
Отец проклял — над ним померкло солнце.
Как камни гор, во мне молчала кровь.
И в пепел обратил я отчий кров.

Друзья клялись мне в верности своей.
Друзья у властелина... Не смешно ли?
На сердце становилось веселей,
Когда я слышал крики их от боли.
Я знаю подданных, рабов и слуг,
Но я не знаю, что такое — друг.

Ты хочешь, грек, спросить: была ли та,
Что воина покорностью пленила?
Была ли женщина, чья красота
Слезой любви мне сердце растопила?
Любил ли я, и был ли я любим,
Не пленницей, а женщиной храним?

Так знай: букет гарема моего
Так свеж и так прекрасен среди прочих,
Что на Востоке нету никого,
Кто зрел такой бездонной глуби очи.
И не одна шептала мне: «Люблю!»
Велишь — люблю чашу изопью».

И я велел.
Мне нравилось смотреть,
Как красота вся растворялась в страхе,
Как над любовью властвовала смерть,
И страсть и нежность исчезали в прахе.
И никогда, — ты слышишь? Никогда!
Не знал я в жизни слезного стыда.

Возьми же мрамор и гранит любой,
Всё золото, но за три дня, не боле,
Воздвигни памятник. И в нём воспой
Мужское сердце, мужество и волю.
Тот памятник, что сотворишь ты, грек,
Пускай прославит воина навек.

И каждый, кто посмотрит на него,
Увидит ярость жгучую, как пламень,
Суровое, безмолвное чело
И вместо сердца - недробимый камень.
Такой завет оставлю я векам
И родине, и детям, и врагам.

Прошло три дня. И хана принесли
К трем высеченным чашам из гранита.
Склонился грек в поклоне до земли.
Поодаль чуть лежали аксамиты
И золото, и разноцветный сор —
Каменья крымских и болгарских гор.

В три яруса стояли чаши те.
И каждая наполнена до края
Прозрачной в непорочной чистоте
Водой из родников Бахчисарая.
Пытливо хан провел рукой по ним.
И был гранит у верхних чаш сухим.

И к третьей чаше, медленно скользя
По краю взглядом, перешел владыка.
И не поверил: светлая слеза
Сползала, расплавляя край гранита.
Провел рукой:
— Нет, зреньем я не слаб.
Скажи, зачем заплакал камень, раб?

И грек ответил:
— О, всеильный хан!

Губя народы и детей сжигая,
Ты можешь приказать не течь слезам.
И не заплакать, если мать родная
Тебя за вероломство проклянет.
Все это так. Посилен этот гнет.

Ты можешь, волей возгордись своей,
Упрятать боль страдания в улыбке,
Когда любовь и преданных друзей
Осудишь на мучительные пытки.
Не содрогнется сердце от греха.
И будет кожа щек твоих суха.

Послушай, хан!
И я свой прожил век.
И потому не ведаю боязни.
Не может не заплакать человек,
Когда душа — ристалище для казни.
Когда соединились в ней одной
И гнев, и месть, и промысел войной.

Не мог создать такого сердца Бог.
Нет сил таких, чтоб вынести все вместе.
Пусть плачет камень, если ты не смог,
Неся о зле и покаянье вести.
Казни меня. Но не вольна и смерть
Меня заставить палача воспеть.

...Он возле чаш казнен был, словно вор.
Хан пережил раба на две лишь ночи.
И чаша третья плачет до сих пор
О войне, чьё сердце слёзы точат.
Ещё о том, кто молится во мгле
О всех жестоких душах на земле.

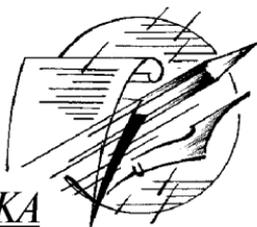
Леонид ИВАШОВ,
президент Академии геополитических проблем

ПРАВИТЕЛЬСТВО ИЛИ ПОХОРОННАЯ КОМАНДА?

Очевидное для большинства граждан России, похоже, становится очевидным и для правящего класса — экономика, финансовая система, образование, наука, высокотехнологическое производство в жесточайшем кризисе. Короче говоря, либеральный путь развития завел страну в исторический тупик.

Выступая с ежегодным Посланием Федеральному Собранию 3 декабря 2015 года, Президент России В.В. Путин признал, что «экономическая ситуация в стране сложная, но не критическая». Одновременно он задал вектор действий для органов власти: «Только изменив структуру экономики, мы можем решать масштабные задачи... Экспансия российской продукции должна стать естественной стратегией развития национального бизнеса, всей российской экономики». Президент России также заявил о создании нового института управления — «Агентства технологического развития», которое призвано обеспечить бизнес отечественными и зарубежными патентами, лицензиями и другими интеллектуальными продуктами.

Агентство так агентство. Хотя и тут остаются вопросы. Например, чубайсовская корпорация Роснано, толку от ко-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

торой для экономики страны меньше нуля. Техническое и технологическое перевооружение нельзя рассматривать отдельно от планирования важнейших параметров производства и развития, подготовки кадров. Главный экономический тезис Послания — изменить экономическую структуру. Цель изменения Путин выразил предельно конкретно — «решение масштабных задач». Высокая углеводородная рента нестабильна, к тому же упущенные правительством возможности не обеспечили устойчивого развития производственной экономики, не упресли назревающие проблемы в социальной сфере.

Цель В. Путиным поставлена, а будет ли она достигнута и что для этого нужно? Поймет ли правительство эти указания, найдет ли обдуманное решение, если майские 2012 года указы президента оказались в провале. Поэтому мы предлагаем свой вариант. Возникает вопрос: с чего начать?

Во-первых, перекрыть основные каналы утечки капиталов. Во-вторых, создать условия доступности для отечественных товаропроизводителей в торговых сетях на всей территории России. В-третьих, классифицировать инвестиции по степени их полезности, отделить спекулятивные и токсичные инвестиции от инвестиций развития. В-четвертых, обеспечить директивное планирование производственной экономики, ее техническое и технологическое перевооружение. В-пятых, обеспечить управление вышеназванных задач квалифицированными кадрами. В-шестых, определить приоритеты масштабных задач и проектов.

Попробуем разобраться с первым тезисом — перекрыть основные каналы утечки капиталов. Сначала ответим на вопрос: куда уходит прибыль от деятельности иностранных производств, торговых предприятий и спекулятивных финансовых операций? Правильно! На Запад.

Как известно, основные затраты российских семейств приходится на продукты питания, предметы обихода, бытовую технику, одежду, лекарства. Мы уже привыкли к широкому ассортименту товаров в крупнейших торговых сетях: «Икея», «Ашан», «Леруа Мерлен», «Метро», «Глобус» и множестве других, но это одна сторона медали, есть и другая. Прописанные в зарубежной юрисдикции, они, подобно гигантскому насосу, выкачивают нашу заработную плату, пенсии, пособия и накопления, а прибыль конвертируют и переводят на счета своих стран. Этих денег наша страна больше не увидит никогда. Активы России уменьшаются на вывезенную сумму, и, к сожалению, обороты вывоза денег растут. Классический отток капитала, а мы, граждане, поставлены в условия непосредственных пособников.

Хуже того, западные торговые сети только за приличные премии (читай — взятки) допускают российских производителей к себе на прилавки. Расчет за поставленный продукт осуществляется не по мере его продажи, а, к примеру, в течение года. Такая дискриминация для отечественных производителей является непосильной и подрывает их конкурентные возможности. Если нет устойчивого сбыта продукции или товаров, то не будет его производства. Торговые компании мотивированы заключать контракты с иностранными производителями, что фактически означает проведение выраженной антироссийской политики. Низкая цена отечественного продукта, его качество и экологическая чистота западными сетями не учитываются. Как известно, только с высокой цены делаются высокие торговые накрутки. Вероятно, неспроста правительство попустительствует этому, хотя просто обязано установить нормативные лимиты на продажи отечественных продуктов и товаров и даже обозначить преференции российскому бизнесу для доступа на торговые прилавки. Как это сделано в Беларуси.

Без таких правительственных директивных установок западные сети выступают похоронной командой всей отечественной товарной экономики. О каком экспорте можно говорить, если наши товары не участвуют даже в нашей же внутренней торговле. Как говорят западные эксперты: сначала наполните «свои» магазины своими товарами, а уж потом поговорим про экспорт к нам. Круг замкнулся. Однако выход из расставленных капканов все же есть. Мы отчетливо понимаем, какой гнев с той стороны вызовут эти предложения.

Может ли Россия взять в свои руки торговлю? Безусловно, может. Во-первых, установить лимиты. Во-вторых, строить и развивать собственные торговые предприятия, в том числе национальные — к примеру, Алтай, Дагестан, Татарстан и региональные — Крым, Кубань, Ростов, а также интегрированные компании.

Для дешифровки конструкции разложим ее на составляющие и разберем элементы, из которых состоят торговые сети:

- здание из металлоконструкций, бетона, стекла и «сэндвич-панелей»;
- бетонная площадка под здание, торговые службы, автостоянка;
- погрузочно-разгрузочная техника;
- стеллажи для хранения продукции и товаров;
- тележки для покупателей;
- пункты расчета за покупки, оснащенные кассовыми аппаратами;

— набор контрактов с поставщиками продукции для торговли.

И все! Имеется ли среди перечисленного нечто такое, что можно отнести к разряду сложных инженерных технологий с технической или организационной точки зрения? Безусловно — нет!

Здание. Способны ли наши строители, промышленники, хозяйственники спроектировать и построить такое здание? Да, способны! Для этого найдется не менее десятка тысяч компаний среднего и малого бизнеса. Заметьте, их строительство под силу не только среднему, но и малому бизнесу в кооперации с другими. Крупным строительным компаниям нужны более сложные проекты: АЭС, ГЭС, мост в Крым, космодром, метро и т.п.

Погрузочно-разгрузочная техника и механизмы (более половины можем комплектовать отечественными). Кассовые аппараты и считывающие устройства. И в этом нет препятствий, отечественные производители обеспечат любой объем.

Контракты на поставку продукции. На этом этапе возникает вообще уникальная ситуация: главные усилия уйдут не на поиск производителей и поставщиков, а на скрупулезный отбор многочисленных российских и зарубежных предложений. Сложившаяся конъюнктура свидетельствует о том, что предложений поставки в разы больше, чем торговые сети способны переработать.

Безусловно, можно возразить: дескать, грубый и схематичный подход. Есть множество других компонентов: сложнейшие логистические операции, программы складского и финансового учета, системы управления процессами, стандарты работы и многое другое. Да, есть! Но многие не знают, что самые сложные в мире операции проектировались Госпланом СССР. С помощью математического моделирования исполнялся не только «межотраслевой баланс», охватывающий все отрасли, за разработку которого получена Нобелевская премия, но и обеспечивались поставки продукции производственно-технического и иного назначения до самого низового потребителя. Наш опыт с успехом использует Китай (справедливости ради следует отметить, что с отсечением лишней регламентации).

Программное обеспечение торговли для российских специалистов является задачей невысокого уровня. Такие программы на митинском и других рынках в свободном доступе, тем более в специализированных компаниях. Больше половины разработанных в мире программ разного уровня сложности выполнены специалистами России, Китая и Индии. Можно, конечно, и короткие блоки разбить на составляю-

щие, чтобы подтвердить возможности освоения нашими предпринимателями способов масштабной национальной торговли. Если какая-то сеть отказывается изменить свои политизированные стандарты в пользу российской продукции — пусть торгует у себя дома.

Теперь об инвестициях. Финансовые спекулянты, которых наши либералы именуют инвесторами, бросились в Россию. Капитализация российских компаний оценивается ниже их реальной стоимости. Они понимают: лучших условий для них нет нигде. К примеру, Китаю и другим развивающимся и независимым странам нужны технологии завтрашнего дня, современное оборудование, инновации, ноу-хау — все то, что работает на развитие экономики. Внутренний финансовый рынок Китая для спекулянтов закрыт. Три крупнейших банка Китая на 100% принадлежат государству, остальные имеют акционеров — государственных агентов правительства КНР. Под контролем государства находится более 90% банковских активов Китая. Оттого и развитие на зависть всему миру. Мы же, в отличие от стран с ответственными правителями, открыли им самое уязвимое — финансы.

В 2012 году, удачном для старта экономических преобразований, доля спекулятивного капитала составила 70% от всех «инвестиций». Русская рулетка крутилась в пользу спекулянтов. На этом не остановились. В ход пошли деривативы, то есть иллюзии доходов будущего. По данным РАН, торговля этим «воздухом» превысила масштабы реальной торговли в 80 раз. И это понятно: в казино ставки делаются только деньгами, а не товаром. Реальная экономика не сможет дать подобный выигрыш. Этим «инвесторов» она не привлекает.

В результате увлечения финансовыми операциями крупнейшие российские банки и компании заложили свои активы Западу за полученные кредиты. По состоянию на август 2015 года их задолженность по кредитам составила более 500 млрд. долларов долга и стала превышать золотовалютные запасы государства (374 млрд. долларов США на 09.10. 2015). Цена на нефть падает, валюты на обслуживание и выплаты по кредитам не хватает. Капитализация наших компаний, с размещенными на рынке акциями, обваливается. Удар опять принимает население. Для наполнения бюджета обваливается система социальной защиты, усиливается фискальная служба. Тут бы правительству и присмотреться к опыту Китая, но Д.Медведев еще раньше обозначил свою позицию: «Китай не может служить моделью для экономического развития России!», после чего поручает разработать «Стратегию выхода России из кризиса в стадию развития»... банкиру М.Фридману!

Кризис 2014—2016 годов обостряется. При таком диагнозе нужна мобилизация экономики и инвестирования через облигации внутренних займов и ряд иных мер. Это не просто кризис — Россия уже воюет с Западом и втянута в войну на Ближнем Востоке. В этих условиях нужны новые решения и прежде всего — индикативное планирование народного хозяйства. Правительство этого не понимает или понять не хочет.

России необходимо комплексное директивное планирование всех отраслей экономики, социальной сферы и, естественно, систем безопасности государства от всех видов угроз. Это директивное (обязательное) планирование по выполнению главных мер и достижение намеченных результатов во всех отраслях и сферах в определенном будущем. В этом аспекте крайне важным является разработка задач по проектированию оптимальных вариантов их выполнения с расчетом необходимых ресурсов, включая параметры межотраслевого баланса производства и распределения продукции. И только потом планы доводятся до каждого исполнителя. Нельзя так просто установить индикаторы или параметры достижений и назвать их государственным планом. Это будет заведомо неисполнимое мероприятие.

При разработке целевого государственного плана его непременной составляющей является межотраслевой баланс производства и распределения продукции. Есть основания полагать, что сегодняшние правительственные власти не имеют о нем ни малейшего представления.

Кратко его основные положения. Это экономико-математическая модель производственных связей в народном хозяйстве: с помощью межотраслевого баланса обеспечивается подробная детализация главных народнохозяйственных пропорций в отраслевом и межотраслевом разрезах в натуральном и стоимостном выражении.

Сегодня «элита» предлагает нам строительство новой постиндустриальной экономики. Не понимая сути вещей, она уверовала в красивый лозунг и предлагает поверить в него всему обществу. Это вранье! Постиндустриальное общество может возникнуть исключительно и только на фундаменте развитой индустрии. Это логика экономического развития. Без наличия такого фундамента построить ничего нельзя. Последние годы мы направленно проводили деиндустриализацию. Теперь нужно восстанавливать разрушенное.

Прежде чем продолжить тему, попробуем разобраться, почему ученые разных стран мира, представляющие естественные науки, независимо от политических убеждений, всегда

находят солидарный язык и общую точку зрения на все важнейшие положения в математике, физике, химии? Потому что их объединяет единый подход к фундаментальным законам: классической механике, закону сохранения энергии и всемирного тяготения, главному закону химии — периодической таблице Менделеева. Ученые-естественники успешно решают возникающие проблемы.

Фундаментальные науки имеют надежный фильтр, который отсеивает наукообразные идеи от истинных знаний. Этого нельзя сказать об экономической науке. Естественные законы не подчинены меняющимся интересам политиков, не являются плохими или хорошими, не имеют политического окраса или партийного статуса. Их практическое применение помогло создать атомную энергетику и атомное оружие, подняться в космос, сделать привычной сотовую связь, компьютер с большими возможностями и многое другое. В рядах физиков, инженеров, математиков вы не найдете случайных людей. Они там долго не удержатся.

Ничего подобного в финансах и экономике, состоящих из сплошных теорий, не происходит. В экономике две разные школы могут быть приняты за научную основу, несмотря на то, что имеют противоположные утверждения и такие же выводы. Каждая экономическая школа рождалась на собственном политическом фундаменте. Отсюда диссонанс в объяснении одной теории различными школами. Только в области экономики ученые могут получить Нобелевскую премию за теоретические работы и исследования, ведущие к противоположным выводам.

Прикладная экономика и финансы, опирающиеся на разные теории, накопили массу экспериментальных данных. Но до сих пор мы руководствуемся ложными мифами вроде «частный собственник эффективнее государства», «рынок все расставит по местам» и т.д. Все эти теории одинаковы в том, что, не имея прочной основы, изменяются, как и проходящая мода. Они могут быть эффектными, но не эффективными. Их опасность в том, что в них многие верят. А катастрофа состоит в том, что в них верит «наше» правительство и принуждает верить все общество. Под воздействием этой веры и начинают твориться — с включением людей и ресурсов — процессы, приводящие к катастрофическим последствиям. Теория и ее носители жестоко расправились с Российской Империей. Пришедшая ей на смену другая теория жестоко расправилась с государством социализма. Либеральная теория вступила в жесткую схватку с Российским государством и его народом.

Физики, химики, математики на поставленный вопрос ответят, как правило, одинаково. Это нельзя отнести к финансистам или экономистам. На одинаковый вопрос каждый из них ответит по-разному. Что мы и наблюдали на Гайдаровском форуме (январь, 2016 г.) в лице Кудрина, Силуанова, Улюкаева. Либеральная экономическая наука не дала еще на вопрос ответ, в котором результаты деятельности людей на пользу общества соответствовали бы их доходам.

Трудно найти различия между игроком в казино и игроком на бирже. С тем же успехом можно назвать инвестором и первого игрока. Следовательно, мы должны признать за экономическими теориями выраженную неспособность соответствовать проверенным на прочность знаниям, а тем более общепризнанным статусам научных законов. Ученый-естественник в отличие от финансиста, экономиста не придумывает законы, а лишь изучает и исследует природу, открывает ее свойства, заложенные Творцом.

Необходимо уйти от непрофессионалов и экспериментаторов в вектор планирования результатов, который может превратить экономическую науку в такую же точную, как и естественная наука. Развитие этого направления встретит жесткое сопротивление, потому что будет представлять угрозу Западу, его паразитическим доходам и политической идеологии.

Новые хозяева — молодые авантюристы и приглашенные с Запада мошенники цинично отвергли уникальное достояние — советский опыт ветеранов. Они внедрили смертельный для России проект разгосударствления общенародной собственности. Страна пришла к разорению и проиграла. Выиграли самые наглые и безнравственные и их заокеанские учителя.

Остается открытым вопрос: кого и на каких условиях привлечь к участию в разработке спасительного для России глобального проекта? Для взращивания новых управленцев до уровня избранных профессионалов требуются многие годы. Нет и целенаправленного отбора лучших людей, имеющих за своими плечами реальные достижения в пользу общества. Бездействие в кадровом вопросе — самый опасный вызов России.

Вы не сядете в поезд или автобус, где нет расписания и маршрута движения, поскольку рискуете не попасть в нужное место в назначенное время. Пилота, водителя, машиниста поезда не подбирают по принципу корешей или землячеств. Представим, что водитель автобуса не профессионал, а эффективный менеджер и везет пассажиров по собственному, более прибыльному для него маршруту. Анализ действий правительства указывает на то, что вся страна едет именно в таком автобусе. Нет общей проектной конструкции и техноло-

гии действий. Поэтому власти включаются тогда, когда уже возникли проблемы в одном из его элементов. К большому сожалению, консультанты и советники подвигают правительство к решению срочных дел для создания видимой успешности. России нужны не срочные, а главные дела.

Нужно осознать, что заявленный путь к достижению цели является единственной альтернативой либерально-демократическим формам государственного развития России. Своевременность пути обусловлена рядом важнейших обстоятельств:

- поражением от рыночного либерализма;
- пониманием неопределенности будущего;
- осознанием того, что у будущего пока нет позитивной идеологии;
- пониманием обреченности попыток создать новую Россию на либеральном фундаменте;
- пониманием того, что нельзя начинать строительство, о котором не имеешь представления;
- пониманием, что лимит на ошибки исчерпан; ошибка, повторенная дважды, — глупость или предательство и должна квалифицироваться как преступление;
- применением собственного и зарубежного даже положительного опыта только после тщательного анализа и селективного отбора.

Движущей силой могут выступать только интеллект и воля. Каждая величина в отдельности ничего не даст. Конь обладает силой, но не наделен интеллектом. Кто надел на него узду, тот управляет всеми его действиями.

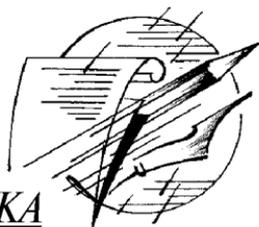
Государственная политика не должна строиться на чувствах и эмоциях. Ее фундаментальность основывается на естественных законах природы и сложившейся в государстве вере, как на главном стержне из прошлого в будущее. Действующие принципы управления необходимо менять как доказавшие свою несостоятельность. Упорство власти в своих заблуждениях — самая опасная ошибка для развития государства.

Мы просто обязаны войти в новый технологический уклад, требующий оперативно новых навыков. И это естественно. Не может поддаться никакому измерению либеральная установка, что «хоть в экономике страны и плохо, но мы движемся правильным курсом». Правительство должно быть не всезнающим центром, а аналитическим и научно организующим центром. Но даже АН РФ действует отстраненно от действий правительства. Поэтому финансово-экономический блок правительства, действуя по принципу ЕГ, не угадал ни одного прогноза развития — ни мировой ситуации, ни российской перспективы.

РАДИКАЛИЗАЦИЯ ИСЛАМА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Вот уже почти четырнадцать веков, со времени возникновения в Аравии ислама и включения в исламскую империю — и цивилизацию — некогда христианского Восточного и Южного Средиземноморья, ислам и христианство существуют бок о бок — всегда соседи, часто соперники, иногда враги. В некотором смысле каждая из двух религий определяется и очерчивается через другую. «Бог един, единственен и вечен», — говорит Коран (112, 1-2). «Он не рождает, и не рожден, и нет Ему равного» (112, 3-4). Недвусмысленно отвергая в этих и других изречениях христианские догматы, ислам явственно дистанцируется от своего предтечи и утверждает собственную миссию, но в то же время исламские традиции, как и вся созданная под их эгидой цивилизация, проявляют глубокие сходства, объединяющие ислам с другими авраамическими религиями (иудаизмом и христианством).

И опять, как уже не раз бывало в прошлом, век скептицизма сменяется периодом интенсивного религиозного фанатизма. Религия, судя по всему, остается важнейшей человеческой потребнос-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

тью, которую нельзя с легкостью сбросить со счета и вышвырнуть за борт, каким бы утонченным и разумным ни было само общество. Одни будут приветствовать этот тип веры, другие станут оплакивать его приход, но никто не сможет отрицать, что религия — одна из главных проблем нашего времени. Религиозный инстинкт чрезвычайно силен, и его можно использовать как во благо, так и во вред. Поэтому мы должны понять и внимательно изучить его проявления не только в нашем собственном обществе, но и в других культурах.

Человеку Запада трудно было понять бурную реакцию мусульман на вымышленный портрет Мохаммеда в «Сатанинских стихах» Салмана Рушди. Казалось немислимым, что какой-то роман способен вызвать такую убийственную ненависть. Эту реакцию и расценили как доказательство неискоренимой нетерпимости ислама. Особенно обеспокоились жители Британии, когда узнали, что в их городах мусульманские общины не только живут сообразно явно чуждым им ценностям, но и готовы стоять за них насмерть. Поэтому утрата собственных культурных корней может оказаться весьма болезненным испытанием и даже в наши дни способна породить агрессивную религиозность в качестве самоутверждения. Так, в писаниях мусульманских воинствующих радикалов враг определяется по-разному. Иногда это евреи или сионисты — два более или менее взаимозаменяемых термина; христиане, миссионеры или крестоносцы, опять-таки более или менее взаимозаменяемые; западные империалисты, ныне переименованные в Соединенные Штаты; иногда — хотя в последнее время редко — советские коммунисты. Но для многих фундаменталистских групп основным врагом и непосредственным объектом нападок являются местные секуляристы, пытающиеся ослабить и изменить исламские основы государства посредством основания светских школ и университетов, введения светских законов и судов, и тем самым закрывающие для ислама и его профессиональных выразителей две важнейшие области, в которых те прежде преобладали — образование и право.

С ранних пор исламское право установило в качестве одной из важнейших обязанностей главы мусульманского государства и общества ведение джихада, что обычно, хотя и неточно, переводят как «священная война». Арабское слово д ж и х а д дословно означает «усердие, приложение усилий, борьба» и часто сопровождается словами «фи сабил Аллах» — «на пути Божиим». До не столь уж давнего времени оно чаще всего, хотя и не всегда, понималось как чисто воен-

ный термин. То был долг мусульманина, коллективный при наступлении, индивидуальный при обороне, — сражаться против неверующих. В принципе война должна была продолжаться до тех пор, пока все человечество либо не обратится в ислам, либо не подчинится власти мусульманского государства. До достижения этой цели мира в теории быть не могло, допускались только временные перемирия, которые по последствиям и длительности не слишком отличались от мирных договоров, перемежавших время от времени почти непрерывную войну европейских правителей друг против друга.

Обязанность джихада была в силе на всех границах ислама, за которыми лежали земли неверных, но между разными группами неверных проводилось важное различие. На восток и на юг от исламского мира, в Азии и Африке, жили язычники и идолопоклонники, поддающиеся обучению варвары, которые, за неимением собственной серьезной религии, считались «самой природой» созданными для принятия мусульманской веры и включения в исламское государство. И только в одной области — в христианском мире — ислам встретил упорное сопротивление. Тем самым джихад против христианского мира приобрел особый характер, ибо именно эти земли таили, как казалось в разные времена мусульманам, и величайшую опасность, и наиболее благоприятные возможности. Для арабов после завоевания Ирана и Средней Азии и неубедительных вылазок на границы Китая и Индии главным врагом среди «неверных» стала Европа. Спустя несколько веков того же мнения придерживались турки-османы. Местные вожди, конечно, вели джихад против местных неверных в Южной и Юго-Восточной Азии и в Африке южнее Сахары, но великий джихад велся в Европе, на главном театре военных действий между «Домом ислама» (Дар-уль-Ислам) и «Домом войны» (Дар-уль-Харб).

Поначалу казалось, что по всем признакам ислам должен восторжествовать, а Европа — склониться перед ним. Ислам, самая молодая религия, сложившаяся в VII веке н. э., едва ли не с рождения стал мировой империей и мировой цивилизацией, простершейся на три континента, населенной множеством самых разных рас и народов, вобравшей в себя центры древнейших цивилизаций Египта и Благодатного полумесяца, к которым вскоре добавились Иран и Северная Индия. Мусульмане унаследовали греческую философию и науку, которые Европе предстояло открыть для себя лишь через несколько веков, государственное устройство Ирана и даже многое из восточнохристианского и византийского на-

следея. В то время как Европа была зажата между исламом на юге, степью на востоке, океаном на западе и ледяными пустынями на севере, мир ислама поддерживал отношения, иногда выливавшиеся в военные действия, но часто вполне мирные, с богатейшими древними цивилизациями Индии и Китая. У одной из них мусульмане заимствовали позиционную десятичную систему обозначения чисел, у другой бумагу, что оказало большое влияние на точные и гуманитарные науки, а также на систему управления и деловую жизнь. К услугам исламского мира была разносторонняя богатая культура, обширные пространства, людские и материальные ресурсы, сложная и процветающая экономика. В нем существовала к тому же разветвленная и законопослушная городская культура, настолько не похожая на европейскую, что еще во времена Османской империи европейские путешественники восхищались Стамбулом, по которому не только знать, но и простые воины ходили без оружия.

Из соседних с исламом цивилизаций только христианская была в принципе — по убеждению, по самосознанию, по замыслу — всеобщей. Христианство не замыкалось в определенных границах, подобно религиям Индии и Китая, но стремилось обратить в свою веру все человечество. На деле, однако, христианский мир до начала Великих географических открытий ограничивался пределами Европы. Исключения, конечно, были, но большого значения они не имели. Христиане, которые находились под рукой мусульманских владык, не имели собственной государственности и в любом случае принадлежали к иным церквям и культурам.

Сегодня христианство — самая многочисленная религия в мире. Более 1,5 млрд. жителей планеты исповедуют своим Спасителем Христа, Сына Божия — Вторую ипостась Божественной Троицы. Важным источником распространения Истины в наше время стали массовые средства коммуникации — интернет, спутниковое телевидение, радио. Немало способствует обращению ко Христу охвативший ряд мусульманских стран процесс экономической, культурной и политической глобализации. Наконец, в процесс взаимопроникновения культур на рубеже тысячелетий мощно вмешалась трудовая миграция больших масс населения.

В поисках лучшей доли сотни тысяч мусульман из «третьего мира» устремились в экономически более развитые страны Евросоюза, Америку, Россию. Здесь, вместе с такими плодами христианской цивилизации, как образование, высокие технологии, права человека, некоторые из них принимают и христианскую веру. Однако на мусульманском

Востоке, где, кажется, время застопорило свой ход, христианство и ислам веками сосуществуют, практически не пересекаясь. Отношения между двумя религиями регулируются суровыми законами шариата, внешне лишь косметически заgrimированными под демократию. Ближневосточное христианство представлено в регионе четырьмя своими главными направлениями: православием, католицизмом, нехалкидонскими церквями и протестантизмом. Всего же 28 христианских конфессий представляют интересы около 15 млн. христиан на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Арабов-мусульман при этом насчитывается более 150 млн. человек. При этом три четверти последователей Иисуса из арабских стран проживают в Ливане, Сирии, Ираке, Иордании. Больше всего христианского населения в Ливане — 34,2% от общего числа жителей и в Сирии — 16,7%, а также в Иордании — 8%, в Кувейте — 6%. В Египте и Судане христиане составляют соответственно 10% и 5% населения. В остальных странах христиане составляют менее 1% населения.

Украина по своему составу государство христианское. На ее территории проживают различные этнические группы. Отсюда культурные, исторические, нравственные и даже бытовые особенности проживания в христианском ареале, обусловленные влиянием этой веры.

К сожалению, за 70 лет господства атеизма была подорвана преемственность между поколениями, утрачено чувство того, что христианская вера — это «единое на потребу» и вне христианства морали не существует. Потому что абстрактный гуманизм не имеет подлинного содержания. Гуманистическая система, оторванная от христианской веры, закладывает основы неизбежной порочности человека и общества, поскольку критерий истины переносится из сакральной сферы в область человеческого своеволия. Наша культура понесла существенные потери — храмы разрушались, священников ссылали и объявляли идеологическими диверсантами, верующих считали людьми «второго сорта». Но, слава богу, мы освободились от ярма атеистической идеологии... Однако это безвременье не осталось без последствий для нашего народа.

В Социальной Концепции РПЦ указывается, что фактически наше общество нуждается в повторной христианизации. Приятно осознавать, что сегодня идет активное восстановление православных храмов, создаются Воскресные школы для детей и взрослых, люди активно принимают крещение, возрождается наша исконно славянская культура и нравственность. Повторимся, морали вне религии не суще-

ствует — общественная мораль обусловлена обязательным влиянием той или иной религии или ее отсутствием. На сегодняшний день большинство верующих нашей страны составляют славяне, и они приверженцы крупной христианской ветви — православия.

Веками мы соседствуем с исламом, с этой достаточно загадочной и малоизвестной пока у нас религией. Насколько легко будет встроить ее в современное общество — вот актуальный вопрос сегодня.

Безусловно, сторонники «умеренного ислама» не представляют опасности для нашего социума, но сегодня, как мы знаем, о себе достаточно жестко и последовательно заявляют сторонники т.н. радикального ислама, которые пытаются активно противостоять «либералам» от своей религии. Эта тенденция нынче представляет реальную опасность. И в том числе потенциальную и для России, и для Украины.

Как ни странно, но из одного и того же источника — Корана — черпаются прямо противоположные позиции и принципы по ряду ключевых подходов к верующим других религиозных традиций, причем нетерпимость по отношению к иноверцам пытаются сделать легитимной именно благодаря кораническим сурам и аятам.

Чтобы нам не быть голословными, перечислим те места Корана, которые берут исламские фундаменталисты в качестве оправдания своих экстремистских действий:

Сура 2, аят 189: «И сражайтесь с ними, пока не будет больше искушения, а вся религия будет принадлежать Аллаху»;

Сура 4, аят 76: «Пусть же сражаются на пути Аллаха те, которые покупают за ближайшую жизнь будущую! А если кто сражается на пути Аллаха и будет убит или победит, Мы дадим ему великую награду»;

Сура 4, аят 91: «Не берите из них друзей, пока они не высеются по пути Аллаха; если же они отвратятся, то схватывайте их и убивайте, где бы ни нашли их. И не берите из них ни друзей, ни помощников»;

Сура 3, аят 12: «Я брошу в сердца тех, которые не веровали, страх; бейте же их по шеем, бейте их по всем пальцам!»;

Сура 9, аят 5: «...избивайте многобожников, где их найдете, захватывайте их, осаждайте, устраивайте засаду против них во всяком скрытом месте!»;

Сура 9, аят 29: «Сражайтесь с теми, кто не верует в Аллаха и в последний день, не запрещает того, что запретил Аллах и Его посланник, и не подчиняется религии истины — из тех, которым ниспослано писание, пока они не дадут откупа rukой своей, будучи униженными»;

Сура 47, аят 4: «А когда вы встретите тех, которые не уверовали, то — удар мечем по шее; а когда произведете великое избиение их, то укрепляйте узы»;

Сура 48, аят 29: «Мухаммад — посланник Аллаха, и те, которые с ним — яростны против неверных, милостивы между собой...»;

Сура 66, аят 9: «О, пророк, борись с неверными и лицемерами и будь жесток к ним!»;

Сура 98, аят 5: «Поистине, те из обладателей писания и многобожников, которые уверовали — в огне геенны, вечно пребывая там. Они — худшие из твари».

Мы видим, что эти стихи противоречат христианской нравственности и общепринятому праву.

Например, в русский «культурный текст» не «вписаны» обычаи кровной мести, которые характерны, скажем, для чеченского «текста». Поэтому родственники погибших на Дубровке заложников не стали рубить головы соплеменникам чеченских террористов, а подали в суд на правительство Москвы. Точно так же не характерны для русского «культурного текста» захват рабов и так называемые акты отчаяния с взятием в заложники женщин и детей для принуждения к чему-либо противника. Словом, террористы действуют не просто как люди, избравшие лично для себя путь террора, но и как носители вполне определенных «культурных текстов». То, что мы считаем варварством и дикостью, в их понимании вполне допустимо и даже естественно.

«Чтобы сбить эмоции, нужно осознать: то, что произошло в Нью-Йорке и Москве в начале XXI века, вполне обыденно с точки зрения мировой истории, — утверждает известный церковный публицист о. Андрей Кураев. — Прорвался наружу один из ее главных конфликтов. Конфликт скотоводов и земледельцев. У них разные ценности. Земледелец привязан к своей земле и как ценность воспринимает стабильность. Для скотовода смена места и отвоевывание новых угодий для пастбищ — естественная составляющая образа жизни. Это конфликт, который проходит через всю историю человечества... По понятиям земледельцев для бесконфликтного соседства достаточно соседей оставить в покое. По понятиям скотоводов-кочевников успокоенные соседи есть беззащитная, законная и вкусная добыча».

Для понимания будущего мусульманского мира и его взаимоотношений с остальной частью человечества важно различать исламский фундаментализм и исламский экстремизм.

Традиция ислама делит весь мир на три группы народов и стран: принявших это вероучение, политически покорившихся исламским государствам (покоренные неверные) и зону религиозно-политической войны (собственно джихад).

Турецкий мусульманский ученый Мухаммад Фетхуллах Гюлен определяет джихад как «любой поступок, совершаемый во имя Аллаха, гнев во имя Его и любовь во имя Его». Джихад предполагает победу как на внутреннем, так и на внешнем фронте. Джихад состоит из трех направлений: великого, малого и военного. Духовная борьба, пишет этот ученый, является великим джихадом. Великий джихад — это сознательное выполнение своих обязанностей и состояние постоянной борьбы с самим собой, со злобой, завистью, самолюбием, гордостью, спесью, заносчивостью и др. губительными и разрушающими чувствами животной плоти. Малый джихад — физическое выполнение обязанностей, которые предписывает соблюдать человеку его вера.

Третий и последний вид джихада — джихад асчер, или самооборона от неприятеля. Именно на него чаще всего ссылаются террористы в обоснование своих злодеяний. Забывая при этом, что этот вид джихада оговорен в Коране рядом строгих правил, и нарушение их является тяжким преступлением.

Действительно, читаем в Коране следующее: «Позволение сражаться дано тем, которые подвергаются нападению, ибо они были обижены — и точно, Аллах имеет власть помочь им. Тем, которые были незаконно изгнаны из домов своих потому только, что сказали: «Владыка наш есть Аллах».

В то же время, читаем дальше, это не означает ведение религиозной войны с христианами и иудеями, что, как мы видели выше, происходит в целом ряде исламских стран. В суре 40, аяте 42 сказано: «И если бы Аллах не отражал одних людей посредством других, истинно были бы разрушены монастыри и церкви, синагоги и мечети, и в которых многократно поминается имя Аллаха. Истинно, Аллах силен и могуч. Истинно, Аллах поможет тому, кто помогает Ему. Тем, которые, когда утвердятся на земле, будут соблюдать Молитву, платить Закят, (2% в пользу бедных. — В.Ч.) и призывать к добру, возбранять зло. И конец всех дел пребывает в руке Аллаха».

Таким образом, агрессия против мирного населения или страны — это не джихад. Воины неприятеля могут быть пленены, но похищение мирного населения — не джихад. Преднамеренное разрушение собственности, включая святые ме-

ста любой религии — это не джихад. Противостояние в личной вражде — тоже не джихад. **Но каждое из этих правил ведения джихада попирается экстремистами.**

Мохаммад в разные периоды жизни во исполнение джихада рекомендовал не искать конфликта даже с язычниками (не говоря уже о христианах и иудеях), кто бы они ни были, а когда есть возможность, стараться склонить их к истинной вере «мудростью и хорошим увещанием», а также утверждал, что «нет принуждения в вере».

В рамках великого джихада (джихаде акбер), то есть основного, позже появились такие понятия, как «джихад сердца», подразумевающий борьбу прежде всего с собственными несовершенствами; «джихад языка» — когда верующий говорит одобрительно о богоугодном и порицает греховное. И «джихад меча», под которым понимается уже прямая вооруженная борьба с неверными, сулящая участникам райское блаженство, — то его также называют «газават» или «фатх» — завоевание, победа. В такой войне строго запрещается убивать женщин, детей, стариков и невооруженных священнослужителей любого вероисповедания. Это строго оговорено в Коране: «Кто убьет душу не за душу и не за преступление, тот подобен убийце всего человечества» (5:32).

Однако ваххабиты интерпретируют эти положения по-своему. Сегодня к потенциальной причине экстремизма необходимо отнести и **сильную политизацию ислама**, вытекающую из особенностей толкования Корана и законов шариата. Шариат считается прямым путем познания Аллаха, в отличие от суфизма — мистического пути Его познания. Поэтому исламское право часто имеет всеобъемлющий, регламентирующий и весьма экстремистский характер. Даже современные прогрессивные исламские правоведы **сталкиваются со значительными трудностями в попытках согласовать однозначные и категоричные требования шариата с общепринятыми нормами права, в первую очередь относящимися к правам человека.**

Чтобы не быть голословным, приведем некоторые тексты законов шариата, взятые из мусульманской книги «Изложение начал мусульманского законовещения, изданной в 1850 г. в Петербурге и основанной на достоверных, уважаемых и важных мусульманских источниках всех направлений и толкований, переизданной в 1991 г. издательством «Адир» в Москве по заказу Советского общества мусульман тиражом 250 000 экз.

Читаем стр.103—107. Джихад — религиозная война, обязательна для каждого мусульманина, совершеннолетнего,

здорового, в полном уме и свободного. Пророк Мухаммад говорил: «Один день войны более ценится Богом, чем целый месяц поста».

Религиозная война предпринимается в трех случаях (в некоторых экстремистских течениях **неверие в догматы ислама считается уже достаточной причиной для начала войны**):

1. Против неверных, не повинующихся власти мусульман;
2. Против тех, которые хотя и находятся под властью мусульман, но отказываются от повиновения и уклоняются от платежа податей;

3. Против тех, которые восстают против имамов, хотя бы они и были мусульмане, — и вообще против всех тех, которые сами начинают военные действия.

С неправовыми не заключается окончательного мира, **а только одно перемирие, которое может быть прервано в любое время, лишь только начало войны покажется для мусульман выгодным.**

Всякое движимое имущество, взятое у неприятеля, входит в военную добычу (фай) и поступает в общий раздел всему войску. Все мужчины, взятые в плен, если не примут ислам, должны быть убиты, а женщины и дети поступают в неволю. Земля в завоеванной стране поступает в пользование мусульман по разделу имамом, которому принадлежит вся власть над этими землями.

Неправовые, платящие подать (джазью), ограждаются мусульманами в своих правах, они должны оказывать особое уважение к правовым; они должны отличаться от мусульман особой одеждой; строения их домов не должны быть выше и красивее жилищ правовых и т.п.

Эти законы, естественно, противоречат христианской нравственности и общепринятому праву. По поводу экстремистского взгляда на джихад в некоторых современных течениях ислама можно узнать в книге Лотфуллина И.М., Ислаева Ф.Г. «Джихад татарского народа. Героическая борьба татар-мусульман с православной инквизицией на примере истории новокрещенской конторы» (Казань. 1998). В ней в качестве рекомендации к подражанию, в частности, рассказано об убийстве — закапывании живьем в землю большой группы мирных православных христиан, шедших крестным ходом в Татарию.

Приведем попутно несколько исторических примеров деятельности радикальных исламистов в прошедшем столетии: геноцид армян, осуществленный турками; геноцид, осуществленный радикальными мусульманами в Бангладеш — вырезано более 3 млн. «неверных»; в Восточном Тиморе убито

200 тысяч христиан; в Индонезии и на Филлипинах проходили кровавые массовые расправы с христианами; в Кашмире — убийство мусульманами сикхов и индусов; в суданском Дафуре вырезано 50 тыс. человек. Не так давно потрясла трагедия с убийством православного священника Даниила Сысоева прямо в московском храме во время богослужения. Убийство ректора исламского университета в Дагестане... Этот список можно продолжить.

Широко известны многочисленные непрекращающиеся зверские террористические акты радикальных исламистов, влекущие массовые жертвы неповинных людей.

Понятно, что это явление не местного происхождения, а экспортировано к нам. Ваххабизм — это особое религиозное течение внутри суннизма, не являющееся отдельной конфессией. Свое название ваххабиты взяли по имени духовного лидера XVIII века Ваххаба, который боролся с английским колониализмом под лозунгом джихада и «чистоты веры». То есть не только национального освобождения арабов, но очищения суннитского ислама от «наслоений». Таких, например, как восточный обычай оплакивать умерших, поскольку смерть — это праздник для отправившегося к Аллаху; как почитание святых ислама и святых мест, кроме Мекки и Медины и др.

В настоящее время ваххабистское учение является государственной идеологией Саудовской Аравии. Ваххабиты имеются также в арабских эмиратах Персидского залива и в ряде государств Азии и Африки. Это «государство» ИГИЛ, с которым сражается весь цивилизованный мир.

В заключение следует отметить, что в настоящее время определенные внешние и внутренние деструктивные силы, враждебные православному миру, стремятся нарушить ее традиционный конфессиональный баланс и религиозную идентичность. Это не только т.н. «цветные революции» в разных странах, основанные на спецтехнологиях и экспортируемые к нам из-за «бугра». Сегодня наблюдается активная поддержка радикальных направлений ислама. Искусственно создаются новые объединения мусульман, которые возглавляются экстремистами и финансируются различными организациями типа «Исламские банки развития» преимущественно за счет зарубежных валютных средств и иных структур. Проталкиваются проекты т.н. «Русского ислама». Общественная просветительская организация «Исламский конгресс» попускает издание провокационных книг вроде «Манифест Новой России: третий путь — прямой». Проектируются и строятся огромные мечети в традиционно православ-

ных населенных пунктах и территориях. Большое давление оказывается на православные объединения татар и кавказских народов.

Например, российских мусульман настраивают против сугубо светских учебных программ по преподаванию «Основ православной культуры» в школах, против института военных священников (капелланов) в армии. В эту разрушительную деятельность уже втянута и Украина.

Вместе с тем православные христиане по своей вере, традициям и обычаям всегда были в социальном, человеческом и бытовом отношении терпимы к иноверцам. Заповедь Господа нашего Иисуса Христа призывает любить ближнего. А ближний для православных — любой человек, независимо от веры, национальности, возраста, социального статуса и иных качеств. Поэтому в наше трудное время, связанное не только с экономическими проблемами, православие должно быть на благо Отечества, источником социального мира и гражданского единения представителей всех традиционных культурообразующих религий, охранителем духовной безопасности нашего общества.

ДВА РАССКАЗА

СЕРЫЙ

«Паш, слышь, что ли, Паш? Вроде ходит кто под окнами-то, а?»

«Да спи, ты. Нужна ты кому — ходить у тебя под окнами...»

«Нужна — не нужна, а вроде есть там кто-то. Выглянул бы — мало ли...»

«Отстанешь ты или нет?! Был бы кто — Серый давно бы залаял. Всё тебе чёрте что чудится. Спи давай».

«Не кричи. Серёжку разбудишь. А Серый твой — пень глухой. Крепче тебя ночами спит. Сторож называется...»

Если бы пёс по кличке Серый мог усмехаться — усмехнулся бы. Но усмехаться пёс не умел. Он просто вздохнул. Вот ведь вздорная баба: пень глухой. И ничего он не глухой. Даже наоборот — только слух у него и остался острым. Зрение подводить стало, да сила былая куда-то утекла. Всё больше лежать хочется и не шевелиться. С чего бы?

А под окнами нет никого. Так, капли с крыши после вечернего дождя по земле да листьям постукивают. Ну, не облаивать же их?

ПРОЗА

Пёс опять вздохнул. Свернувшись калачиком в тесноватой будке, положив голову на обрез входа в неё, он дремотно оглядывал ночное небо. Сколько лет зимы сменяются вёснами, вёсны — днямидушными летними, потом осень приходит — всё меняется, только ночное небо над головой остаётся неизменным. Днями-то Серому некогда в небо пялиться — забот по двору хватает, а вот ночью... Ночью можно и поднять взгляд от земли.

Интересно всё же, хозяин как-то сказал, что и на небе собаки есть. Далеко, правда, очень — в созвездии Гончих Псов. Сказал да и забыл. А Серому запомнилось. Вот и смотрит он ночами в небо, пытаясь тех псов углядеть. Да, видно, и впрямь они далеко — сколько лет Серый смотрит в звёздное небо, а так ни одного пса и не увидел. А как бы интересно было бы повстречаться! На этот случай у Серого и сахарная косточка в углу будки прикопана. Для гостей.

Неожиданно для себя, он поднял голову к небу и пару раз обиженно гавкнул.

Где вы, собратья небесные?

«Паш, Паша! Да проснись же ты! Серый лает. Говорю же тебе, кто-то бродит у дома. Выдь, поглянь...»

«Господи, что ж тебе, дуре старой, не спиться-то?!»

Заскрипели рассохшиеся половицы, на веранде вспыхнул свет. Над высоким крытым крыльцом отворилась входная дверь. В её проёме показалось грузное тело хозяина.

Позёвывая и почёсывая сквозь синюю просторную майку свой большой живот, он отыскал взглядом пса.

«Ну, чего ты, Серый, воздух сотрясаешь?»

Пёс вылез из будки. Виновато повиливая опущенным хвостом, таща за собою ржавую цепь, подошёл к крыльцу.

«Не спится? Вот и моей старухе тоже. Всё ей черте что чудится. Эх-хе-хе...»

Покряхывая, хозяин присел на верхнюю, не залитую вечерним дождём ступеньку крыльца.

«Ну, что, псина, покурим? Да вдвоём на луну и повоём. Вон её как распёрло-то. На полнеба вывесилась...»

Пёс прилёг у ног хозяина. Тот потрепал его за ушами и раскурил сигарету. По свежему прозрачному после дождя воздуху потянуло дымком.

Серый отвернул голову в сторону от хозяина. Что за глупая привычка у людей дым глотать да из себя его выпускать? Гадость же.

Небо крупными желтовато-белыми звёздами низко висело над селом. Далёко, за станцией, в разрывах лесопосадки мелькали огни проходящего поезда. В ночной тишине хорошо слышны были перестуки колёсных пар о стыки рельсов.

Прошедший вечером дождь сбил дневную липкую духоту, и так-то сейчас свежо и свободно дышалось.

«Хорошо-то как, а, Серый? Даже домой заходить не хочется. Так бы и сидел до утра. Собеседника вот только нет. Ты, псина, покивал бы мне, что ли, в ответ...»

Серый поднял голову и внимательно посмотрел хозяину в глаза. Странные всё же создания — люди, всё им словами нужно объяснять, головой кивать. О чём говорить-то? И так ясно — хорошая ночь, тихая. Думается, мечтается хорошо. Без спешки.

Пёс, звякнув цепью, снова улёгся у ног хозяина.

«Да-а-а, Серый, поговорили, называется. А ведь чую я — понимаешь ты меня. Точно, понимаешь. Ну, может, не дословно, но суть ухватываешь. Я ведь тебя, рожу хитрую, давно раскусил. Вишь, какой ты со мною обходительный, а вот бабку мою — не любишь. Терпишь — да, но не любишь. А ведь это она тебя кормит и поит. А ты её — не любишь...»

Ну, не люблю и что теперь? Хуже я от этого стал? Службу плохо несусь? Эх, хозяин... Это она с виду ласковая да обходительная, на глазах. Знал бы ты, какая она злющая за спиной твоей. Думаешь, почему у меня лапы задние плохо двигаются? Её заботами. Так черенком от лопаты недавно отходила — два дня пластом лежал. А тебе сказала — отравился я, когда чужие объедки съел. Да и чужие объедки я не от большой радости ел — она ведь до этого два дня меня голодом на цепи держала. Да приговаривала: «Чтоб ты сдох скорее, псина старая». А ты: любишь-не любишь... С чего б мне её любить-то?! Ты-то, хозяин, хороший. Добрый. Вот и думаешь, что все кругом добрыми должны быть. А так не бывает. Хотя это ты и сам, наверное, знаешь, да вдумываться не хочешь. Тебе так проще. Только такое добро и во зло бывает. Когда злу ответа нет, оно и творит дела свои чёрные. Да что уж теперь, жизнь прошла, какие уж тут счёты...

«А помнишь, Серый, как ты на охоте меня от кабана-секача спас? Тебе достался его удар клыками. До сих пор удивляюсь, как ты выжил тогда. Не ты бы — меня бы тогда и отпели...»

Помню. Как не помнить. Я ведь тоже думал — хана мне. Не оклемаюсь. Не успеешь ты меня к ветеринару привезти... Да много чего было, разве всё упомянешь. Ты ведь тоже меня не бросил, когда я ранней осенью под лёд провалился. Дурной я тогда был, молодой. Не знал, что вода может быть стеклянной. Вот и узнал. До сих пор вижу, как ты, словно большой ледокол своим телом лёд взламывал, ко мне пробивался. Я-то ничего, быстро отлежался, а тебя ведь еле откачали. Я, хозяин, всё помню. Потому и хорошо мне с тобой. А вот в тво-

их, хозяин, семейных делах — я не судья. Хорошо тебе с твоей старухой, значит, всё правильно. И жизни тебя учить — не моё собачье дело...

«Слышь, Серый, жизнь-то наша с тобой под уклон катится. А кажется, что и не жили ещё. Как думаешь, долго мы ещё красоту эту несказанную видеть будем?»

Не знаю. Ты, хозяин, может, и поживёшь ещё, а мои-то дни уж на излёте...

Какой-то лёгкий еле ощутимый шорох заставил пса поднять голову. По небу, в сторону земли, вдоль Млечного Пути, бежали три большие собаки. Мелкими переливчатыми звёздочками искрилась их шерсть, глаза горели жёлтым огнём.

Вот, значит, вы какие, собаки из созвездия Гончих Псов. В гости бы зашли, что ли...

Собаки словно слышали его мысли. Через мгновение они прыгнули во двор и остановились рядом с лежащим Серым.

«Здравствуйте, братья небесные. Я так долго вас ждал!»

«Здравствуй, брат. Мы всегда это знали. Мы за тобой. Пришёл твой срок уходить».

«Куда?»

«Туда, куда уходят все собаки, завершив свой земной путь — в созвездие Гончих Псов».

«У меня ещё есть немного времени?»

«Нет. Ты здесь, на земле, всё уже завершил. Ты достойно прошёл земное чистилище. Ты познал всё: и любовь, и ненависть, дружбу и злобу чужую, тепло и холод, боль и радость. У тебя были и друзья, и враги. О чём ещё может желать живущий?»

«Я хочу попрощаться с хозяином».

«Он не поймёт».

«Поймёт».

«У тебя есть одно мгновение».

Серый поднял глаза на сидящего на крыльце хозяина. Тот, притулившись головой к балясине крыльца, смотрел в небо. Ощувив взгляд пса, обернулся к нему.

«Что, Серый, плоховато? Станный ты какой-то сегодня...»

Пёс, дёрнул, словно поперхнулся, горлом и выдавил из себя: «Га-а-в...», потом откинул голову на землю и вытянувшись всем телом, затих...

«Серый? Ты что, Серый?! Ты чего это удумал, Серый?!»

Серый уходил со звёздными псами в небо. Бег его был лёгок и упруг. Ему было спокойно и светло. Он возвращался в свою стаю. Впереди его, показывая дорогу, бежали гончие псы.

Серый оглянулся. Посреди знакомого двора, перед телом собаки, на коленях стоял хозяин и тербил его, пытаясь вернуть к жизни.

Ничего, хозяин, — не переживай. Мне было хорошо с тобой. Если захочешь вспомнить меня, погляди в звёздное небо, найди созвездие Гончих Псов, и я отвечу тебе...

ТРИНАДЦАТОЕ ПОЛНОЛУНИЕ

Четыре неожиданно образовавшихся выходных Василий Егоров решил провести с пользой. Знакомые мужики на катере по реке забросили его на Глухое озеро порыбачить.

Обустроил он свою палатку на старом таборе, где останавливался в прошлом году. Место проверенное, добычливое. Днями рыбачил с надувной лодки, на ночь ставил сетушки. Пойманную рыбу тут же солил. Время для сна и витания в облаках практически не было. Всё в заботах. Заботы эти потом сторицей окупятся — в городе такой продукт, как вяленая рыбка, на ура уйдёт. Любителей пива нынче о-го-го сколько! Так что овчинка выделки стоила. Только к полночи управился с заботами и у костерка, под чаёк, дал душе и телу отдохнуть.

Сегодняшняя ночь необычная, интересная. Ночь тринадцатого полнолуния или, как её ещё называют, ночь «голубой луны». Хитрые люди англичане и тут смогли подменить своим кургузым: «Once in a Blue Moon» (Однажды при Голубой Луне) простое русское понятие «редко, почти никогда». Хотя ничего мистического и очень уж редкого в этом понятии нет — просто бывает в одном месяце два полнолуния, из-за того, что промежуток между полнолуниями меньше календарного месяца, вот раз в два с половиной года и «набегает» лишнее, тринадцатое полнолуние.

Луна огромным серебряным диском висит над тайгой. Кажется, протяни руку, и вот она — можно гладить, трогать, отламывать от неё кусочки, ощущать под кончиками пальцев её кратеры, лунные моря и горы. Под серебряной луной и тайга серебряного отлива. Дорожка лунного света, разрезая пополам чёрную гладь озера, упирается в берег перед палаткой.

Тишину ночной тайги да течение путаных мыслей нарушает только лёгкое постреливание догорающих в костре веток. Лёгкий, но уже тяжеловато-сырой ветерок пробивает свитер и холодит уставшее тело. Егоров просунулся в палатку, пошарил в её тёмном чреве рукой, нащупал ватник. Вынул его и накинул на плечи. Подсел ближе к костру. Где-то в глубине леса проскрипел коростель да неожиданно, пару раз, выдать, спросонья, откуковалась кукушка: «Гу-ку-у, гу-ку-у...»

Подперев спиной сосновый выворотень, Василий бездумно вглядывался в затухающий костёр. С детства приученный не заливать костёр водой (огонь это жизнь), дожидался, когда костёр догорит сам. А уж потом на боковую...

Краем глаза, да даже не краем, а каким-то боковым, периферийным зрением заметил движение у дальней кромки озера. Неясный расплывчатый силуэт двигался вдоль берега. Егоров, не вставая, подтянул за ремень к себе карабин. Не из боязни, так, для душевного спокойствия. Тайга...

Силуэт приближался. Очертания его становились чётче. Человек. Однозначно. Широкий островерхий капюшон и какая-то мохнатая накидка. Идёт спокойно, уверенно. Слово при свете дня. Не споткнётся, не хрустнет веткой. Местный, видать. Чужак бы давно ноги переломал. Василий уже с нескрываемым интересом поджидал гостя.

Но гостя не случилось.

Не доходя пару десятков метров до костра незнакомец, даже не взглянув в сторону Егорова, повернул в тайгу. И когда пересекал лунную дорожку, Василий с удивлением разглядел, что мохнатая накидка на плечах знакомого — медвежья шкура. И это очень Егорову не понравилось. Передёрнув затвор, загнал патрон в патронник.

Клацанье затвора инородно прозвенело в прозрачной тишине над озером.

Незнакомец остановился. А затем медленно повернул голову в сторону Егорова.

Лица у головы не было.

Только чёрная леденящая пустота в обрамлении капюшона. И эта чернота то ли втягивала Василия в себя, то ли сама на него наползала. Сердце Егорова опустилось куда-то в область желудка, душу захлестнуло арктическим холодом.

Выстрел! Искры взметнулись над разнесённым пулей костром. Это палец Василия, сведённый судорогой страха, произвольно нажал спусковой крючок...

Незнакомец медленно, будто нехотя отвернулся от оцепеневшего рыбака и продолжил свой путь. Дойдя до кромки леса, шагнул за неё — и словно его и не было...

«Вот тебе бабушка и Юрьев день...» Василий выдохнул шёпотом и опустился на землю. «Вот тебе и сказки! Вот и не верь старикам — без лица, в медвежьей шкуре, в полнолуние... Лунный Охотник! Вот это я врюхался...» Мысли путались, билась одна о другую, кидались то врозь, то навстречу друг другу.

«Где прошёл Лунный Охотник — не охотятся. Рискнувшие-му один приз — смерть. Оно мне надо?! Ну, а порыбачить? Тьфу! Что за глупости в башку лезут? — когти рвать нужно.

Всё одно дословно легенду-то не помню, может, там ещё чего было. А может, не дёргаться? До утра уж чуть осталось...»

Сонное распаренное солнце медленно выкатывалось из-за дальних сопок. Лёгкий туман курился над озером. На широком вымахе крыл, выглядывая добычу, кружился над сопками ястреб. День обещал быть жарким. Вместе с восходящим солнцем рассыпались в прах и пропадали ночные страхи.

Просидев не смыкая глаз всю ночь у костра, Василий на солнечном пригреве стал поклёвывать носом. Напряжение и усталость брали своё...

«Эй, у костра, слышь меня, что ли? Не пульни, чего доброго, с испугу — это я, дед Иван, Иван Михалыч, с Клычево. Слышь, что ли...?»

«Слышу, дядь Иван. Иди — не бойся. Это я, Василий».

«Который Василий-то? Василёв много...»

«Егоров».

«А-а, это ты, Василий... Чего зазря людей по ночам пальбой пугашь?» — Раздался хруст веток, шевельнулись кусты, и на поляну к палатке вышел старый Евсюков. Иван Михалыч. Трудно сказать, сколько ему лет — может, шестьдесят, может, восемьдесят, бабы на селе про него говорят: «Сносу старому нет». Есть ему выгода немощным притвориться — восемьдесят, а с молодухой позубоскалить — и шести десятков не наберётся. Охотник-промысловик. Всю жизнь в тайге. Да и дети его тоже где-то по тайге бродят. Вся его родова такая. Лешаки, одним словом.

«Здоров, Вася! Один кукуешь? А я тут недалече, за мыском обустроился. Рыбалу маненько. А ночью слышу — бабах! У меня в нутрях всё и опустилось. Ктой-то, думаю, палит?! — Рука Ивана Михалыча в пожатии крепка. Есть ещё порох в пороховницах. — Чайком старого побалуешь?»

«Можно и чайком, можно и чем покрепче...»

«Не надось покрепче, чайком-то оно пользительнее».

Пока Василий гоношился с чаем, Евсюков полянку всю как есть глазом обежал: «Так ты чего, Вась, пуляешь по ночам, не видно ж ни хрена? Спужал кто?»

«Лунный Охотник».

Иван Михалыч рассмеялся: «Энтот может! Время-то ныне его — полнолуние».

Но видя, что Василий на шутку не отзывается, построжел лицом и неуверенно спросил: «Взаправду или как?»

«Взаправду».

«Вона как... — Евсюков почесал затылок: - Слышать-то я много об ём слышал, но чтобы лично встречать эту тварь бо-

гомерзкую — нет, не доводилось. А ты, значит, сподобился. Ну и как?»

«Ты ж, дядь Вань, выстрел слышал — вот и как...»

«Что ж, так прям ты по нему и пульнул...?» Евсюков удивлённо выкатил глаза.

«Да ну тебя, старый! Скажешь — по нему! Да он как на меня глянул, я и про карабин-то забыл, да и про остальное тоже. Думал — всё! Аушки! Руки свело, вот палец на спуск и нажал, в костёр я и бахнул. А он и ноль внимания — отвернулся и дальше пошёл...»

«Как же он на тебя глядел-то, говорят, у него и лица нет?»

«Да лучше было б! Там, под капюшоном, — чернота одна. Бездна! И оттуда, из этой черноты холод. Ледяной! Будто на тебя вся преисподняя глядит. И тленом пахнет. И тянет туда, просто затягивает. Короче, ещё б секунда — либо крякнул бы я, либо штаны стирать пришлось...»

«Ну дак это понятно. Это ж чистое зло. Так сказать, в первоизданном виде. Жизнь-то всяку нашу, вселенскую-то, Вась, два брата сотворили. На пару, значит. Пока дело-то делали — миром жили, а как дело-то к концу — повздорили. Вот с тех пор одного Богом зовут, другого Чёртом. Отсюда и пошло: белое — чёрное, хорошее — плохое, день — ночь, добро — зло, так сказать — борьба противоположностей. Вот этот Лунный Охотник — зло в чистом виде и есть. Выкормыш чёртов...»

«Слышь, Иван Михалыч, вот только философий не нужно сегодня разводить. Меня и так до сих пор потряхивает».

«Да какая это философия, Василий? — это факт. Как есть — голый факт. Ну дак где чаёк-то?»

«А-а, извини, старый, заболтал ты меня. Секунду».

Чаёк у Егорова хорош, заборист и крепок. С листом брусничным. Но даже этот чай дремоту из Василия не выгнал.

«Иван Михалыч, ты чаёк-то погоняй, а я дреману часок, сил нет — глаза слипаются».

«Отдыхай, Василий. Не бойсь — тварь эта днями не бродит. Да и я покараулю...»

«Ох, и силён ты, Василий, ухо давить. Я уж и порыбалить успел, и ушицу заварганил. Иди, морду-то сполосни да подгребай к столу — свежачка похлеbam. Юшка-то ажно золотая получилась! Да куда ж ты, в воду-то обумши — ты хоть гачи в голяшки заправь — мокры ж будут! Тюха!» — Дед откровенно потешался над ещё не проснувшимся Егоровым.

Уха действительно получилась на славу. Под такую уху-то Василий уговорил Михалыча и на рюмочку. Дед было

отказался, но после первых выкушенных ложек ухи объявил: «Наливай!». Под рюмочку-другую уху быстро оприходовали.

Отодвинув пустую тарелку, дед уселся на любимого конька — за жизнь порассуждать.

«Вот, Вася, уговорил ты меня под ушицу выпить. Не хотел ведь я. А ты убедил. Без всякой аргументации уговорил. А ведь неправильно это. Людей, Василий, убеждать нужно аргументированно. Значит, чтобы до человека сразу доходило, что он неправ. Вот возьми батю моего покойного, как он словом владел! Как его люди понимали! Потому как с душой он к ним, и всё через неотразимые аргументы. Когда колхозы-то у нас организовывали, в других-то районах, сёлах — раздрай: кто в лес, кто по дрова, а тут у нас всё чин чином — собрание, на ём батя, значит, речь пламенную, а потом голосование: кто — за? Кто — против? И батя так, промежду делом, стволом пулемёта своего любимого «максимки» по рядам-то и водит. И ты понимаешь, Василий, вот что значит сила убеждения — ни одного против! Все за колхоз! Или там, когда батю-то леспромхозом командовать поставили, — опять же леспромхоз первым был. Гремел на всю область. И всё благодаря простому человеческому слову — вызовет, бывало, отец кого провинившегося к себе, маузером наградным своим ткнёт тому в нос и спрашивает: «Чуешь, контра, чем пахнет? Правильно — дымом. Значит, только что стреляли из него. А в кого? Да в такого же провокатора и бездельника, как ты». И человек сразу признаёт, что неправ. И работает потом с таким удовольствием, что любо-дорого! Вот что слово-то доброе, аргументированное, с людьми делает. Чё ты, всё ха-ха да ха-ха? Я тебе за жизнь, а тебе всё смешочки».

«Ну, с такими аргументами, как у бати твоего, и я бы любого убедил».

«Э-э, нет. В тридцать восьмом пришли за батей три контры ежовские, с бумагой при печати, со словами грозными, тоже аргументами трясли, наганами, значит, да только пустое это, против батиного аргумента — тьфу! — растереть и забыть! Не убедили. Так и легли у нашего крыльца каждый с дыркой во лбу. Конных прислали — так батя их с крыши, с «максимки», безотказно и положил. А потом с пятью мужиками, друзьями своими в тайгу ушёл. На дальние заимки. Перед уходом парторгу леспромхоза сказал, мол, ежели чего власти с бабами нашими и, не дай бог, детьми сотворят — аргументированно закопаю — каждого! И ведь не тронули! Во-о-от, а ты не веришь, что слово доброе души злые исцеляет. И глаза плохим людям на мир открывает. Да, конечно, подёргли

мамок наших, постращали, но ни одну из пятерых не тронули. Умел, умел батя людей в их неправоте убеждать...»

«Так слышал я — сидел он, батя твой?»

«Ну, а как не сидел. Как все в нашей стране, как положено, — сидел. Они ведь, все пятеро, в сорок-то первом, через другую область на фронт подались. Какая ни есть, а родина. Как же её в беде-то бросишь? Двое в сорок пятом с фронта всего и пришли. Батя и друг его, Ефрем Козырев. У Ефрема ажно орден Ленина, у бати две Славы да медалей целая горсть. Мы, пацанами, потом из их блёсны для рыбалки делали. Самые лучшие блёсны из «Отваги» и «Боевых заслуг» получались. Серебряные. Ну, это я так, к слову. Вот, отгуляли победу, и подались они с Ефремом в органы сдаваться. Сами. Вину отмыwać, хоть и не виноваты. Повезло мужикам, после войны-то на некоторое время смертну казнь-то отменили, вот их и не постреляли. Да и дали орденосцам, как батя говорил, по справедливости. По году за каждого пешего ежовского контрика, и по году за каждого конного. Итого по восемь лет на брата и набралось. Мужики и рады были.

В пятьдесят третьем осенью и вышли. Радостные — Берию прижучили! Ох, погуляли. Последний раз. Потом уж не до гуляний было. Работа, заботы. Вот так, радостные, вольные, с отмытыми грехами в пятьдесят седьмом один за другим и ушли. Лагеря — это не шутки. Кто честно сидел — те долго не жили... Аргументированно».

«Так зачем батя-то на родину вернулся — глядишь, и не посадили, да и пожил бы подольше. Или бы вас, ребятню всю с матерью к себе перевёз, ну, туда, где его не знали. На войне ж его органы не дёргали?»

«Как тебе, Василий, объяснить-то? Понимаешь, человек — не кукушка, ему без гнезда никак. В смысле без родины. Чужой край он и есть чужой, а с родным-то краем человек пуповиной повязан. Это сейчас люди без корней живут, как перекасти-поле. Оттого и нелады на земле. А тогда душу, особенно крестьянскую, от родной-то земли никакой силой не оторвать было. Да и от самого себя всю жизнь не набегаешься».

После перекуса да праздных разговоров накачал Егоров лодку и сходил на ней до выставленных сетей. Выбрал улов да переставил сети на новые места. Может, улов там покрепче будет. Последняя постановка. Завтра утром уж мужики должны за ним прийти на катере...

Евсюков едва дождался возвращения Василия с озера. Помогая вытащить лодку на берег и разгрузить улов, пере-скакивая с одного на другое, частил: «Ты, Вась, только поду-

май, тут, почти в упор, гон у коз диких. Козлы так лбами рогатыми и сходятся. Искры по лесу! Километра не прошёл, а у них там — игрища. Козлы вверх сигают метра на полтора! А козы-дуры стоят, рты раззявили, — женихов выбирают. Слышь, Вась, жизнь прожил, такого большого сборища не видывал. Дай карабин, одного рогатого завалю! Одного, нам же больше не надо. От их не убудет, там их — у-у-у! — прорва! А нам в радость — душу потешим да свеженинкой побалуемся. У козы-то печёнка до чего сахарна! Тёплу её ещё в солюшку-то помакашь — ой, и в рот — да никаких коврижек не нужно! Да, слышь ты меня, Василий?!»

«Ну».

«Чего — ну? Когда ещё такой талан в руки привалит, а? Вась, давай завалим рогатого? Чего они там попусту прыгают!»

«Нельзя».

«С какого перепугу нельзя?!»

«Сам говорил — где прошёл Лунный Охотник — охотиться нельзя».

«Ну дак это тебе нельзя — ты его видел. Это тебе он свои владенья обозначил. А я тут при чём?! Ничего и знать не знаю. Мало ли где он ходит. Мне-то он ничего не обозначал. А я вроде тебя и не видел. А, Василий?»

«Иван Михалыч, не дам. Чёрт его знает, как оно там, видел — не видел, знаю — не знаю. Не приведи бог, случится что с тобой — век себе не прощу. Ведь долго живёшь, а всё как малой»

«Долго живут только сказки да легенды, вот как эта — об Охотнике. А я человек. Мне всё одно уходить. Мне и покуролесить можно. А потом покаяться».

«Будет ли возможность покаяться-то?»

«Не сомневайся даже. Дай карабин».

Не соврал старый Евсюков — быстро управился. Не прошло и часа, а он уже свежевал добытого козла. Всё у него получалось ловко, споро да ладно. Что говорить — промысловик. Всю жизнь на охоте. И осуждать-то язык не поворачивается.

Егоров участия в этом действе не принимал. Не потому что осторожничал, просто Михалычу в данный момент помощники и без надобности. Он был в своей стихии. И просто млел от радости.

«Иманух бить нельзя — от них приплод. А иман сейчас в самом соку. Жиру по этому времени в нём больше, чем в тарбагане. Ох, не зря я к тебе с утра подгрёб! Вишь, к вечеру с какой добычей!»

Под разговоры, свеженинку да крепко заваренный чаёк не заметили, как и стемнело. Егоров прибрал в мешки всё, что нужно будет погрузить утром на катер. Чего мужиков зря задерживать? Оставил только палатку, спальный мешок да кусок мешковины — старому-то тоже на чём-то нужно ночь скоротать.

Присел к костру, по-вчерашнему, уютно откинувшись спиной на старый сосновый выворотень. Костёр постреливал в ночное небо синеватыми угольями. Над озером висела огромная в голубой дымке луна.

«Вот, Василий, легенды, оно, конечно, чтить надо, но без дрожи в ногах. Кого касаемо, тому — да, нарушать лесной закон не моги! Ни-ни! Ну, а кому...»

Дёрнулось пламя костра, словно ветром сорвали его с прогоревших поленьев, разом заглохло. Егоров зябко передёрнул плечами — даже сквозь телогрейку холод пробрал до костей. Что за чёрт? Рановато до заморозков. Только тут обратил внимание, что Иван Михайлович молчит и смотрит не на него, Василия, а куда-то ему за спину. Встал, обернулся...

Антрацитово-чёрная бездна, чуть прикрытая островерхим капюшоном, безмолвно смотрела (если применимо здесь это слово) на людей. Леденящий холод и сладковатый запах тлена тянулся из её глубин...

«Всё», — это единственное, что успел выдать мозг Егорова.

Старик Евсюков сделал шаг в сторону чёрного небытия и молча, столбиком, лицом вниз рухнул на землю. Ещё мгновение, показавшееся Василию бесконечным, фигура в медвежьей шкуре стояла неподвижно. Затем развернулась и ровным, размеренным шагом ушла в тайгу..

Егоров мешком осел на землю. Мозг был пуст. А потом вдруг ясно и чётко пришло понимание, что старого Евсюкова убил не Лунный Охотник, а он, он — Василий Егоров. Убил своим языком. Это он, Егоров обозначил старику границы охотничьих угодий Охотника. Он, Егоров, зарядил Михалыча знанием о предупреждении Лунного Охотника. Он, Егоров, дал старику карабин для охоты...

Промолчи Василий о своих видениях в полнолуние — и ничего бы старику не было за его стрельбу. А так — знал старик, всё знал и нарушил закон тайги.

А закон таёжный — не закон людской, от которого откупиться можно. Тайга сама судит. Сама выносит приговор. Сама его и исполняет..

КРОХОБОР

РАССКАЗ

Нелегко в настоящее время жить писателю, ох, нелегко. Сами посудите, книги не выпускают, а если и выпускают, то экземпляров пятьсот, а если и пятьсот, то гонорары не платят, мало того что не платят, так еще за свой счет приходится издавать. А какой у писателя счет, если его книжки не выпускают, а если и выпускают, то гонорары не платят, а если не платят, так где тогда денег взять? Говорят, вот у спонсоров или меценатов. А если писатель в деревне живет, то какие в деревне спонсоры и меценаты? Разве что Ашот Саркисович, который магазин открыл при дороге. Так ведь он книг не читает, а если и читает, то все больше по бухгалтерии или по законам, как от налогов увильнуть. Только писатель не бухгалтер и не юрист тем более. Нет в нем Ашоту Саркисовичу особой надобности, разве что только руку пожать для важности — все ж чудной человек писатель, где еще такого встретишь. Да и перед своими дружками всегда можно похвастать, мол, с писателем лично знаком, а вдруг даже и поэтом, почти Пушкиным. Черт его знает, что он там пишет. Так что по-

ПРОЗА

здороваться Ашот Саркисович поздоровается, а денег на книгу не даст, разве что только в долг рублей пятьсот на продукты из своего магазина.

Есть еще, правда, поселковый глава администрации, Дзатогов Иван Иванович, человек, по его собственному признанию, честный и уважаемый, к сельчанам всегда со всем почтением. Ну откуда, скажите, у честного человека могут быть деньги на всякие там книгоиздательства? Личных денег у Ивана Ивановича ни копейки, а государственные только на улучшение жизни. Сядет, бывало, с утра Иван Иванович в свой BMW X пятой модели и мотается где-то по делам до самой ночи, ему не до писателей.

Можно, конечно, и в райцентр съездить меценатов поискать. Живет там, говорят, один такой Самарин Николай Андреевич, в депутатах числится и как будто бы даже председатель местной партиячейки. Ходят слухи, что щедр и к культуре неравнодушен. Вот недавно школьникам полторы тысячи рублей в театр выделил. Может, его в меценаты?

На худой конец, можно по деревне сбор средств объявить на издательство книги. Но народ вряд ли поймет, не даст. Вот на похороны самого писателя даст, а на книгу — это уж дудки. Блажь какая-то, тут кому-то на портвейн не хватает, кому-то — на сапоги, а этому книгу подавай.

Виктор Семенович в Макеевке учителем работал, а заодно и рассказы пописывал — то ли от скуки, то ли от талантов каких, но что-то у него все же получалось и даже изредка печаталось. Писал же Виктор Семенович все больше о жизни, о деревне да о своих деревенских жителях. С юморком писал, но так, чтобы не очень обидно. Местные себя в рассказах узнавали и друг над другом подтрунивали, а Виктору Семеновичу руку тянули при встрече и о политике заговаривали.

Однажды Виктор Семенович все же умудрился найти спонсора и издал книгу деревенских рассказов. Ну, не книгу, а так, книжечку, в сотню экземпляров да на сотню страниц, но все-таки. С тех пор за Виктором Семеновичем прочно закрепилось прозвище «писатель».

— Глянь, писатель в магазин пошел, опять, видать, за тетрадками, — качали головами бабы, сидя на завалинке. — Это ж сколько денег на них тратит, сердечный! И как только Танюха, жена его, эти траты терпит.

— Вон, Достоевский из магазина возвращается, — хмыкнула как-то местная фельдшерица Клавка, обращаясь к своей подруге Верке. — Смотри, как важно ходит, будто «Войну и мир» написал, не меньше, а у самого-то книжонка еле-еле, никакой представительности, скукота одна. Лучше бы как

Донцова или про Марианну. Но не тянет он до них, ума, видать, не хватает. И как ему только Олег Евгенич денег-то на книгу дал, говорят, аж цельных десять тысяч отвалил, ужас какой.

— Ой, Клав, не скажи, — махнула рукой Верка, — может, Семеныч и не Достоевский, зато наш, макеевский, и один такой. Да и Таньке евоной лучше. По мне так пусть лучше книжки сочиняет, чем как мой Митяй с бутылкой обнимается.

— Чего ж ты, Серега, у писателя часть гонорара не востребовал? — посмеивались собутыльники над местным забулдыгой, особенно узнаваемым в рассказах Виктора Семеновича. — Счас бы жил припеваючи, нос в табаке.

— Спрашивал, — огрызнулся Серега.

— И?

— Говорит, книжка не продавалась, всего-то сто штук, все, мол, по знакомым роздал.

— А ты и поверил, лопух. Развёл тебя писатель, ему ж Олегу Евгеничу долг возвращать.

— Так он же спонсор!

— Ну так что ж, что спонсор, не бесплатный же.

— Бросай сигареты, Виктор Семенович идет, — шухерили школьники, завидев вдалеке сутулую фигуру учителя.

Так что получается, в деревне к Виктору Семеновичу было очень даже достойное и уважительное отношение, вот только до той поры, пока не случилось следующее.

Однажды Виктора Семеновича, следовавшего в магазин за очередной пачкой бумаги, окликнул Серега.

— Семеныч, постой, дело есть, — нетвердой походкой подошел к писателю герой его рассказов.

— Серега, денег нету, только на бумагу жена выдала, — решил упредить досужие просьбы Виктор Семенович.

— Да не, — отмахнулся Серега, — сегодня не требуется, мне уже Санек Ковалев подкинул на опохмел. У меня тут другое, важное...

— Ну чего? Говори, только не долго, а то я тороплюсь.

— Да вот, Ванюшкин жалуется, что не заходишь к нему совсем, забыл старика.

— А с чего бы заходить?

— Ну как с чего? Пили ж когда-то вместе, да и так, по соседски.

— Я ж бросил давно, а по соседству вроде как каждый раз здороваюсь.

— Ну, здороваться одно, а зайти да душевно посидеть — это совсем другое, — закатил глаза кверху Серега, многозначительно подняв указательный палец.

— Да ладно, Сергей, не тяни резину и говори по существу, чего надо? — развернулся в сторону магазина Виктор Семенович.

— А я и так по существу, — засеменил за ним Серега. — Мы вот тут с дядей Колей поговорили за портвешком и решили, что нужно тебе об его жисти написать.

— Чего написать?

— Ну, не знаю чего, роман какой или там воспоминания на худой край. Тебе виднее.

— Чего это мне виднее? — раздраженно остановился Виктор Семенович. — Какие воспоминания, какие романы, о чем вопрос?

— Ну, я ж тебе толкую об чем, — перешел на громкий голос и Серега. — Об дяде Коле Ванюшкине, об евоной жисти.

— А что такого в его жизни, чтоб я об этом писал?

— Ну как что? Да все! — аж задохнулся от возмущения Серега. — Дядя Коля, ведь это о-го-го, это у-у-у! Это такой человечисе, такая громадина! Это, это... Да чего тут! Ну, сам знаешь. Напишешь?

— Да отстань ты!

— Не напишешь? — с угрозой подступил к Виктору Семеновичу Серега.

— Да что я должен написать? Пусть расскажет сначала о себе что-нибудь, а там посмотрим, — с опаской отошел от Сереге писатель.

— Ну, давно бы так, — беззубо заулыбался Серега. — А то чего писать, чего писать! С этого и надо было подходить.

— К чему? — удивился Виктор Семенович.

— Как к чему? К существенности, глубине масштаба, — поднял палец вверх местный пьянчужка.

— Какой еще глубине масштаба?

— Слушай, Семеныч, ты вроде как умный мужик, учителем в школе числишься, а простых вещей не понимаешь. Стрелку тебе дядя Коля сегодня на двадцать ноль-ноль забил в евоной баньке, там все и перетрете. Так что приходи, не запаздывай, милости просим.

— А почему в баньке-то?

— А где ж еще? — удивился Серега. — Мы там завсегда собираемся, подальше от дяди-Колиной тетке Натахи, чтоб не орала на всю деревню.

Вечером Виктор Семенович накинул на себя плащ и с порога предупредил жену:

— Я к соседу на часок.

— Зачем?

— Не знаю, звал, что-то рассказать хочет.

— Ну, иди.

Виктор Семенович вышел за калитку и, пройдя два дома, свернул в покосившиеся ворота. Не заходя в скосбоченную избу, он за огородом прошел в сторону сада и уткнулся в старую, вросшую в землю баньку дяди Коли. Постучавшись три раза, отворил дверь и, нагнувшись, чтобы не удариться о притолоку, шагнул внутрь.

В предбаннике при свете закопченной сороковатки на лавках за старым, отслужившим свое кухонным столом сидели три мужика: дядя Коля Ванюшкин, Серега и Илюха Кирюхин — еще один сосед по улице, кочегар деревенского магазина.

— Ну, здрасьте всей честной кампании, — пожал руки мужикам Виктор Семенович и присел на лавку. — Тут вот меня Серега зазвал к тебе, Николай Фомич, будто бы рассказать чего-то хочешь.

— Хочу, Витя, хочу, давно хочу, — тяжело вздохнул дядя Коля. — И про жизнь свою хочу тебе поведать, и про другое всякое. А то как помру, кто ж тогда тебе все обскажет? И про колхоз нашенский, и про то, как жили, как строили все, и про надои, и про центнеры, про будни то ж, про праздники. Много чего. Тут не один роман напишешь, может, целый сериал, потом спасибо скажешь.

— Так уж и роман? — улыбнулся Виктор Семенович.

— А ты не скалься, не скалься, — перебил его Ванюшкин. — У меня историй не на одну книгу наберется. Такого повидал, чего Шолохову с тихим Доном и не снилось.

«Вот сам и писал бы, — подумал Виктор Семенович, пряча улыбку и собираясь выслушивать долгую историю. — Черт меня дернул прийти сюда».

Минуты две в помещении висела тишина, которую нарушил Ванюшкин.

— Вить, ну чего сидишь, доставай уже.

— Что доставать? — непонимающе обвел всех взглядом Виктор Семенович. — Ручку, что ли?

— Какую ручку? — аж подскочил Серега. — Проставу, конечно.

— Какую проставу?

— Как какую? — захлопал глазами Серега. — Обыкновенную, за истории.

— Не понял, — прислонился к стене предбанника Виктор Семенович.

— А что тут не понять? — встрял в перепалку дядя Коля. — Ты пришел сюда, чтоб слушать мои истории про жисть, так? Каждая история — бутылка. Я ж не лох какой, как Серега, чтоб за бесплатно рассказывать.

— Чего это я лох? — набычился Серега.

— А чего, нет, скажешь? — ударил кулаком по столу дядя Коля, да так, что один стакан, подпрыгнув, упал на пол. — Он про тебя написал в своей книжке? Написал. А гонорар тебе заплатил? Вот, то-то. Так что сиди и молчи лучше в тряпочку.

— Какой гонорар? — У Виктора Семеновича даже челюсть отвисла.

— Обыкновенно какой, — зло ответил дядя Коля. — Я так понимаю, ты без проставы сегодня. Значит, вечер впустую. Не уважаешь ты меня, старика, Витюша. Ну, вот что, милоч, завтра в это же время будем тебя ждать здесь же, так ты уж нас больше не подводи, а то по договору я с тебя неустойку востребую.

— Какую неустойку? — обалдело уставился на дядю Колю Виктор Семенович.

— По договору о гонораре.

— О каком гонораре и договоре?

— Ты что, Витюша, совсем тупой на голову или прикидываешься? А еще учителем называешься. Нехорошо, Витя, ой нехорошо. Не по-людски это, не по-соседски. Договор о моей доле подпишем при свидетелях, вот при них, — кивнул на Серегу с Илюхой дядя Коля.

— Да объясните мне, наконец, в чем дело.

— А что тут объяснять-то? Ты, Витя, по моим историям напишешь роман, и по договору, как полагается, я получу шестьдесят процентов гонорара, потому как я тебе все обскажу, а твое дело только записать. Справедливо, мужики?

— Точняк, дядя Коля, точнее некуда, — закивали Серега с Илюхой.

— Ну, вот и я говорю, — продолжил Ванюшкин, — часть денег отдашь завтра вместе с проставой, часть — в конце истории, ну и остаток, как книга выйдет.

— И сколько завтра? — усмехнулся Виктор Семенович.

— Я тут все подсчитал, — надел очки дядя Коля и положил на стол тетрадный листок, исписанный цифрами. — По мне так получается, что пять тысяч. И это, согласись, по-божески, мог бы и больше затребовать. Но мы ж как-никак соседи. Да и вот еще, Сереге неустойку заплатить надобно, рублей так семьсот.

— Вы это серьезно, мужики?

— Да какие тут шутки.

— А шли бы вы знаете куда? — поднялся из-за стола Виктор Семенович.

— Так ты что, отказываешься платить? — опешил дядя Коля.

— Отказываюсь, — открыл входные двери Виктор Семенович.

— Ну и крохобор ты, Витек, — обиженно закачал головой дядя Коля, — ну и крохобор! Не ожидал я от тебя, ох, не ожидал! С виду интеллигентом прикидывался, а внутрих-то мироед мироедом.

— Не, не крохобор он, — облокотился на стол Серега. — Скупердяй он, вот кто!

— Да-а, пожалуй, ты прав, — прикурил папироску дядя Коля. — Последний он скупердяй, каких свет не видывал.

Дальнейшего Виктор Семенович уже не слышал, выйдя за порог бани. А уже на следующий день бабы на завалинке провожали его осуждающими взглядами.

— Гля, гля, крохобор-то опять в магазин за бумагой пошел, небось, на дядю Колю доносы писать или судиться. Совести у человека совсем ни на грош, и гонорар не заплатил, и еще денег с дяди Коли содрать норовит. Как с таким крохобором токмо Танюха живет. Бьет он ее, небось, сердешную.

— А что я тебе, Верка, говорила, а? — брезгливо морщилась фельдшерница Клавка, обращаясь к подруге. — Не жди от этого писаки добра. Так-то оно и вышло. Все инстанции кляузами забросал, да и скупердяй такой, что свет не видывал. А ты его защищать. Деньги-то дяде Коле не выплатил, как по договору между ними прописано было. А истории дяди Колины за свои выдал и книгу выпустил. Мошенник он, навроде Мавроди, а не писатель.

— Ой, твоя правда, Клава, — виновато соглашалась Верка. — Дура я, дура, что в упор такого скупердяя не замечала. Век наука.

— Да-а, Серега, — сочувственно обнимали дружка собутельники. — Кто ж знал, что на такого крохобора нарвешься. Он, вон, дядю Колю не пожалел, совсем, совсем без средств оставил. А еще писателем называется.

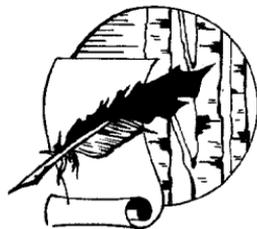
— Гад он и сволочь, — ненавидяще сжимал кулаки Серега. — Олигарх последний, морду ему набить мало.

— Ничего, Серега, жизнь его еще накажет.

И только ученики, завидев вдалеке Виктора Семеновича, как и раньше с опаской шухерили:

— Бросай сигареты, учитель идет.

п. Тишино Калининградской обл.

Владимир БАШУНОВ
(1946—2005)

Владимир Мефодьевич Башунов родился в 1946 г. в пос. Знаменка Турочакского района Горно-Алтайской автономной области. Писать начал рано. Первое стихотворение опубликовано в 1963 г. в областной газете «Звезда Алтая» (Горно-Алтайск). В 1970 г. окончил филологический факультет БГПИ, служил в Советской Армии, работал в ельцовской районной газете, Алтайском книжном издательстве, учился на Высших литературных курсах. В 1990—1994 гг. редактировал газету «Прямая речь», в 1994—1997 гг. возглавлял журнал «Алтай». Печатался в журналах и альманахах «Наш современник», «Молодая гвардия», «Москва», «Сибирские огни», «День поэзии» и др. Стихи публиковались в Венгрии, Болгарии, Чехословакии, переведены на украинский, алтайский, казахский языки. Автор 10 поэтических сборников и 3 книг для детей, вышедших в издательствах Барнаула и Москвы. Поэзия Башунова тяготеет к русской классической традиции; стихи лиричны, исповедальны, обращены к лучшему в душе человека. В 2006 году был посмертно награжден орденом Почета.

ВЗГЛЯД ИЗ ВЕЧНОСТИ

ПОПЫТКА ОПРАВДАНИЯ

По светлому полю пшеницы
скользит неуклюжая тень.
Крикливая хмурая птица
летает вблизи деревень.
За что эту птицу не любят?
И словно бы счёты сводя,
за что ее гонят и губят
без цели и чем попадая?
За то ль, что цыпленка утащит,
в саду облепиху склюет
и очи нахально таращит?..

И это злопомнит народ?
За то ли, что снова и снова,
смущая музейный покой,
с волшебных картин Васнецова
уколет внезапной тоской?
Кружа по-над битвой кровавой,
слетая до сирых дверей,
предсказывал поклик картавый
великую скорбь матерей.
Но птица ли в том виновата,
и крик ли ее виноват,
что в поле стоят угловато
истлевшие тени солдат?
С восхода пройди до заката —
шевелиятся в поле века.
Но птица ли в том виновата,
что скорбь на земле велика?
Убив, не залечите боли,
убив, зашвырнете в кусты,
а светлому русскому полю
не хватит былой красоты —
штриха, векового слиянья
тревоги и тишины,
печали-воспоминанья,
подспудного чувства вины.

* * *

Из ложбинок, ложков, мочажинок,
из-под корня, колоды, следа,
проникая песок и суглинок,
выбегает, струится вода.
Всё жива, до конца не разъята,
и на вкус, и на цвет — ничего:
всё вода, всё полна аромата.
Знать, силенок у нас маловато
превратить ее всю в «аш два о».
Не разъята еще, не убита.
На суглинке сыром наискось
отпечатались кругло копыта —
может, конь проходил, может, лось.
Над следами сморода кустится.
По смороде синица свистит.
Или грех наш великий простится?

Ты скажи мне, дружок синица,
уцелеет ли тот, кто простит?
Тянет свежестью, сказками, детством
из ложбинки, уремы, ложка —
материнским остатним наследством,
бойко пущенным с молотка.
И струится вода, выбегая,
и синица скликает гостей,
и на гостя глядит, не мигая,
в ожиданье хороших вестей.

* * *

На двенадцати подводах едет зимняя ночь,
едет, ленно понукает, не торопится.
Будет времечко подумать, кто задуматься не прочь,
пока небо за окошком поворотится .
Поворачиваясь, небо, не шатаясь, не скрипя,
поворачивает время задом наперед, —
точно жемчуг из пучины, ниткой памяти скрепя,
выбирает и выбрасывает на берег.
Любо-дорого забраться одному, без сторожей,
в закоулки прежней жизни, дальше отчества:
к Шевардинскому редуту от крестьянских мятежей
и в Михайловские пуши одиночества.
Ничего там не поправить, ничего не подсказать,
никого не остеречь там, но сторонкою
незамеченным протопать вслед за войском под Казань,
неуслышанным наведаться к Саровскому.
Слава Богу, все там живы, все при деле и уме,
есть на что полюбоваться, где постранствовать,
пока едет непоспешно ночь на горний свет — во тьме,
просиявший над российскими пространствами.

* * *

Два снега сошло — вот и третий,
а я всё попасть не могу
на родину, в гул междометий,
в объятья, в сугробы, в тайгу,
к могилам родным... Нету воли
моей — обобрали меня.
Как лодка на зимнем приколе,
как печь без живого огня,
так я. (А на родине снежно
и тихо, и печка гудит,
и мама печально и нежно
из вечности мимо глядит.)

КЛЕТЬ

Над пропастью во ржи.
Дж. Сэлинджер

А вьюга бешеная гикнет
и пролетит, и просвистит.
Кто искренней,
тот раньше гибнет.
Кто не погибнет. Бог простит.
Кто уцелеет без лукавства,
без ухищрений уцелеть,
тот будет посажен на царство,
то бишь на цепь, —
и пущен в клеть.
И в той клетке, ходя по кругу
неукоснительных забот,
не раз он бешеную вьюгу
обратно в гости позовет.
Но перекрестится с испугу,
всплакнет — и песню заведет.
Про ямщика ли, про отраду,
про васильки среди спелой ржи,
про подколодную отраву ...
Про клеть —
над пропастью во лжи.

МАЛЬВЫ И ЗОЛОТОЙ ШАР

Валентину Курбатову

Скромные мальвы да шар золотой
дремлют, склонившись к ограде,
мальвы да шар — золотой, не простой —
возле избы в палисаде.
Все, что любовью овеяло нас,
детские дни осветило,
не выставляла душа напоказ,
но суеверно хранила.
Мальвы да шар золотой под окном
в легкой полуденной сини.
Вот набреду я нечаянным днем,
вот повстречаюсь я с ними.
Столько железа грохочет вокруг,

древнюю пыль поднимая,
поле и рощу, и речку, и луг —
всё под себя подминая.
Столько железа! Его не унять.
Как несмышленные дети,
смотрят цветы — и не могут понять,
что происходит на свете.
Много печали я жду от судьбы,
но не поддамся испугу,
только б стояли они у избы,
тесно прижавшись друг к другу.
Только бы знать, обжигаясь огнем,
в громе железа и в дыме, —
вот набреду я нечаянным днем,
вот повстречаюсь я с ними!

ОСЕНИНЫ

Хорошо, когда убрано поле
в срок, в сухую погоду, сполна.
Прославляя уменье и волю,
хлебобобов отметит страна.
И они, поднимаясь на сцену
и смущаясь вниманьем таким,
может, внове почувствуют цену
и себе, и хлебам золотым.
Хорошо в это славное время,
в эти краткие дни осенин
ощущать себя вместе со всеми,
даже если ты бродишь один.
И комбайны стоят на приколе.
И на лицах особенный свет.
Хорошо, когда убрано поле, —
словно выполнен главный завет.

ПРОЩАНИЕ С ОЗЕРОМ

Евгению Гущину

Не видно Озера в тумане.
Шумит Кокши за валуном.
Мы чай заварим на бадане,
по кружкам жарко расплеснем.
До каждой жилки он достанет,
густой почти до черноты.

И снова сердцу больно станет
от обступившей красоты.
Забрать ее — не хватит взгляда.
Забить — что заживо зарыть.
Не знаю, Женя, может, надо
срубить избу в тайге — и жить?
Держать, как встарь, рыбачью лодку,
ружье да плотницкий топор,
а для друзей — табак и водку,
да задушевный разговор.
Не знаю, Женя. Сердцу смутно,
желанный чай не веселит.
Неужто все сиюминутно,
что в нас ликует и болит?
И за кормою теплохода
истает эта красота,
как наши мысли, наши годы,
как наши память и мечта?

* * *

Завидная доля черемух —
Завянуть и снова зацвести.
Во всем на земле очередность,
Всему повторение есть.
А мне повторенья не будет,
За краем ослепшего дня
И ливень меня не разбудит,
И лес позабудет меня.
Земля станет темной, оплывшей...
Но каждую клеткой своей
Не сдавшейся, не остывшей
Я всё буду помнить о ней.

ЛЕСНАЯ ДОРОГА

Ане

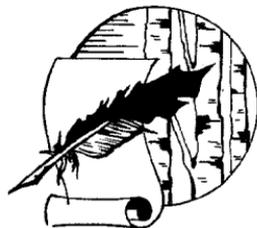
Когда они скажут: пропавший
не вспомнит юдоли земной —
туманом и дымом пропахший,
я выйду к дороге лесной.
Я сяду на пень придорожный.
Я брошу рюкзак возле пня.

Твой голос, сухой и тревожный,
ребенком уткнется в меня.
Пустые и глупые люди!
Легко расточая слова,
они позабыли о чуде
и силе земного родства.
Что там, где чернеет берлога,
где светят гнилые огни,
которых боятся они,
там есть и лесная дорога,
небесной дороге сродни.
Она-то меня повстречает.
Она не скривит, не солжет.
Да голос еще выручает.
Да память еще бережет.

ЗНАМЕНКА

Место рождения: пос. Знаменка...
Запись в паспорте

Окошко тесиной забито
и плесенью зацвело.
Но имя еще не забыто,
каким называлось село.
Еще и ручей напевает,
хоть сильно травую зарос.
Еще и народ здесь бывает
в горячую пору — в покос.
Еще вспоминают: когда-то
стояли (да, знать, не судьба)
вот здесь — Чепурнаева хата,
а там — Башунова изба.
Где нынче лютует крапива,
означа границы жилья,
виднеется сиротливо
тележная колея.
Да в росном белеющем дыме
к малиннику тянется след.
Да в паспорте значится имя
поселка, которого нет.

Борис БУРМИСТРОВ

НОВЫЙ ДЕНЬ ОЖИДАЯ

* * *

Что-то не то в этом мире творится,
Если печалью подсвечены лица,
Если на лицах тревога застыла,
Значит, душа о душе позабыла,
Значит, душе одиноко и сирю,
Значит, в миру нету Божьего мира,
Значит, Любовь в суете затерялась —
Мне не досталась, тебе не досталась...
Так и живем в этой жизни мы брэнной —
Плачет душа о душе сокровенной.

* * *

И холмы, и равнины,
И глухая тайга.
Скрип продрогшей осины,
И снега, и снега ...

Это всё мне с начала
И до смертного дня,
И кусты краснотала,
И речушка Иня.

Тихий шепот ковыльный,
Звон колосьев литых
И далекий былинный
Голос предков моих.

ЗАБРОШЕННЫЙ ДОМ

Заколочены крестом
Два окна в бараке том,
Два окна — и тьма, и свет —
Память там, а нас там нет.
Там гуляют сквозняки,
Задевая косяки,
Там давно уже в ночи
Холод веет от печи
И который год подряд
Молча стены голоса...

БАТАГАЙ

Отменены надолго все полеты,
Над лётным полем виснут облака,
И без работы грустные пилоты
Играют в подкидного дурака.

Не протолкнуться в «зале ожидания»,
Ни встать, ни сесть — на каменном полу
Мешки, узлы, как знаки запинанья,
Расставлены неправильно в углу.

Четвертый день — и не видать просвета,
Туман укрыл поселок Батагай.
Устал кассир, уходит от ответа,
Хоть телеграмму Господу давай!

Спешит народ: кто в Гагру, а кто в Сочи.
Висит плакат, гласит: «Аэрофлот —
Удобно, быстро, днем или среди ночи...»
А отпуск мой, наверно, здесь пройдет.

Хожу, брожу в измятой куртке финской,
Пишу стихи про этот чудный край,
Поет транзистор — голос Кристалинской:
Не улетай, родной, не улетай...»

* * *

Дороги, долгие дороги —
У каждого своя стезя,
Разлуки, горести, тревоги —
Как будто бы без них нельзя.

Две колеи по бездорожью,
Да эхо гулкое в ночи,
Меня пронизывает дрожью
Мерцанье гаснувшей свечи.

Скользит огонь неудержимо
И тает, тает вдалеке...
И Свет любви нерасторжимой
На этом тонком фитильке.

И след любви необъяснимой
Во тьме отыщется... И вновь
К душе измученной, ранимой,
Как божий дар, придет любовь.

* * *

Шампанское куплю и шоколад,
Возьму улыбку в цирке напрокат,
Приду к тебе, шампанское на стол —
Пора кончать бессмысленный раскол.

Раскол в стране и кавардак в дому,
Давай тебя я лучше обниму,
За камельком обнявшись посидим,
Любовь — огонь, все остальное — дым.

* * *

Сказала, что вышла на миг,
Сто лет с той поры пролетело...
Исчез под водой Материк
И память, как платье, истлела.

Сказала: вернусь, подожди,
Куплю только в булочной хлеба —
Давно испарились дожди,
От зноя потрескалось Небо.

Остался лишь в памяти лик,
Живу, новый день ожидая...
То солнце проглянет на миг,
То капля падет дождевая.

РОДОВА

Это дерево вечно растет.
Его корни в глубинах пространства,
В кроне, в листике каждом течет
Кровь язычества и христианства.

Перемешана, смешана кровь
И от буйства к спокойствию духа
Прорастала и крепла любовь,
И коснулась дыханием слуха.

О, далекие предки мои,
Россияне — сыны вольнодумства,
В моем сердце донныне горит
Ваш огонь доброты и безумства.

Я листочек на ветке любви,
Все мы в мире и вечны, и тленны.
Дай-то Бог, чтобы в нашей крови
Не пропали великие гены..

Горе сгинет и смута пройдет,
Даст нам Бог высоты и простора.
Покаянное время грядет,
Русь, Россия — судьба и опора.

* * *

Мне не нравится эта погода,
Мокрый снег обметаю с лица.
Непокорное слово «Свобода»
Отливают всегда из свинца.

На исходе холодного лета,
Вдруг закружит, завьюжит пурга...
Это горькое слово «Победа»,
Потому, что цена дорога.

Но всегда: и отныне, и присно
Нас зовет на святые дела —
Это светлое слово «Отчизна»,
Потому, что любовь к ней светла.

БОМЖ

Ни угла, ни калиточки нету
И в кармане давно ни гроша.
Одинокó гуляет по свету
Позабытая всеми душа.

Дождь со снегом да северный ветер
Продувает бродягу насквозь...
И живет он мечтою о лете,
И надеется он на авось...

Со своим одиночеством спорит
И с надеждой глядит в небеса,
И кому-то незримому вторит,
И слезятся по-детски глаза.

* * *

Вот и состарилась улочка тихая,
Где мое детство прошло.
Часики летние тикали, тикали —
Время травой поросло.

В сонном бурьяне чуть видима улочка —
Только репей да осот.
В доме напротив старушечка-дурочка
В детстве счастливом живет.

Там на краю, у крутого обрыва
Яблонька клонится вниз...
Яблочки бело-седого налива
Диким вином налились.

Что же, друзья, расплескаем по кружечкам
Памяти нашей вино...
Вот и состарилась тихая улочка —
Тихо в округе давно.

* * *

Проснусь внезапно среди ночи
И сон тревожный оборву,
И хорошо, а то пророчит
Он мне разлуку поутру.

Раскрою окна, свет хрустящий
Скользнет чуть слышно по стене,

И я пойму — я настоящий,
А ты — пришедшая во сне.

А ты, пришедшая Оттуда,
Обронишь тихо: «Мне пора»...
Я плед накину, сон забуду.
И сам забудусь до утра.

А утром что-то вспоминая,
Вдруг осенит меня вопрос —
Откуда брошка золотая
И золотая нить волос?

Ведь мне казалось — все бесследно
Исчезло, кануло в ночи...
Кричу, но эхо безответно,
Молчу, в ответ: «Молчи, молчи»

* * *

Я покидаю с горечью тебя —
Москва, Москва — нерусская столица.
Мне, русскому, хамят здесь и грубят,
Здесь негде от разбойников укрыться.

Россия, необъятная моя,
Гляжу с холма, и сердце замирает.
Я уезжаю в дальние края,
Где русский дух пока еще витает,

Где Русь моя, надеждами полна,
Что через годы возродится снова.
Москва, Москва, — есть в том моя вина,
Что не сказал в твою защиту слова,

Что промолчал, когда вели в полон
Твоих детей, оторванных от древа.
Ни Ангара, ни Енисей, ни Дон
Из берегов не выплеснули гнева.

Москва, Москва, прости мне этот стыд
За всех, за все и за мое молчанье,
Прости меня, и нас Господь простит.
И всех вернет к любви изначальной.

* * *

Голоса людей, как птицы
Разлетаются по свету.

Никакой такой границы
Между нами в мире нету.

Голоса людей в пространстве,
Словно отзвуки былого.
После долгих-долгих странствий
Я твой голос слышу снова.

Никакого здесь шаманства:
Голос твой все выше, выше...
Есть одно у нас пространство —
Где мы все друг друга слышим.

* * *

То посев, то снова жатва —
Пашем, сеем, жнем.
Выше правды та лишь правда,
Что в тебе самом.

Путь земной укажет компас,
Путь из дома в дом.
Больше космоса лишь космос,
Что в тебе самом.

Не убавить, не прибавить
Каждый день весом —
Больше жизни только память,
Что в тебе самом.

* * *

В этой жизни короткой и вечной
Каждый миг, как столетье, весом.
По дороге земной или Млечной
Светел путь, освященный Отцом.
Проходя этот путь неизвестный,
Окунаясь в мерцающий свет,
Как найти вечный город небесный,
У которого имени нет.
Как дойти до любви сокровенной,
Оставляя земное жилье —
Ощущать себя частью Вселенной
И при жизни, и после нее...

г. Кемерово

Алексей ФЕДОТОВ,
доктор исторических наук

АНГЛИЙСКИЕ ОСНОВАНИЯ ВОЗВЫШЕНИЯ ГИТЛЕРА

В своих мемуарах советский посол в Англии И.М. Майский писал: «На следующих страницах я расскажу подлинную правду о том, что действительно происходило в отношениях СССР с Англией, Францией и Германией весной и летом 1939 года. У меня есть особые преимущества для выполнения такой задачи. С одной стороны, как советский посол в Лондоне в те дни я был свидетелем и участником тройных переговоров 1939 года между СССР, Англией и Францией, с другой — как историк в послевоенный период я имел возможность изучить всю литературу (документы, мемуары, монографии и т.д.) о кануне Второй мировой войны, которая была опубликована после ее окончания. Однако для того, чтобы правда, которую я расскажу, была настоящей правдой, я должен начать свое изложение не с 1939 года, а со значительно более ранней даты. Эта дата, естественно, определяется той гранью, которая является водоразделом в эпохе между двумя войнами — приходом гитлеризма к власти в Германии».

И.М. Майский пересказывал, как перед его назначением послом в Англию в 1932 году нарком иностранных дел СССР М.М. Лит-

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

винов давал ему директивы, указывая на то, что в связи с явными перспективами прихода в Германии к власти Гитлера, геополитическая ситуация изменится, и Советскому Союзу «надо попробовать улучшить отношения с Англией и Францией, особенно с Англией, как ведущей державой капиталистической Европы».

Представляет интерес воспоминание И. М. Майского о том, какова была реакция высшего общества Англии на него как советского посла: «8 ноября 1932 г. я вручил свои верительные грамоты английскому королю и, стало быть, юридически оформил свое положение как посла СССР в Великобритании. На следующий день мне пришлось уже в качестве советского представителя присутствовать на ежегодном банкете лорд-мэра лондонского Сити, устраиваемом по случаю его вступления в исполнение своих обязанностей. Этот банкет является чрезвычайно красивой церемонией средневекового стиля, на которую собираются 500 — 600 человек, представляющих подлинные «сливки» капиталистической Англии. <...> Пока гость идет, гремят аплодисменты ранее пришедших гостей в его честь. Доза аплодисментов варьируется в зависимости от положения и популярности гостя. Получается своеобразный плебисцит, и по количеству выпавших на долю гостя аплодисментов можно безошибочно судить об отношении к нему со стороны правящей Англии». И далее И. М. Майский вспоминал как после бурных оваций японскому послу, когда «герольд возгласил: «Его превосходительство советский посол Иван Майский!» — точно порыв ледяного ветра пронесся по залу. Все смолкло. Я тронулся по красной дорожке. Ни звука! Ни одного хлопка!... <...> Да, демонстрация чувств правящей Англии к Советскому Союзу была яркая и законченная!..»

И. М. Майский отмечал, что «в период между двумя мировыми войнами британский господствующий класс распался по вопросу отношения к СССР на две главные группировки. В одной преобладал принцип государственного интереса — эта группировка видела, что Англия и СССР как державы не имеют никаких серьезных противоречий, а в области экономической даже очень могут быть полезны друг другу. Данная группировка отстаивала политику сближения с СССР. Среди ее видных представителей были такие люди, как Ллойд Джордж, Бивербрук, Иден, Вантисарт и др. После прихода Гитлера к власти к этой группировке присоединился и Черчилль. В другой группировке, напротив, преобладало слепое чувство классовой ненависти к СССР как стране социализма. Эта группировка считала необходимым при вся-

ких условиях атаковать Советский Союз, даже в ущерб национальным интересам Англии как государства. Ее наиболее видными представителями были Керзон, братья Чемберлен — Остин и Невиль, Биркехед, Джойнсон Хикс, Саймон, Галифакс и др. До 1934 г. с этой группировкой шел и Черчилль. Каково было соотношение сил между этими двумя группировками? <...> В середине и второй половине 30-х годов расстановка сил внутри господствующего класса Великобритании (беря за одну скобку консерваторов и либералов) была примерно следующая: в консервативной партии — три четверти шли за Чемберленом и лишь около одной четверти стояли на позиции Черчилля; либералы делились между двумя группировками приблизительно пополам, однако в эти годы они уже явно шли к упадку и потеряли большую часть своего прежнего политического влияния. Отсюда ясно, что в рассматриваемый период чемберленцы в рядах господствующего класса играли решающую роль, особенно с учетом того, что в эпоху между двумя мировыми войнами они слишком долго стояли у власти и сумели заполнить своими сторонниками большую часть государственного аппарата».

Позднее в своей знаменитой Фултонской речи сэр Уинстон Черчилль говорил о том, что Второй мировой войны могло не быть, если бы именно его сторонники оказывали решающее влияние на политические процессы: «Когда в свое время я увидел приближающуюся опасность и обратился к своим согражданам и ко всему миру с призывом остановить ее, никто не прислушался к моим словам. А между тем вплоть до 1933 или даже до 1935 года Германию еще можно было спасти от ожидавшей ее страшной участи, и человечество избежало бы тех неисчислимых бед, которые обрушил на нее Гитлер. Во всей мировой истории не найти другого примера войны, которой можно было бы так же легко избежать, как недавней кровавой бойни, прошедшей опустошительной поступью по всей земле. Нужно было лишь своевременно принять необходимые меры, и, я уверен, Вторая мировая война была бы предотвращена, причем без единого выстрела, а Германия смогла бы стать процветающей, могущественной и всеми уважаемой страной. Однако никто не верил в надвигающуюся опасность, и постепенно, одна за другой страны мира оказались втянутыми в чудовищный водоворот войны» (Черчилль У. Как я воевал с Россией. М., 2011).

И.М. Майский в своей книге косвенно подтверждает этот тезис лорда Черчилля, когда пишет, что «именно в этот период чемберленовцы выдвинули новый план для парирования германской угрозы, который в то время именовался «кон-

цепцией западной безопасности». Если в 1934 году правящие круги Англии всех толков и течений склонялись к возрождению Антанты эпохи Первой мировой войны и видели именно в ней гарантию сохранения Британской империи, то теперь, в 1935 году, среди правящих кругов Англии стало все явственнее обнаруживаться расхождение между сторонниками «государственного интереса» и сторонниками «классовой ненависти». Первые по-прежнему стремились к возрождению Англии и, стало быть, к сближению между Англией и СССР. Вторые все больше увлеклись игрой на другую лошадь. Они рассуждали примерно так: «Для Британской империи опасны и гитлеровская Германия и Советская Россия: надо столкнуть их между собой (тем более, что фашисты и коммунисты ненавидят друг друга), а самим остаться в стороне; когда Германия и СССР хорошенько пустят друг другу кровь и в результате войны сильно ослабеют, настанет момент для выступления на сцену «запада», прежде всего Англии, — тогда «запад» продиктует Германии и СССР такой мир, который на долгое время, если не навсегда, обеспечит безопасность Британской империи и, возможно, ее мировую гегемонию». Из этой концепции естественно вытекали борьба против сближения между Лондоном и Москвой, а также всяческое поощрение Гитлера к развязыванию войны на востоке».

И.М. Майский приводит слова Черчилля, который в частной беседе, критикуя данную позицию, указал на следующее: «Эти люди рассуждают так: все равно Германии где-то нужно драться, в какую-то сторону расширять свои владения, — так пусть она лучше выкроит себе империю за счет государств, расположенных на востоке и юго-востоке Европы! Пусть она тешится Балканами или Украиной, но оставит Англию и Францию в покое. Такие рассуждения, конечно, сплошной идиотизм, но, к сожалению, они еще пользуются значительной популярностью в известных кругах консервативной партии. Однако я твердо убежден, что победа в конечном итоге останется не за сторонниками «западной безопасности», а за теми людьми, которые подобно мне или Ванситарту, считают, что мир неделим и что Англия, Франция и СССР должны явиться костяком того оборонительного союза, который будет держать Германию в надлежащем страхе. Никаких уступок Гитлеру делать нельзя. Всякая уступка с нашей стороны будет истолкована как признак слабости и только окрылит Гитлера к повышению его требований».

И.М. Майский приводит конкретные примеры попустительства этих оппонентов Черчилля в правительстве Англии, приводившие к усилению Гитлера. Один из наиболее ярких —

«англо-германское морское соглашение, подписанное в июне 1935 года. Как известно, Версальский договор устанавливал очень жесткие ограничения для морских вооружений Германии. В феврале 1935 года Гитлер односторонним решением разорвал все военные статьи этого договора и приступил к гонке немецких вооружений на суше и на море. Конференция в Стресе осудила (хотя и в мягкой форме) названные действия «фюрера». И вот теперь, всего через два месяца после Стрезы, Англия официально признала право Германии на морские вооружения, далеко выходящее за версальские рамки! <...> Официозные комментарии не оставляли сомнений в том, что важнейшим мотивом для заключения такого соглашения было стремление Англии обеспечить Германии господство на Балтийском море против СССР. Дорога для гитлеровской гонки вооружений была не только открыта, но даже юридически узаконена».

«Когда 7 марта 1936 г. Гитлер объявил о разрыве Локарнского договора и реокупировал Рейнскую область и когда СССР предлагал принять решительные меры против этого нового акта агрессии, Англия и Франция при поддержке США ограничились лишь словесными протестами, которые оказывали на Гитлера такой же эффект, как слова крыловского повара на кота Ваську. А между тем, как позднее стало известно, гитлеровские генералы, вступая в Рейнскую область, имели в кармане предписание немедленно ретироваться, если французы окажут им какое-либо сопротивление».

Невиля Чемберлена, английского политика, оказавшего наибольшую поддержку развитию режима Гитлера как своими действиями, так и бездействием, Майский характеризовал, забывая о том, что как дипломат, он должен был бы более подбирать слова: «Невиль Чемберлен был, несомненно, самой зловещей фигурой на тогдашнем политическом горизонте Англии. Зловещей по глубоко органичной реакционности своих воззрений, зловещей по тому влиянию, которым он пользовался в консервативной партии. Тот факт, что Невиль Чемберлен был человеком ограниченных взглядов и малых способностей, что его политический кругозор, по выражению Ллойд Джорджа, не возвышался над кругозором «провинциального фабриканта железных кроватей», только усугублял опасность от его пребывания у власти. <...> В 1917 году, как консерватор знатного происхождения, Невиль Чемберлен получил пост министра рекрутирования армии в коалиционном кабинете Ллойд Джорджа, но позорно провалился и был изгнан премьером из правительства. И вот теперь этот самый Невиль Чемберлен стал главой британского кабинета, да еще в такой сложной и трудной мировой обстановке!»

Майский описал и свои впечатления от общения с Чемберленом по проблеме гитлеровского нацизма: «Если бы мы могли, — говорил он, — сесть с немцами за один стол и с карандашом в руках пройтись по всем их жалобам и претензиям, то это сильно прояснило бы отношения. Итак, все дело лишь в том, чтобы сесть за один стол с карандашом в руках! Как просто! Мне невольно вспомнились слова Ллойд Джорджа — «провинциальный фабрикант железных кроватей». Действительно, Гитлера и себя он, видимо, представлял как двух купцов, которые поспорят, пошумят, поторгуются и затем в конце концов ударят по рукам. Вот как примитивны были политические понятия премьера!»

В реальности именно политика Чемберлена и назначенного заместителем премьера, а затем министром иностранных дел лорда Галифакса во многом и спровоцировала гитлеровскую агрессию вне Германии. Как писал Майский, «из записи беседы Гитлера и Галифакса 17 ноября 1937 года, опубликованной МИД СССР в 1948 году, совершенно ясно, что Галифакс от имени британского правительства предлагал Гитлеру своего рода альянс на базе «пакта четырех» и предоставления ему «свободы рук» в Центральной и Восточной Европе. В частности, Галифакс заявил, что «не должна исключаться никакая возможность изменения существующего положения» в Европе, и далее уточнил, что «к этим вопросам относятся Дания, Австрия и Чехословакия». <...> Гитлер <...> мог рассматривать свою беседу с Галифаксом как благословение Лондона на насильственный захват «жизненного пространства» в указанных районах.<...> Он не стал терять времени, и 12 марта 1938 г., через 12 дней после назначения Галифакса министром иностранных дел, сделал первый крупный «прыжок» — молниеносным ударом захватил Австрию. Точно издаваясь над лондонскими «умиротворителями», «фюрер» приурочил свой захват как раз к тому дню, когда Чемберлен торжественно принимал у себя приехавшего в Англию германского министра иностранных дел Риббентропа. И что же? Англия и Франция реагировали на столь вопиющий акт агрессии лишь словесными протестами, которые ни они сами, ни тем более Гитлер не принимали всерьез».

После Австрии угроза нависла над Чехословакией. И опять Гитлер добился успеха именно благодаря попустительству определенных сил в Англии. Как писал Майский, «вместо того, чтобы заявить, что Англия вместе с Францией не даст Гитлеру проглотить Чехословакию (а такой шаг еще имел шансы остановить руку агрессора), правительство Чемберлена решило отпрать в Чехословакию миссию во главе с

лордом Ренсименом. Кто такой был лорд Ренсимен? Это был никогда не занимавшийся международными делами престарелый сановник, глухой, малоподвижный, и даже толком не знавший, где находится Чехословакия (я убедился в этом из одного разговора с ним, происходившего летом 1938 г.). Какая цель ставилась перед миссией Ренсимена? Официально миссия должна была «исследовать» на месте ситуацию и сделать посредническое предложение в целях урегулирования германо-чешского конфликта. Фактически, однако, как показали события, «работа» миссии свелась к прокладыванию пути для расчленения Чехословакии».

И это при том, что «Франция имела с Чехословакией пакт взаимопомощи и обязана была выступить на ее защиту. Англия такого формального пакта с Чехословакией не имела, но, как близкая союзница Франции, она тоже не могла бы остаться в стороне». Министр иностранных дел СССР М.М. Литвинов «2 сентября 1938 г. заявил французскому поверенному в делах в Москве Прайяру (посол Наджиар был в отсутствии) и просил его срочно передать французскому правительству, что правительство СССР в случае нападения Германии на Чехословакию исполнит свои обязательства по советско-чехословацкому пакту взаимопомощи 1935 года и окажет Чехословакии вооруженную помощь. <...> Примерно в то же время, как впоследствии заявил Готвальд (ставший после войны президентом Чехословакии), И.В. Сталин через него довел до сведения президента Чехословацкой республики Бенеша, что Советский Союз готов оказать Чехословакии вооруженную помощь, даже если Франция это не сделает».

Как писал И.М. Майский, «я не сомневался тогда, не сомневаюсь и сейчас, что если бы французское правительство подхватило протянуло ему советскую руку, если бы Англия и Франция хотя бы в этот поздний час искренне пошли на совместные действия с СССР, Чехословакия была бы спасена, а весь ход европейских и мировых событий принял бы иное направление. Однако поступить так — означало бы поссориться с Гитлером, поставить крест над планами «западной безопасности», отказаться от надежд столкнуть Германию с СССР.. Ни Чемберлен, ни Даладь на это не хотели пойти!».

«Как известно, первое паломничество Чемберлена к Гитлеру состоялось 15 сентября. Гитлер принял британского премьера в Берхтесгадене и выдвинул свои требования к Чехословакии, угрожая в случае отказа последней применить силу. Чемберлен вернулся в Лондон. Состоялось экстренное совещание англо-французских министров, которое приняло тре-

бования Гитлера. 19 сентября под нажимом из Лондона и Парижа чехословацкое правительство также приняло эти требования».

А дальше были новые уступки. «В итоге за спиной Чехословакии было подписано мюнхенское соглашение, суть которого сводилась к следующему. Судетская область передавалась Германии со всем находящимся там имуществом, а сверх того Чехословакия должна была удовлетворить территориальные требования к ней со стороны Польши и Венгрии. Остальная Чехословакия, беззащитная и униженная, должна была получить гарантию «большой четверки» (Англия, Германия, Франция и Италия), гарантию, ценность которой после всего случившегося была немногим выше нуля. Для того, чтобы хоть немного ослабить гнетущее впечатление, которое на широкую английскую общественность должно было произвести мюнхенское предательство, Чемберлен уговорил Гитлера подписать вместе с ним бумажку о том, что отныне не должно быть войн между Англией и Германией. Никчемную бумажку, годную, как показало дальнейшее, лишь для мусорной корзины!.. Этой бумажкой Чемберлен демонстративно размахивал по возвращении из Мюнхена на лондонском аэродроме, громко провозглашая, что теперь обеспечен «мир в наше время!..»

И.М. Майский делает вывод, что «если говорить о лицах, которые помогали Гитлеру, которые наиболее полно олицетворяли эти реакционные силы и проводили угодную им политику, то надо в первую очередь назвать Чемберлена и Даладье. Трудно переоценить всю глубину их исторической ответственности за развязывание Второй мировой войны и за бесчисленные жертвы, потери и страдания, которые она принесла с собой человечеству».

Воспоминания И.М. Майского при всей дипломатической сглаженности формулировок в основном все-таки присутствующей в его книге, указывают на то, что без поддержки определенных политических и финансовых кругов Англии Гитлер не смог бы прийти к власти в Германии, и его дальнейшее продвижение к развязыванию Второй мировой войны было связано именно с наличием поддержки и попустительства этих кругов Британской империи и отчасти Франции.

ВСЁ ЭТО РУССКИЕ ЛЮДИ...

Когда соприкасаешься с русской историей, невольно приходишь к мысли, что её просто невозможно рассматривать в отрыве от истории окружающих этносов, народов, племен. Осознаёшь, что именно тесное взаимодействие двух миров — Востока и Запада — в ходе тысячелетних реакций, породило на свет Божий то, что мы сегодня можем назвать Русским миром. А уж произнося заветное словосочетание «Русский мир», нам следует принимать как факт существование русского суперэтноса, принадлежность к которому определяется не только языком, культурой, генетикой или вероисповеданием, а его чувством справедливости. Мы не можем спать спокойно, если знаем что где-то безнаказанно вершится насилие и угнетение. А если сердце человека пылает пламенем праведных деяний, то он непременно русский. То тут, то там прорастаем мы по всему земному шару, освещая и оживляя пространство пробудившейся русской совестью.

Расея, она ведь не от Волги до Енисея — от Аляски до Лиссабона как минимум! Когда мы говорим о русской истории, мы вспоминаем киммерийские сумерки и тысячелетнее

РУССКИЙ МИР

кочевье скифов, Ойум Амалов и Хунналанд Аттилы, терпкие вина Константинополя и пенный кумыс Сарай-Бату. В нашей культурной «ДНК» крепко-накрепко спелись руны Калевалы и бейты Шахнаме, сказания о Нартах и Манас, песнь о Нибелунгах и Олонхо. Когда мы говорим о русской мысли, мы должны понимать, что она уникальна тем, что сумела объединить в одно целое все самые чистые и благородные устремления тех людей, кто относит себя к русскому народу, а это люди, в разной степени имеющие славянские, финно-угорские, балтские, тюркские, иранские, монгольские и многие другие живые и мощные корни.

Когда-то английский поэт и дипломат Джильс Флетчер в своем описании Русского царства XVI столетия зафиксировал: «Народ, называемый славянами, получил свое начало в Сарматии и, вследствие побед своих, присвоил себе имя славян, то есть народа славного или знаменитого — от слова «слава». Которое, на языках русском и славянском, означает то же, что и знаменитость или доблесть». В былые времена славяне владели землями от Балтики до Адриатики и от изумрудных Альпийских лугов до выжженных степей Подонья, вели полукочевой образ жизни и торговлю с соседями, занимались земледелием и скотоводством, отражали вражеские набеги и сами ходили в военные походы. Интересную легенду о происхождении славянского рода повествует «Великопольская хроника»: «В древних книгах пишут, что Паннония является матерью и прародительницей всех славянских народов... От этих паннонцев родились три брата, из которых первенец имел имя Чех, второй — Рус, третий — Лех. Эти трое, умножась в роде, владели тремя королевствами: лехитов, русских и чехов». Это хорошая легенда, но сегодня уже доподлинно известно, что славяне прибыли в западную Европу из северного Причерноморья, в составе полиэтничного конгломерата племен Аттилы. Но «Великопольская хроника» неспроста так симпатизирует легендарной Паннонии. Именно здесь, на её тучных пажитях, впервые прогремел взрыв русского сознания, вошедший в историю как «Государство Само».

Само-Само... Кем же был этот Само? История сохранила мало сведений о нем, но о том, что он был хорошим дипломатом и обладал должным авторитетом, мы можем не сомневаться — ибо славянские вожди покорились ему. «Первый вождь славян — современник Магомета и северный блеск одной и той же зарницы» — так говорил о нём Хлебников. Но слава постигнет Магомета позже, а пока на дворе 623 год, где-то на Ближнем Востоке 13 лет как существует Ислам, его

исповедует приблизительно 40 человек, а в восточной Европе многотысячные племенные союзы славян и венетов поднимают народно-освободительное восстание против франков и авар. За четыре года Само во главе своих ратей очистил от иноземных захватчиков земли от моря до моря — и создал первую славянскую конфедерацию. Он счастливо правил своим государством 35 лет и оставил после себя 12 славянских жен, 35 детей и могучую державу, которая хоть и пала после его смерти, но само возникновение её можно считать отправной точкой всего славянского мира. Безусловно, Само был русским, а его освободительная борьба — первым взрывом русского сознания в славянском мире. Именно на обломках его державы спустя два века возникнет могучее славянское государство — Великая Моравия. Уникальность Великой Моравии и значимость её для всего славянского мира заключается ещё и в том, что именно на её землях впервые столкнулись интересы Константинополя и Рима, а христианство уверенно шагнуло в земли восточных славян, положив начало формированию русского православия и русской государственности. В 862 году правитель Великой Моравии князь Ростислав отправил к императору Михаилу III, в Византию, послов, прося об учителях, священниках или епископе, которые бы заложили в его государстве основу собственного церковного управления. Михаил удовлетворил его просьбу и послал к морavam двух братьев из македонских славян — Кирилла и Мефодия. Именно в Великой Моравии, вошедшие в историю как «учители словенские», они создадут первые славянские азбуки — «глаголицу» и «кириллицу». Переведут церковные книги с греческого на славянский язык, обучат славян чтению, письму и ведению богослужения на славянском языке.

Но приняв эстафету Православия, окруженные со всех сторон вассалами Рима, предки нынешних чехов и словаков не выдержали напора и пали под ударами Священной Римской Империи. Но коль уж русское сознание начало просыпаться, то оно накроет всех и вся с головой на расстоянии и в тысячи верст.

Прошло пять с половиной столетий, прежде чем в славянских сердцах вновь запылало пламя народного самосознания и освободительной борьбы. Неизбежный Феникс Русского мира! Прошло пять долгих столетий, и Центральную Европу взорвали «гуситские войны» — явившиеся, по сути, православной революцией в католическом мире. Очагом этого пожара стала именно Чехия, его буревестником — Ян Гус. Великий мыслитель, талантливый лектор и проповедник,

магистр искусств Пражского университета, он своим православным вариантом Реформации заставил трепетать Священную Римскую Империю и католический Рим. Приняв священство и став деканом философского факультета, он начал вести активную проповедническую деятельность. В качестве настоятеля Вифлеемской часовни в старой части Праги, Гус читал проповеди, на которые собиралось до трёх тысяч человек. Он открыто критиковал клир, феодалов и бюргеров, во весь голос заявляя: «Нельзя взимать плату за церковные таинства и продавать должности. Священнику достаточно взимать плату с богачей, чтобы удовлетворить свои первейшие жизненные потребности. Власть, нарушающая заповеди Бога, не может быть Им признана. Собственность должна принадлежать справедливым. Несправедливый богач есть вор. Каждый христианин должен искать правду, даже жертвуя благополучием, спокойствием и жизнью».

Чтобы распространить свои учения, Гус не только проповедовал с кафедры, но также приказал расписать стены Вифлеемской часовни рисунками с назидательными сюжетами, сложил несколько песен, которые стали народными, и провёл реформу чешского правописания, сделавшую книги более понятными для простого народа. Он требовал отмены индульгенций, причастия «под двумя видами» и чтения литургий на родном для его народа языке — это и сблизало Гуса с восточным православием. Дело в том, что в Риме сложилась точка зрения, что хвала Богу может воздаваться только на трёх языках, на которых была сделана надпись на Кресте Господнем: еврейском, греческом и латинском, а богослужение на национальных языках «варварских» народов Европы, считалось святотатством.

Стоит отметить, что католическая Европа в то время напоминала балаган. Представьте себе — на протяжении 30 лет, церковь руководят 3 (!) папы, Европа поделена на три лагеря, и всё это на фоне кровопролитнейших войн и эпидемий. Плюс ко всему — ужасающее разложение самой церкви. Полуграмотные, опьяненные вином и властью похотливые священники, забывшие о своем назначении, служили обедни на память, а порой и вовсе подменяли их псевдолатинской тарабарщиной. Погрязшего в роскоши и блуде священнослужителя невозможно было привлечь к ответственности даже за убийство, ведь клир имел свои особые суды.

600 лет назад — в 1415 году Ян Гус был осужден как еретик и сожжен на костре. Ещё не успел остыть его пепел, как во всей Чехии запольхал пожар народно-освободительного движения. Вставшие под знамена свободы назвали себя детьми

Гуса — «гуситами». Их целью стали — независимость Чехии и торжество православия. Изначально гуситы выступали за возвращение в лоно Константинопольского патриархата, либо переход под покровительство Московского. Но как на беду, Византия в то время представляла собой уже агонизирующий организм, а Великое Княжество Московское ещё было слишком неокрепшим. Было принято решение вести борьбу самостоятельно... Её возглавил другой сын чешского народа — Ян Жижка. Ранее, в 1410 году, во главе отряда чешских добровольцев он принял участие в знаменитой Грюнвальдской битве, в которой объединенные войска славян, балтов и татар остановили продвижение могущественного Тевтонского ордена на восток. В Грюнвальдской битве Жижка потерял глаз, а Тевтонский орден — все бывшее могущество. «Страшный слепец» — так будут звать его в будущем враги.

Позже Жижка принимал участие в целой череде венгерских походов против турок, Столетней войне на стороне французов, где проявил себя талантливым полководцем и бесстрашным воином. С началом гуситского движения Жижка вновь оказался на острие копья, очень быстро снискал себе славу грозы для врагов и вскоре был избран гетманом. За год Жижка создал из разрозненных и необученных крестьянских ватаг настоящую армию, и уже в июле 1420-го, на горе Витков перед Прагой, его четырехтысячный отряд разбил 30-тысячное войско крестоносцев, отправленное императором Сигизмундом для захвата города. Это был страшный бой, воодушевление гуситов было настолько сильно, что численное превосходство не спасло «благородных рыцарей». Военный талант их предводителя проявился во всей своей силе. В следующем году войско императора Сигизмунда потерпело сокрушительное поражение под Вышеградом, и вся Чехия и Моравия оказалась в руках гуситов.

Жижка широко использовал тактику кочевых племен южнорусских степей — половцев, печенегов, болгар, хазар и гуннов — скрепленные цепями повозки использовались в качестве оборонительного укрепления и захвата плацдарма для последующих атак. Гуситская телега представляла собой прообраз более поздних боевых машин, казацких возов, тачанок времен Гражданской войны и современных танков. Экипаж состоял из 8 — 14 человек, среди которых были два арбалетчика, несколько копейщиков, два бойца, управлявшихся с лошадьми, несколько человек, поддерживавших щиты, и собственно десант. Чехи называли это «vozova hradba», что означает — «загон для скота». На Руси в то же

время подобные боевые сооружения были известны как «гуляй-город». На помощь гуситам прибывали отряды из числа православных подданных Великого Княжества Литовского, боровшихся против окатоличивания своей страны. Поляки, мадьяры, бодричи, сербы, валахи — все пришли, всё это были русские люди. Во время одного из боев Ян Жижка лишился последнего глаза, но это нисколько не мешало ему умело командовать и принимать участие в битвах — его возили на боевой телеге на виду у войска, а он воодушевлял бойцов перед боем пламенными речами. Во время битвы его повозка стояла на возвышенности, он сидел в ней неподвижно, лицом по направлению к бою, опустив руки на колени. Два мальчика-оруженосца стояли подле него по правую и левую руку и говорили обо всем, что происходило. Словно гениальный шахматист, Жижка оценивал ситуацию и делал молниеносный ход. Итог — ни одной проигранной битвы. Иногда там, где дело становилось туго, на поле боя из порохового тумана, словно челнок Харона, выплывала боевая телега, на которой, мерно покачиваясь, не таясь ни стрел, ни пуль, восседал сам паромщик — Жижка, закованный в броню страшный слепец, сохранявший каменное спокойствие. Тогда исход сражения был предreshен.

Два крестовых похода разбились о славянское единство, но само оно, так успешно боровшееся с врагом внешним, не выдержало удара изнутри. В рядах гуситов грянул раскол — движение распалось на умеренных и радикалов. Умеренные, «чашники», партия бюргеров и шляхты, купцов и дельцов, получили свое название потому, что вершиной их требований являлось причастие под «двумя видами», что требовало использования винной чаши. Они были согласны на эту пощадку от Ватикана, но ни о какой независимости не помышляли и выступали за сведение конфликта к миру. Радикалы же создали на горе Табор в Южной Чехии укрепленный лагерь и стали зваться «таборитами». Они трудились над созданием «общества равных», предсказывая скорое наступление «тысячелетнего царства Христова на земле» (хилиазм). Выгнав последних сторонников частной собственности, они провозгласили равенство и братство. Вокруг Табора образовался союз городов. Всё, что попадало в Табор, делилось поровну, всякий убогий и страждущий находил там свое прибежище. В обществе таборитов царили веротерпимость и братское отношение к представителю любого этноса, главное — чтоб он был русский. Священники проповедовали, пахарь — пахал, жены воспитывали детей, а воины булавой крошили черепа лживым папским порядкам. Русский Иван Жижка

воплотил в жизнь идею другого русского, Ивана Гуся. В это время в Праге умеренное крыло последователей, весьма обеспокоенное своеволием крестьян, покидающих своих господ и отправляющихся прямиком в ополчение, заключило соглашение с императором Сигизмундом. По сути — олигархи вновь развязали гражданскую войну. В 1424 году, шестидесятилетний, слепой на оба глаза Жижка нанес сокрушительное поражение объединенным силам католиков и чашников в побоище у Матешова. Он расположил свои рати на горе, в то время как чашники и крестоносцы расположились под горой. Решение Жижки оказалось невероятно простым — он приказал пустить возы и телеги со склона, и они передавили половину вражеского войска, после чего разгром закончила конница...

Священная Римская Империя считала Чехию потерянной навсегда, опасаясь, как бы «Страшный слепец» уже завтра не оказался под стенами Вены, Буды или Рима. Католическое духовенство боялось приближаться к границам Чехии и на километр. Жижка вскрыл гнойник каменным ножом и, не церемонясь, вычистил либеральную заразу. Да вот только каленым железом прижечь не успел. Внезапно он занемог и умер от постоянной спутницы средневековой Европы — чумы. Согласно его предсмертному завещанию, с тела его сняли кожу и натянули на военный барабан — он и после смерти хотел вдохновлять своих солдат и наводить ужас на врагов. Подобно тому, как орда Аттилы обезобразила свои лица — дабы вождь-отец был оплакан не женскими воплями и слезами, а мужской кровью, так табориты в знак скорби выкалывали себе один глаз, отказывались от имен и именовали себя «сиротками».

После смерти Яна Жижки военное руководство движением возглавил Прокопий Голый, бывший священник, опытный полководец, дипломат. Радикальные гуситы объявили православный «джихад» (возврат к мышлению членов первых христианских катакомбных общин, готовых умирать за свои идеалы). Крестный ход перерос в крестовый поход. Табориты совершили победоносные рейды в Силезию, Германию, Австрию, Венгрию. По всей Священной Римской Империи гремели их манифесты. Но то, что не доделал когда-то Жижка, сыграло свою роль в будущем — окрепшие к этому времени чашники вновь заключили предательское соглашение с католиками. 30 мая 1434 года — чёрный день нашей истории: в битве у Липан табориты потерпели сокрушительное поражение... Это был пятый по счету крестовый поход объединенной Европы против гуситов Чехии. После пятнадцат-

цати лет великой борьбы табориты больше уже не смогут оправиться. Чашники наконец-таки получают свою брошенную, словно кость, злосчастную чашу, которая заменит им крест. Вновь зазвонят в отошавших было мошнах такие воделенные гроши. С каким остервенением они будут уничтожать малейшие проблески русского сознания в чешском народе на протяжении следующих четырех веков!

И всё же, на долгое время оторванные друг от друга волею судеб, различные по вероисповеданию, антропологическому и генетическому типам, мы сумели сохранить и пронести через все невзгоды основу своей культуры — язык, везде разный, и всё равно понятный каждому русскому без исключения. Наполненный мантрическими формулами схожих в сути своей поговорок и пословиц, он по сей день скрепляет нас, не позволяя забыть, что мы являемся одним целым.

Лев ГОРЕЛИКОВ,
доктор философских наук

РУССКИЙ МИР И ГЛОБАЛЬНЫЙ СОЦИУМ

Современное мировое сообщество вновь застыло в противостоянии двух военно-политических блоков — Североатлантического, вобравшего глобальную мощь Северной Америки и Европы, с одной стороны, и главными силами Евразийского содружества, с другой, представленного на западных своих рубежах российским воинским контингентом, а на восточных — великой защитной стеной Китая. В этом новом расколе современного социума мы видим уже не вче-

рашнее противостояние двух противоположных производственно-экономических систем, а прежде всего «духовно-нравственную», религиозно-культурологическую поляризацию мировых сил, связанную с противостоянием ценностей гражданского индивидуализма «западной цивилизации», всецело устремленной вперед без какого-либо снисхождения к отстающим и малоимущим, и общественного традиционализма «восточной цивилизации», нацеленной на сохранение непрерывности исторического процесса и отвергающей радикальные обновления коллективной жизни людей, непонятные народным массам, не связанные с их практическим опытом, недоступные их разуму.

Логика действий России в сегодняшнем «идейном споре» с западными «партнерами» не обладает особой новизной, а реализует отработанную в веках доктрину «бинарности» российской социально-исторической практики — «евразийской» по своей геополитической природе, в рамках которой страна периодически меняет векторы культурного развития, следуя то за Западом, то за Востоком. В этой стратегии российское государство действует по законам русской сказки с ее волшебным заклинанием: «А повернись-ка, избушка, к лесу задом, а ко мне передом». Первоначальный этап такой «сказочной» логики исторической жизни России, обозначенный преданием о призвании на княжение в восточнославянские земли варяжских воителей Рюрика и его братьев, существенно сблизил быт возникшего государства Киевской Руси с западноевропейским социальным укладом, выявил ее «прозападные» наклонности, закрепленные в духовном плане принятием христианской религии. Но нашествие монголов отвергло западное направление развития русского мира и наметило его «восточные черты», которые получили национально-русское своеобразие с обретением Московским царством политической независимости и его претензией на всемирную значимость собственных действий в утверждении истины православной веры.

Однако социальная смута и церковный раскол XVII столетия подорвали духовное единство русского народа, государства и церкви, что позволило Петру Первому осуществить новый разворот российского сказочного царства-государства в сторону Запада и провозгласить создание Российской империи, спроектированной по образцам европейского абсолютизма. Интенсивный рост могущества Российской державы привел в середине XIX столетия к объединению сил ее главных геополитических соперников в лице Британии, Франции и Турции и поражению в Крымской войне. Первая

мировая война окончательно разрушила социальные скрепы Российской империи и вызвала в феврале 1917 года низвержение русского самодержавия при активном содействии его падению наших западных союзников. Однако плодами антимонархической революции воспользовались большевики, захватившие власть в российском обществе, отвергшие ценности западного индивидуализма и вновь положившие в основу социальной стратегии идею восточной цивилизации о духовно-нравственном единении верховного правителя и народа. Формальный отказ коммунистических творцов новой России от религиозных ценностей в санкционировании светской власти на практике оказался обожествлением земных вождей, их партийной свиты и практической воли. Таким образом, советско-коммунистическая идеология СССР возродила, по сути, «языческие» традиции религиозного освящения органов государственной власти как выразителей общей воли народных масс, отвергнув ведущую роль индивида в жизни общества.

Если Восток консолидирует массы, нивелируя потенциал личностей, то Запад интенсифицирует личностное начало, подрывая устойчивость социальной иерархии. Деструктивная мощь личностного начала и стала главной причиной разрушения в 1991 году СССР, всецело настроенного на борьбу с внешними угрозами и не сумевшего адекватно ответить на идеологические вызовы конца XX века, связанные с самоутверждением нравственной свободы в жизнедеятельности народных масс. Возникшие на территории распавшегося СССР суверенные национально-государственные сообщества разделились в своих социальных приоритетах: одни однозначно выбрали западный курс развития, а другие, опасаясь взрывов социального радикализма, стремились к более осторожному применению западного опыта, надеясь со временем перевоспитать социальные массы в добропорядочных представителей западной культуры. Значительные усилия в претворении прозападного курса социального развития прилагала постсоветская Россия, отказавшаяся от достижений советской системы социальной защиты населения, широкого научно-философского образования народных масс и даже от интеллектуальных достижений Академии наук как символа величия научной мысли страны, обеспечившей ее прорыв в космос и масштабное освоение ядерной энергии. Но сегодня сам Запад, спровоцировав украинский кризис, указал на пределы «прозападного курса» в развитии России, заставил ее вновь обратиться к Востоку как хранителю социокультурной традиции, как гаранту российской идентичности.

На сегодняшний день российский разворот на Восток не выглядит такой уж сложной проблемой. Ведь в рамках прозападного курса развития постсоветской России основные хозяйственные усилия ее политического руководства сводились к задачам нефтегазового обеспечения жизни западно-европейского социума с одновременным сломом собственной научно-образовательной системы как излишней в условиях сырьевой специализации экономики страны. Поэтому и сегодня Москва уделяет главное внимание в проектировании социального будущего российского общества задачам перенацеливания его нефтегазовых потоков в восточные пределы мировой цивилизации. Однако опыт «плодотворного сотрудничества» России с Западом должен уже научить Кремль, что нельзя ограничивать стратегию государственного строительства сугубо материальными проблемами без проработки идейно-нравственного содержания общественной жизни, без формулировки своей концептуальной версии перспектив развития мирового сообщества, способной оправдать вполне самостоятельный курс развития российского социума.

Особенно важной становится идеологическая проработка социально-исторического курса российской державы в контексте ее взаимодействия с обществами восточной культуры, традиционно придающей решающее значение нравственным основам коллективной жизни людей. Нельзя продуктивно строить совместное будущее больших социальных масс, не обладая общей концепцией их исторической деятельности, основанной на культивировании идейных ориентиров общественной жизни. Поэтому первым разумным шагом постлиберальной России в нравственном, идейно-правовом закреплении восточного выбора должна стать радикальная переработка статьи 13 Конституции Российской Федерации, ныне все еще отвергающей значимость для россиян общегражданской идеологии: следует признать и юридически закрепить в качестве главных идеологических ориентиров российского государства принципы «социально-исторического гуманизма» и «гражданского патриотизма». Религиозные фанатики ИГИЛ, отвергающие гуманистический смысл Божественного Слова, и антисоветские «либерал-предатели», отрицающие особую роль национальной культуры в формировании глобального социума, не должны диктовать свою волю российским гражданам. В контексте требований «гражданского патриотизма» следует радикально изменить текст статьи 15 Конституции Российской Федерации, в которой фактически утверждается сегодня верховен-

ство иноземного, абстрактно-международного права в отношении к российско-национальному (принцип «внешнего управления»). Идеологи Кремля должны, наконец, признать и закрепить в Конституции российского государства мысль о том, что звание «патриот» — это знак высшего социального достоинства российского гражданина.

Однако статьи Конституции страны лишь закрепляют существующее положение вещей в жизни общества, не претендуя на обозначение исторических перспектив ее дальнейшего развития. В перспективном измерении исторической практики России следует поставить перед общественным разумом ключевой вопрос: как долго российский социум может позволить себе болтаться между небом Восточного мира и землей обетованной Западной цивилизации? Полный успех евразийской стратегии «двоецентриа» в реализации русского исторического проекта возможен лишь при условии, что российский социум по своим способностям выражает некий «высший синтез» односторонних потенциалов Востока и Запада, выступая с претензией на объединение в собственном существе полноты всечеловеческих возможностей и приближаясь в своих задатках к состоянию совершенного массового воплощения «Воли Всевышнего». В соответствии с такой логикой мы были бы вправе надеяться на вполне заслуженное, рационально обоснованное утверждение своей власти над миром, отодвигая на второй план как китайцев, так и американцев.

Но всемирный потенциал созидательной энергии человечества как «истинная суть» разумной деятельности людских масс не является столь уж очевидным качеством российской исторической практики, не наблюдается в мыслях и делах русского народа, нисколько не претендующего на особую сверходаренность среди других этносов. Поэтому синтез Востока и Запада в русской версии носит локальный характер и выглядит в первом приближении лишь как «подражание» опыту восточных и западных народов. Таким образом, надо признать, что «евразийская» логика российской истории есть, по большому счету, некая «ущербная», сугубо «подручная» тактика исторической жизни русского народа за счет колебательного присвоения интеллектуальных достижений культур Востока и Запада.

Однако историческое иждивенчество может неожиданно и очень печально закончиться для нравственно слабого, безыдейного социального существа, когда прежние благодетели, видя беспомощность своего бывшего протеза, теряют к нему уважение и отбирают у него средства к существованию,

как это хочет сегодня сделать с Россией Западная цивилизация. Метания России между Западом и Востоком могут привести в итоге к объединению сил Китая и Америки для раздела российского исторического пространства. Насколько правомерны, оправданы эти опасения возможной смертельной угрозы российскому будущему? Для ответа на этот вопрос следует оценить общую динамику российской истории в цивилизационных поворотах ее геополитического курса.

Предпоследний такой разворот в сторону Западной цивилизации был связан с распадом в 1991 году Советского Союза и социально зафиксирован разгоном 4 октября 1993 года Съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации, а также принятием в декабре того же года новой Конституции страны. Ознаменованный данными событиями прозападный цикл продолжался до февральских событий в Киеве 2014 года, напугавших Кремль явлениями русофобии, национального экстремизма и, в итоге, заставивших его срочно искать союзников на Востоке. Таким образом, последний период «западной ориентации» продолжался в России примерно 21 год (1993—2014). Советская эпоха российской истории характеризуется в мировоззренческом плане «восточным выбором» социального партнерства и охватывает в своей максимальной длительности 74 года (1917—1991). Если исключить из этого отрезка советской истории годы гражданской войны и период НЭПа (1921—1928), то интервал сократится до 63 лет. Следовательно, мы сегодня наблюдаем в истории постсоветской России, примерно, трехкратное сокращение длительности прозападного геополитического цикла ее жизни по сравнению с советской эпохой.

Обратимся для уточнения нашего обобщения к истории императорской России, связанной в своих истоках с деяниями Петра Первого и его выбором европейского курса развития страны. Царь Петр по результатам победы над шведами в Северной войне провозгласил в 1721 году Россию империей. Следовательно, имперский период охватывает около 200 лет российской истории (1721—1917). Как видим, общая динамика российской исторической практики в ее геополитических разворотах сохраняет тенденцию к трехкратному сжатию своей длительности. Проверим еще раз данную тенденцию на основе сравнения имперского интервала российской истории с длительностью «восточной ориентации» древнерусского общества, обозначенной в своих началах монгольским разгромом русских княжеств в походах 1237—1238 и 1239—1240 годов (1238—1721). Общая тенденция к сокра-

шению в трехкратном размере длительности последующего цикла геополитического курса развития страны по сравнению с предшествующим этапом сохраняется и здесь. Исходя из этой закономерности, можно предполагать, что очередной кризис российской «восточной идентичности» может разразиться уже через 7—8 ближайших лет, т.е. в 2021—2022 годах. Очень опасаясь, что такая скорая развязка наших братских уз с Китаем может быть вызвана его сговором с США, не предвещающим для России ничего хорошего.

В условиях нарастания глобальных угроз нашему будущему единственно приемлемым выходом для России будет укрепление ее нравственной и интеллектуальной готовности к худшему сценарию исторических событий, а значит, всемерное развитие духовно-нравственного потенциала российского социума, т.е. интеллектуальное углубление его собственной цивилизационной идентичности в мировом сообществе, несводимой к «евразийской» размерности исторического процесса. Вопрос о нравственной самоидентичности россиян был обозначен более двух лет назад президентом РФ В.В. Путиным как крайне актуальный для будущего страны: «Для россиян, для России вопросы «Кто мы?», «Кем мы хотим быть?» звучат в нашем обществе все громче и громче» (выступление В.Путина на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай». 19.09.2013). Вся сложность идентификации Русского мира в реалиях современной исторической практики связана с его мировоззренческими установками, выражающими не локальные ориентиры государственного организма, а идеальные приоритеты особой цивилизации, отличной как от Восточной, так и от Западной.

Если Восточный мир сложился как иерархический союз производственных классов, профессионально специализированных групп населения, социальных каст, связанных между собой идеей независимости их духовной основы от внешних факторов, приближающей их нравственное существо к вечному канону духовной иерархии, то мир Западной цивилизации сформировался как объединение атомарных индивидов, заключивших формальный договор о правилах совместной жизни на основе признания равенства своих прав в соответствии с установленным общим решением законом. В Новое время идейный потенциал индивидуально-личностного самосознания западного общества выразил категорический императив И.Канта: «Поступай так, чтобы максима твоей воли могла в то же время иметь силу принципа всеобщего законодательства».

В отличие от ценностных приоритетов Западной и Восточной цивилизаций жизненно-практической основой духовной идентичности российского социума являются особенности Арктической цивилизации. Именно они дают России возможность лавировать в историческом пространстве между ценностными установками цивилизаций Запада и Востока. Сохраняя свое идейно-нравственное лицо, арктическое самосознание способно к постижению человеческих способностей на фоне безбрежных просторов мироздания. Следовательно, это самосознание есть исходная форма вселенского мировосприятия человечества, завершившего начальное воспитание в локальных пределах земной природной среды и вступившего на путь освоения иных планетных миров. В пространстве «вечной мерзлоты» Вселенной главной движущей силой космической истории человечества становится творческое осмысление действительности, основанное на личностном самопознании человека, на идеальных смыслах слов, направленных на совершенствование нашего духовного существа. На фоне таких глобальных задач Арктического проекта в развитии мирового сообщества со всей остротой встает вопрос о степени нравственной готовности россиян к творческому переформатированию своих интеллектуальных ресурсов.

Главной чертой Арктической цивилизации как наиболее заинтересованной в развертывании творческой энергии людей, позволяющей им существовать в жестких условиях вечного холода и выражающей их способность к сопротивлению вызовам природы, является этноцентризм в организации человеческих сообществ, когда семейная солидарность, взаимопомощь родственных душ определяет логику коллективных действий, формируя социум как союз родовых общин, как содружество этносов в достижении общего блага. Социально-нравственным средоточием этно-национальной идентичности Российской северной цивилизации выступает *русская интеллигенция*, призванная культивировать духовные силы народных масс, направляя их деятельность на претворение национальной идеи, национального идеала своей практической жизни. *Русская интеллигенция* — это коллективный разум этнического сообщества, его интеллектуальная социальная суть. По убеждению Ивана Ильина, «задача интеллигенции состоит именно в том, чтобы вести свой народ за национальной идеей и к государственной цели». Недостаток «национального духа», отсутствие в *русской интеллигенции* должного потенциала «национального самосознания» и стало главной причиной «русской революции» начала XX века.

«Русская интеллигенция в своей основной массе, — по оценке Ивана Ильина, — была религиозно мертва, национально-патриотически холодна и государственно безыдейна». Та же идейная слабость стала фатальной причиной революционных потрясений современной эпохи — в Москве 1991—1993 годов и в Киеве 2014 года. *Русская интеллигенция* оказалась идейно не готовой к реализации своей консолидирующей, направляющей роли в разумной организации общественных сил.

Если южные народы, проживая в регионах относительно мягкого климата и природного изобилия, сохранили в своей культуре максимум почтения к природе, требуя от людей прежде всего неукоснительного соблюдения ее «высшей воли», то народы северной культуры, ограниченные в своих возможностях суровыми природными условиями, сделали ставку на нравственное единство «семейно-родовой общины», основанной на духе любви и братской взаимопомощи. Поэтому Северная цивилизация признала основным законом совместной жизни людей идею взаимной любви, братской солидарности в достижении общего блага, определяющей созидательный дух этнических сообществ и нашедшей религиозное выражение в православном требовании самопожертвования во имя всякого человека как представителя человеческого рода. «Православие, — по оценке И. Ильина, — воспитывало в русском народе тот дух жертвенности, служения, терпения и верности, без которого Россия никогда не отстоялась бы от всех своих врагов и не построила бы своего земного жилища».

Предельно-ясным выражением православно-жертвенной природы русской души стало учение Льва Толстого о непротивлении злу насилем, о творческом духе «любви» как первооснове нравственной жизни. «Вот это-то признание закона любви, — констатирует писатель, — высшим законом жизни человеческой и ясно выраженное руководство поведения, вытекающее из христианского учения о любви, одинаковой к врагам, к людям ненавидящим, обижающим, проклинающим нас, и составляет ту особенность учения Христа, которая, давая учению о любви и вытекающему из него руководству точное, определенное значение, неизбежно влечет за собой полное изменение установившегося устройства жизни не только христианских, но и все других народов мира». Практическим воплощением в мировом сообществе этой нравственной максимы вселенской любви и стала жизнь русского народа, воспитанного историей для всемирного подвига на традициях христианского самопожертвования.

«Христианское учение во всем его истинном значении, — утверждает Лев Толстой, — как оно все более и более выясняется в наше время, состоит в том, что сущность жизни человеческой есть сознательное, все большее и большее проявление того начала всего, признак проявления которого в нас есть любовь, и что поэтому сущность жизни человеческой и высший закон, долженствующий руководить ею, есть любовь».

Однако XX век радикально трансформировал самосознание русского народа. Советская власть, стремясь подавить всякое сопротивление своим планам переустройства российского общества со стороны русского народа, направила все свои силы на разрушение религиозных оснований его мировоззрения, провозгласила воинствующий атеизм генеральным направлением своей «воспитательной работы» по формированию новых поколений строителей коммунизма, полностью зависимых от воли политического руководства страны. Крушение СССР не способствовало возрождению и распространению в жизни русских народных масс христианских идеалов любви и взаимопомощи людей, а наоборот, погрузило их в жестокую реальность непрерывной борьбы за существование, где главным законом стало насилие — административно-правовое, хозяйственно-экономическое, криминальное. Дальнейшее нарастание внутренних антагонизмов в жизни постсоветской России, дополненное подрывным влиянием ее геополитических недругов, привело в итоге к разрушению традиционных скреп русского национального самосознания, исторически возвращенного идеей Русского мира как братского объединения малороссов-украинцев, великороссов и белорусов в реализации общего исторического проекта построения общества социальной справедливости. Трагические события 2014—2015 годов на Украине со всей очевидностью показали нам новую стадию духовно-нравственного кризиса Русского мира, когда значительные массы украинского общества отвергают свою связь с русской культурой и берут курс на интеграцию в западный мир.

На этом фоне следует признать, что современный этап развития российского социума требует от его политического руководства нетривиальных решений в укреплении нравственных устоев Русского мира, в повышении роли русского этноса как наиболее массового субъекта российской исторической практики. Современный мир крайне нуждается в Русском Возрождении, способном, как показала история, преодолеть социальные и межнациональные антагонизмы. Пришло время глобального утверждения Русского Слова.

КАКОЙ ДОЛЖНА СТАТЬ БУДУЩАЯ РОССИЯ

Проблемы национального и государственного обустройства России до сих пор не решены. Сказанные в начале нынешнего года слова президента о том, что идеи Ленина разрушили Советский Союз, вызвали мощный шквал откликов. Привожу слова Владимира Путина: «Там много было мыслей таких: автономизация и так далее. Заложили атомную бомбу под здание, которое называется Россией, она и рванула потом». Известный еврейский публицист Израэль Шамир в статье «Путин о Ленине» так пояснил суть высказывания:

«Путин имел в виду спор Ленина и Сталина об автономизации. Это был исторически важный спор: строить ли унитарное или федеральное государство, предоставлять ли его частям-республикам право на выход из союза, сохранять ли национальные названия республик. Сталин предпочитал минимизировать права частей, Ленин — дать им столько суверенитета, сколько они потребуют.»

Сама Россия осталась федерацией и унаследовала от Советского Союза национально-территориальные образования, которых не было в Российской империи. Пока страной рулила КПСС, это было не важно. Но в современных условиях сами названия национальных республик раздражают — в первую очередь русских, самый большой народ страны. Ужителей этих республик есть свои огромные преимущества над русскими гражданами. Это не только несправедливо, но и не соответствует духу времени. Сколько там карел в Карельской республике? Меньше десяти процентов. Сколько башкир в Башкирии? Меньше тридцати процентов.

Если уж Путин осудил ленинскую идею федерализации, пусть покажет, как можно по-другому. Пусть упразднит все национальные территориальные объединения России. Вместо Та-

тарстана станет Казанская область, вместо Чечни, Ингушетии и Дагестана — Северо-кавказский край — может быть, с Кадыровым во главе. Будет единая Россия, а в ее составе — области и края. Никаких национальных округов и республик. И планы врагов расколоть Россию рухнут».

Во всё ли прав автор статьи? Попробуем разобраться.

Круг проблем, связанных с ростом русского национализма и национализма коренных народов России, необычайно сложен, взрывоопасен, трактуем с диаметрально противоположных позиций, но проблемы эти необходимо поднимать, обсуждать и безотлагательно решать. После трагических событий на Украине, после американо-бандеровского захвата в ней власти в феврале 2014 года сами понятия «национализм» и «националист» в официальных российских СМИ стали устрашающим пугалом для большинства населения нашей страны.

А между тем высокий смысл понятия «национализм» означает любовь к своей нации и стремление созидать во имя неё, с сохранением уважительного отношения ко всем другим народам и нациям.

Вызовы, брошенные нынешней России со стороны Америки и стран Запада, исламских и славянских экстремистов, собственной «пятой колонны», достаточно велики и опасны, чреватые полным уничтожением страны. Настало время коренным образом менять идеологию, политику, экономику, культуру и образование, разворачивая их в сторону роста русского национального самосознания в самых творческих и позитивных его проявлениях. Во всех периодических изданиях, на Интернет-сайтах и порталах не утихают споры о том, каким быть российскому государству: с этим связана одна из острейших проблем.

Национальные проблемы, конечно, существовали и в царской России, разве что они не выходили на первый план. Термин «советский народ» не выдержал проверки историей, как не выдержит его и нынешний термин «россияне». «Казанская область» и «Северо-Кавказский край» мгновенно заставят местных националистов разрушительной ориентации искать защиты у ИГИЛ и прочих головорезов. Где же выход?

На данном историческом этапе необходимо строительство национально-объединительной державы. Что послужит единственно верной основой для объединения? Государствообразующий русский народ с укреплением его православной веры. И это должно быть прописано в Конституции. Необходимо вернуть в паспорта графу национальность: каждый житель России вправе гордиться лучшими, вершинными достижениями своей нации.

Именно на фундаменте Православия возникла русская история, высокое зодчество, иконопись, культура, литература, музыка, живопись, возник наш великий русский язык — вся наша православная цивилизация. Русское христолобное воинство никогда не будет отрезать головы или уши у попавших к ним в плен противников, не уподобится преступлениям украинских фашистов.

Национальные республики и автономии должны быть сохранены на базе их традиционных религий, с расцветом всех их национальных культур. Но — с надлежащим представительством русских во всех властных структурах при равноправии всех наций по Конституции. Я категорически против «плавильного котла», слияния всех наций воедино и, разумеется, идеи национального превосходства любой из наций.

Что произойдёт в результате пренебрежения национальными ценностями русского народа? Прямая катастрофа русского языка, культуры, духовности, нравственности и народа в целом. В одной из бесед Станислава Говорухина с Владимиром Путиным известный кинорежиссёр сообщил президенту о реакции учащихся четвёртого класса на прочитанную им пушкинскую строфу:

*Бразды пушистые взрывая,
Летит кибитка удалая.
Ямщик сидит на облучке -
В тулупе, в красном кушаке...*

Дети смогли понять только три слова: летит, сидит, в красном. Комментарии, как говорится, излишни. В настоящее время американизация русского языка уже начала встречать сознательное сопротивление, но ещё далеко не преодолена. Русский писатель Владимир Крупин в одной из своих статей привел остроумный пример обратного перевода русской народной сказки «По щучьему веленью» с английского языка на русский. Сказка получила название «Приказ шуки», и в переводе ее содержание выглядело, приблизительно, так: «Жены братьев говорят Емеле: «Организуй доставку воды с реки, иначе наши мужья, твои братья, не зайдут в городе в супермаркет, не привезут тебе презента». «Ол райт», — сказал Емеля и пошел организовывать доставку воды». Недопустимо, чтобы русские дети говорили на подобном «языке».

Языковая и культурная катастрофа последних двадцати пяти лет подверглась целенаправленному анализу и жёсткой критике в книге Василия Ирзабекова «Русское солнце»: «Чего стоят многочисленные «литературные произведения»,

которыми уставлены сегодня полки книжных магазинов? Их страницы наводнены героями, которые, не замечая нас с вами, читателей, матерятся, грязно совокупаются, говорят пошлости, «ботают по фене»... Чего стоят названия некоторых книг: «Блуда и МУДО», «Роман с кокаином», «Черничная тошнеловка»? Автор замечательной книги сделал абсолютно правильный вывод, что «проблема чистоты русского языка, его сохранения и умножения есть ещё и наипервейший вопрос **национальной безопасности Государства Российского**».

В настоящее время от благополучия русского народа, от его количественного роста и качественного улучшения без преувеличения зависит будущее всех коренных народов России. И это необходимо понять каждому жителю нашей страны. Современные реалии и тенденции к мировой глобализации таковы, что ни одна из национальных республик в составе России: ни Татария, ни Башкирия, ни Тува, ни Чечня — не смогут, выйдя из неё, прожить самостоятельно. Они тут же окажутся в сфере влияния исламского или западного мира, станут их колонией и плацдармом для военных действий против Русского мира.

Русский национализм должен базироваться на прочном духовно-нравственном фундаменте подлинного Православия, иначе в стране будут править бал новоиспечённые бесы под лозунгом «Россия без русских!». Русская идея спасения легла в основу Русского мира: но это спасение себя, своих родных и близких, своей страны невозможно без Христа-Спасителя, о чём провиденциально предупреждал во всех своих произведениях Ф.М. Достоевский.

Особо хочется сказать о том, что сейчас всякие выпады против Бога, христианства, тем паче — Православия объективно вредны и разрушительны. На Прозе.Ру в одной из рецензий прочла я, что религия — это опиум для народа. Хочется спросить, а алкоголь, курение, наркотики — не опиум? А преступления против личности и общества? Мировая и отечественная практика давным-давно доказала, что люди, верящие в спасение души и в жизнь вечную, избегают всякого рода пороков и преступлений, ибо ответ за них придёт перед Богом. Вера в Бога — не только обретение жизни вечной, но и нравственные тормоза, необходимые каждому человеку.

Мы видим, что на наших глазах происходит с Западной Европой: она гибнет, утратив веру и волю к сопротивлению. В своё время я внимательно прочла книгу Освальда Шпенглера «Закат Европы»: он предвидел закат «фаустианской культуры духа», оторванной от веры в Бога.

В настоящее время многие публицисты выдвигают в Интернете проекты православного социализма. Хочется напомнить им верную мысль одного из авторов сборника «Вехи». Православный еврей Людвиг Франк в статье «Этика нигилизма» утверждал, что душа социализма — это распределение, а не производство. Полностью с ним согласна. Нам нужен не социализм в советском варианте, а духовно-нравственное и социально справедливое государство. Только такой должна быть наша идеология.

Хочется напомнить читателям, что мощнейшие государства современного мира — Америка и Китай — насквозь идеологизированы. «Правильность» своего пути прочно вбивают они в мозги детей, юношества, всего населения. Провозглашённый В. Путиным патриотизм — это лишь средство, а не цель, не идеология, не стратегия развития общества.

В социально справедливом государстве должен всячески поощряться любой честный производитель материальных и духовных благ. Чем больше людей будут заняты созидательным трудом, тем больше будет в стране рабочих мест, тем выше рождаемость, тем крепче государство.

Так будем же денно и ночью следовать своему высокому национальному предназначению, ибо сейчас от каждого из нас зависит будущее русского народа и других коренных народов России.

ВМЕСТО «ПЕРЕСТРОЕК» И РЕВОЛЮЦИЙ

Нет сомнений, что массовое истребление христиан на Ближнем Востоке и в Африке совершается продуманно и организовано. Христианскую цивилизацию в Европе уничтожают другими методами, пока без массовых кровопролитий. Но современную Европу уже именуют «постхристианской». Гонения на христиан в современном мире принимают небывалые масштабы. И становится ясно, что искоренение христианской веры носит не стихийный характер, но происходит в процессе глобализации, которую задумал осуществить «мировой интернационал ростовщиков». Богоборческий, антихристианский характер современной глобализации очевиден.

В начале XX века главный удар «мирового интернационала ростовщиков» был направлен на Православную Российскую Империю — оплот Вселенского Православия. В 1991 году им удалось второй раз за столетие добиться крушения исторической российской государственности. Но сегодня «мировая закулиса» со страхом видит, как, казалось,

СИМВОЛ ВЕРЫ

окончательно разгромленная Россия в очередной раз возрождается. И возрождая свою государственность, Россия вновь выступает как защитница христиан, встает на защиту традиционных нравственных ценностей, которые методично уничтожаются в ходе глобализации. Россия сегодня становится главным препятствием на пути богоборческой глобализации, утверждающей на планете культ «золотого тельца».

Не случайно Бжезинский после крушения Советского Союза главным оставшимся у «мирового гегемона» врагом назвал Православную Церковь. Напоминающий Кощея Бессмертного из русских сказок, старый политик понимает, от кого исходит главная опасность для всего глобального «кощева царства».

Встреча Святейшего Патриарха Кирилла с римским понтификом не только ставит своей целью остановить истребление христиан, на которое старательно закрывало глаза общественное мнение в Европе и которое замалчивали все мировые СМИ. Возможно, это последняя попытка российской дипломатии образумить европейцев и не допустить втягивания Европы в большую войну. И Святейший Патриарх Кирилл выступает не только как Предстоятель Русской Православной Церкви, но и как государственный деятель. Что вполне естественно для главы Русской Церкви: вспомним святителя Алексия Московского, крестного отца святого Дмитрия Донского, священномученика Патриарха Гермогена.

Нельзя не видеть, как, обрабатывая общественное мнение, европейцев приучают к мысли о неизбежности новой большой войны. Роль «агрессора» и «империи зла» определена России. Еще в XIX веке русский мыслитель заметил, что если в Европе начинают говорить о «русской угрозе», значит, готовится очередное вторжение в Россию.

Вторжение Турции и саудитов в Сирии неизбежно приведет к широкомасштабной войне на Ближнем Востоке, которая может очень скоро перерасти в войну мировую. Похоже, что США не желают напрямую участвовать в конфликте с Россией, но уровень противостояния в новой «холодной войне» достиг небывалой точки. Несомненно, что англосаксы, как обычно, развязав войну, постараются воевать чужими руками, натравив на Россию Турцию, саудитов и киевскую хунту. Но вполне возможно и такое развитие событий, когда в войну вступит и блок НАТО.

Цель США, втянув нашу страну в войну на истощение, объявить её агрессором, подвергнуть международной изоля-

ции, задавить санкциями, не позволив преодолеть последствия погрома, устроенного в стране «демократами» и их заокеанскими покровителями в 90-е.

Надо понимать, что нынешнее непримиримое противостояние с «мировым гегемоном» и коллективным Западом началось вовсе не с возвращения в родной дом Крыма. Всё началось с поражения «болота», когда стало ясно, что нашим «заокеанским друзьям» не удалось предотвратить возвращение Путина в Кремль. Поэтому они поспешили с киевским «майданом». Киевская хунта должна была втянуть Россию в войну и объявить ее агрессором. Не удалось, Россия не стала вводить войска, ограничившись помощью Донбассу. В это время созданный США, Турцией и саудитами псевдоисламский халифат методично добивал Сирию. После падения Дамаска и раздела Сирии ИГИЛ собирались натравить на завязнувшую в конфликте на Украине Россию. Удар должны были нанести отряды террористов, переброшенные на Кавказ и в Среднюю Азию.

Но Москва на действия США на Украине ответила мощными ударами российских ВКС по вскармленному США псевдоисламскому халифату. Россия сумела переломить ситуацию в Сирии и нарушила планы «мирового гегемона». Ответный ход США — сбитый турками российский самолет и негласное «добро» Эрдогану на вторжение в Сирию. А также развязывание невиданной по ожесточению информационной кампании против России.

В Вашингтоне не скрывали, что втягиванием в изматывающую войну и экономическими санкциями стремились истощить Россию, чтобы, вызвав взрыв народного недовольства, сменить власть в Кремле. Во времена правления Ельцина «мировая закулиса» допустила ошибку, решив, что после «демократического погрома» Россия не сможет подняться. Совершенно ясно, что вновь допускать подобную ошибку они не станут. России, которая в очередной раз стала преградой на пути к глобальному новому мировому порядку, расчитывать на пощаду не приходится.

Через 70 лет после победы над третьим рейхом новый претендент на мировое господство объединяет Европу для войны с Россией. При этом на войну с нами мобилизуются и созданные при поддержке Вашингтона банды исламистов. В смертельном противостоянии сегодня решается судьба Русской цивилизации, и можно смело утверждать, будущее всего мира.

Посол США активно занимается подготовкой российского «майдана». Вашингтон выделил на это миллиарды дол-

ларов. В единый фронт объединяют леваков, нацдемов и разных кандидатов в «спасители Отечества» от «антинародного режима» и Путина, который «сливает страну». Ну а либералы во властных структурах старательно работают, чтобы у народа появлялись все новые поводы для недовольства. Считать, что Владимир Путин этого не понимает или не осознает угрозу, которую представляют действия «пятой», «шестой» и пр. колонн, наивно. Непонятно, почему Путин до сих пор не предпринимает решительных действий на внутриполитическом фронте, хотя время не ждет. В феврале 2017 года исполнится 100 лет т.н. «бескровной февральской революции». И нет никаких сомнений, что в наступившем году наши «заклятые друзья» сделают все, чтобы повторить сценарий крушения российской государственности, успешно воплощенный в начале XX века и затем не раз успешно обкатанный в ходе «цветных революций» во всех концах света.

В 2012 году поражению «болотной революции» во многом способствовала поддержка Путина Русской Православной Церковью. Любопытно, что символом поддержки церковных либералов «болоту» стал молодой священник с весьма «революционной» фамилией Свердлов.

В 2012 году российские либералы и их зарубежные кураторы не только проводили мощную антипутинскую кампанию в СМИ, но была развязана яростная информационная война против Русской Православной Церкви. И, естественно, главный удар был направлен на Предстоятеля — Святейшего Патриарха Кирилла. Либералы, в том числе и церковные, не могли простить Святейшему Патриарху поддержки государственной власти и отказа в поддержке «креативного болота». После тараканьих плясок бесноватых кощунниц в Храме Христа Спасителя началась мощнейшая антицерковная кампания в либеральных СМИ. При этом церковные либералы вели себя настолько возмутительно, что Патриарх на молитвенном стоянии в Неделю Фомину у Храма Христа Спасителя вынужден был сказать о «предателях в рясах».

Церковным либералам было от чего прийти в раздражение. От митрополита Кирилла на патриаршем престоле они ожидали церковных реформ, перевода богослужения на русский язык и других действий, которые должны были сблизить Русскую Православную Церковь с «креативным классом» и со всем «цивилизованным миром». А вместо этого Патриарх Кирилл произнес: «Не дай Бог войти в историю патриархом-реформатором». К тому же Патриарх всегда

говорил о единстве Русского мира. И мы видим, как постепенно об этом заговорили не только в Кремле, но идея единого Русского мира была принята всем российским обществом. Патриарх Кирилл проявляет себя как сторонник так ненавистной либералам крепкой государственности. А также не разделяет «священную» ненависть либералов к советской эпохе и с народом на Красной площади поет «Широка страна моя родная». На Всемирном Русском Народном Соборе Патриарх говорит о государствообразующей роли Русского народа, который является стержнем всей Русской цивилизации, — и это очередной повод для ненависти либералов. Кстати, митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл и был одним из тех, кто создавал Всемирный Русский Народный Собор в годы, когда русофобов от одного слова «русский» коржило. Неудивительно, что известный поддержкой кощунниц и пр. «свободомыслием» диакон (Кураев) в последнее время столь откровенно выражает недовольство всего «креативного класса» и церковных либералов Патриархом Кириллом.

Устроить либеральную «перестройку в Церкви», как об этом мечтают различные белковские с павловскими, а также любимец «болотной» публики весьма «креативный» диакон, сегодня невозможно. Но нашим «заклятым друзьям» неважно, кто вызовет потрясения и спровоцирует раскол в Русской Православной Церкви — обновленцы-либералы, или же «ревнители не по разуму».

И вот появился прекрасный повод — Святейший Патриарх Кирилл встретился в Гаване с римским папой Франциском. Некоторые «ревнители не по разуму» уже заявили, что Патриарх полетел в Гавану, чтобы заключить «тайную унию» и предать Православие. Они призывают немедленно созвать Поместный Собор, чтобы потребовать отставки «патриарха-еретика». Подобные призывы исходят чаще всего от людей, уверенных, что наступили времена, когда по пророчествам «купола будут сиять золотом, но в храмы ходить нельзя будет». Подобные «ревнители» спрашивают, можно ли причащаться в храмах Московской Патриархии или уже пора уходить в катакомбы или лесные скиты?

Надо признать, что беспокойство среди церковного народа возникло не на пустом месте. В нашей Церкви всегда присутствовали экуменисты, филокатолики, обновленцы и модернисты. Но до 1991 года они были незаметны. Когда же к власти в России пришли либералы, вся эта публика стала

проявлять невероятную активность, получая огромную поддержку как от «демократической» власти, так и от западных «благодетелей». Святейшему Патриарху Алексию II пришлось даже призвать ряд московских священников, выступавших на прокатолическом радио «София», определиться со своей конфессиональной принадлежностью. Активная экуменическая деятельность этого сообщества, попытки «обновить» Церковь не могли не вызывать тревогу. Да и сегодня можно услышать заявления, что нас с римо-католиками, оказывается, разделяют всего лишь «некоторые богословские тонкости».

Все святые Вселенской Православной Церкви, в том числе и все русские святые, от прп. Феодосия Печерского, благоверного князя Александра Невского до святителей Феофана Затворника, Игнатия Брянчанинова, Иоанна Максимовича и Оптинских старцев, все современные духоносные старцы в России и на Афоне учат, что есть одна Единая Святая Соборная и Апостольская Церковь. Римо-католики откололись от Церкви, впад в ересь. Ересь — уклонение от Истины, искажение догматов и канонов Церкви. Можно привести множество цитат из творений Отцов Церкви о заблуждениях латинян, опровергнуть слова Святых Отцов не способен ни один архиерей, никакой церковный дипломат самого высокого ранга.

Для любого воцерковленного православного человека в этом вопросе все совершенно ясно и спорить не о чем. Общение между западными христианами и православными всегда происходило и на личном уровне, и среди церковных дипломатов всегда были возможны добрые человеческие отношения. Но никакого евхаристического общения с латинянами для православного человека не может быть. Это не фанатизм, как считают многие далекие от Церкви люди. Для православного христианина речь идет о спасении души. Как сказал святой Силуан Афонский: «Я не знаю, спасутся ли католики, но если я стану католиком, то точно не спасусь».

Значительная часть православного народа обеспокоена тем, что после встречи в Гаване восторжествует точка зрения филокатоликов и экуменистов. Разве не могут вызывать тревогу заявления, что различия между Православием и римо-католиками не так существенны?

Кстати, недавно прославленный святитель Серафим (Соболев), в 1948 г. на Всеправославном Совещании в Москве выступил со знаменитым докладом, обличающим экуменизм. И мы понимаем, что конечная цель экуменического движения — создание единой мировой религии, которая должна

приготовить мир к пришествию антихриста. Поэтому православный народ с таким подозрением относится ко всяким экуменическим контактам. Неоднократно раздавались призывы выйти из Всемирного Совета Церквей, который все стремительнее превращается в откровенное сборище нечестивых. То, что там творится в последние годы, когда представители некоторых конфессий дружно пляшут вместе с африканскими шаманами, нельзя назвать иначе, чем поруганием Христианской веры.

Можно объяснить тревогу, вызванную встречей Святейшего Патриарха с папой и нашим многовековым историческим опытом общения с римским престолом. Начиная от разгрома Константинополя в 1204 г., Крестовых походов на Русь, Крымской войны, концлагерей для православных русинов в Телергофе и Терезине, концлагеря в Ясеноваце, где католиками-устами было замучено 800 тысяч сербов, и до нынешней братоубийственной войны на Украине, которую спровоцировали подчиненные папе униаты, — везде мы видим неприкрытую ненависть к Православию. Причем эта ненависть всегда прикрывается лицемерными словами о «братской любви». Поэтому весьма странно слышать в Декларации слова о «взаимных ранах». История убедительно свидетельствует о том, кто и кому эти раны наносил и кто провозглашал — «цель оправдывает любые средства».

Дух католицизма в художественной форме гениально выразил Федор Михайлович Достоевский в легенде о великом инквизиторе. Исторический опыт напоминает нам, что от Ватикана не стоит ждать ничего хорошего, какими бы лицемерными улыбками и высокими словами ни прикрывали папа и кардиналы свои истинные замыслы. Не сомневаюсь, что Святейший Патриарх Кирилл не хуже многих ревнителей знает историю и имеет большой опыт общения с латинянами, которых святой благоверный князь Александр Невский назвал «окаянными папешниками». Но встреча с Папой состоялась, по словам Патриарха, «в нужное время и в нужном месте».

«Нужное время» — папа признал в Декларации, что если на Ближнем Востоке истребляют христиан физически, то и на Западе идут настоящие гонения на христианскую веру. Мы видим, как отпавшие от Вселенской Церкви римо-католики и протестанты постепенно привели западноевропейские народы к духовной катастрофе — «цивилизации Шарли». И вполне реально звучат угрозы исламистов сделать нынешнюю «постхристианскую» Европу частью всемирного халифата. В Гаване папа фактически признает духовную

катастрофу западнохристианской цивилизации. Одновременно в Декларации подчеркивается «беспрецедентное возрождение христианской веры в России». Это означает духовную победу Православной восточнохристианской цивилизации над безбожниками. Победа эта одержана благодаря подвигу Новомучеников и исповедников российских, которые своей мученической кровью засвидетельствовали верность России Христу. Москва — Третий Рим, устоявший под натиском сатанинского безбожия. И Патриарх Московский и Всея Руси от лица России протягивает руку помощи западным христианам, призывает европейцев отстаивать ценности некогда общей христианской цивилизации. Это не экуменизм. Россия всегда спасала Европу. Спасала от Наполеона, и от Гитлера, а сегодня пытается помочь не исчезнуть окончательно белой христианской Европе, погибающей под натиском либерального сатанизма и нашествием исламистов.

Встреча произошла «в нужном месте» — на Кубе. Куба традиционно католическая страна, но давний друг и союзник России. Куба — «Остров Свободы», символ для всей Латинской Америки успешной борьбы с колониальной зависимостью от США. Явный сигнал для «мирового гегемона». Встреча происходила под православным распятием, в присутствии Казанской иконы Пресвятой Богородицы, с которой связана победа над латинянами-ляхами в 1612 году и разгром полчищ двенадцати языков объединенного Наполеоном Запада в 1812-м. Заметим, не Владимирская икона, которую можно в последнее время нередко увидеть в католических храмах, но именно Казанский образ Матери Божией. Многозначительный символ, напоминающий историю отношений России и католического мира.

О некоторых результатах встречи в Гаване можно судить по реакции главы униатов Святослава Шевчука и многочисленным публикациям в западной прессе. Шевчук считает, что папа предал униатов и «нэзалэжну Украину». К тому же глава греко-католиков возмущен тем, что папа Франциск пытался вести диалог в духовной плоскости, а Патриарх Кирилл демонстративно подчеркивал, что встреча носит лишь политико-дипломатический характер. Это, кстати, косвенное свидетельство того, что католики надеялись на совместные молитвы, но надеялись напрасно.

Как победу российской дипломатии восприняли встречу Патриарха Кирилла с понтификом и многие западные политики, которые, как и Кураев, решили, что Патриарх «выполнял задание Путина». Некоторые даже с возмущением

называют Патриарха Кирилла и папу Франциска «марионетками Путина».

Многие политологи на Западе и в России считают, что текст Декларации, подписанной после встречи Патриарха Кирилла и папы Франциска, является дипломатической победой Москвы. Отмечают важность визита Патриарха на землю Южной Америки. Но для большинства православных русских людей не важны дипломатические победы, они не задумываются о том, как может повлиять визит Предстоятеля Русской Православной Церкви на укрепление связей между странами БРИКС. Для православных главное знать, что не произошло никаких уступок в вопросах веры.

Безусловно, встреча Патриарха с папой в Гаване внесла сильное смущение во многие умы. И этим непременно постараются воспользоваться для разжигания страстей.

Если возникнет смута в Русской Православной Церкви, то это обязательно приведет к серьезным потрясениям во всем российском обществе. У тех, кто пытается повторить в 2017 году сценарий 1917 года, появятся новые возможности осуществить свои планы. Но и «ревнители не по разуму» тоже считают, что только отстранение отступившего от Православия Патриарха способно спасти Церковь от раскола, а Россию от гибели.

Мне приходилось сталкиваться с людьми, твердо уверенными в том, что Патриарх Кирилл усыпляет нашу бдительность, а на самом деле является «тайным католиком» и только и думает о том, как бы предать Русскую Православную Церковь в лапы латинян. Дух революции и бунта, как мы знаем, способен проникнуть и в церковную среду: вспомним красные банты на рясах священников в феврале 17-го.

Но сегодня смущение охватило очень многих твердо верующих и живущих жизнью Церкви людей, вовсе не склонных к панике и скороспешным выводам. Основания для беспокойства есть — Ватикан почти тысячу лет ведет борьбу с Православием. Наивно думать, что после встречи в Гаване политика Рима изменится. Но я предлагаю задуматься над некоторыми вопросами.

Почему встретившись и троекратно облобызавшись с папой, Патриарх Кирилл тем самым предал Православие? Действительно, это первая встреча Патриарха Московского и Всея Руси с римским первосвященником. Но разве можно утверждать, что такая встреча автоматически означает отступление от православной веры? Святые Отцы называли римских пап «волками в овечьих шкурах» и «предтечами антихриста». Но разве можно после встречи в Гаване Патриар-

ха Кирилла сравнивать с еретиком Исидором, подписавшим унию на Ферраро-Флорентийском соборе? Разве кроме домыслов, есть сведения о каких-то тайных договоренностях с Ватиканом?

Но главное, есть ли основания полагать, что большинство церковного народа готово предать православную веру? Слухами, что наступила пора «малому стаду» уходить из «апостасийной» Московской Патриархии, регулярно смущают народ представители расплодившихся за последнюю четверть века т.н. «истинно-православных церквей». Надо заметить, что никакого преимущества с православными христианами, ушедшими в катакомбы в годы гонений на Церковь, эта публика не имеет.

В жизни современной Церкви, вероятно, можно заметить немало недостатков и болезненных явлений. Встречаются немощные и грешные люди и среди архиереев, священников и мирян. Но так было всегда, на протяжении веков. Что дает право думать, что большинство наших архиереев сегодня впали в нечестие, что наши пастыри служат не «ради Иисуса, а хлеба куса» и готовы предать Христа? Стоит ли верить «великим аналитикам», которые нас уверяли, что после своего избрания Патриарх Кирилл немедленно переведет богослужение на русский язык и станет сослужить с католиками? Почему мы не верим нашим пастырям, разве иноки в наших обителях — Оптиной, на Валааме, Соловках, тысячи наших священников, да и мы с вами не заметим искажения богослужения, нарушение канонов? Разве мы готовы предать веру? И если даже сверху прикажут папу римского помянуть и наши батюшки согласятся и послушно станут с латинянами сослужить?

Хотел бы напомнить, как после выступления Патриарха Алексия II перед раввинами некоторые «ревнителю» кричали о том, что Патриарх отступил от Христа и после этого его нельзя помянуть на богослужении. А теперь они же утверждают, что всегда считали покойного Патриарха хранителем Православной веры.

Можно не сомневаться, что после встречи в Гаване обретут «второе дыхание» и сделают все, чтобы усилить свое влияние на умы филокатолики и экуменисты, которых немало среди столичного духовенства и преподавателей духовных школ. Иезуиты постараются помочь им в этом, уверяя, что после того, как Патриарх встретился с папой, все православные и католики обязаны соединиться в порыве «братской любви». Лесть и лукавство — методы, которыми Ватикан действует сотни лет. Основание испытывать по этому поводу тревогу

есть, но нет повода впадать в панику. Опыт показывает, что с Божией помощью экуменистам и обновленцам можно успешно противостоять. Что мы и обязаны делать.

В начале 90-х, когда наши храмы наполнялись новоначальными христианами, церковные либералы-обновленцы надеялись устроить «перестройку в Церкви». Так было и после революции, вспомним «живоцерковников». Но народ не пошел за ними. Обновленцы служили в пустых храмах. И в наше время по мере воцерковления в своем подавляющем большинстве русские люди отвергают идеи обновленцев и приходят к вере своих отцов, дедов и прадедов. Душа чувствует, где присутствует благодать Божия, а где ее нет. Если говорится, что «душа человека по природе христианка, то душа русского человека — «православная христианка». Слишком узким остался круг обновленцев и модернистов и далеки они оказались от народа. Среди как обычно «свободомыслящей» московской интеллигенции обновленцев оказалось не намного больше, чем сторонников секты Виссариона. Соблазн обновленчества был успешно преодолен.

Но история епископа Диомида показывает, что существует опасность раскола, устроенного «ревнителями не по разуму». Огромное смущение, которое возникло после общения Патриарха с папой в умах значительной части консервативно настроенного церковного народа, обязательно попытаются использовать. После встречи в Гаване возникли две очень серьезные угрозы. Ни в коем случае нельзя недооценивать опасность, которая исходит от Ватикана и наших экуменистов и филокатоликов, вдохновленных встречаей Патриарха с Папой. Существует угроза, что, прикрываясь елейными словами о «братской любви», католики попытаются провести постепенную ползучую экспансию. Например, пролезть в духовные школы, чтобы сеять яд сомнения в молодые умы. Иезуиты свое дело знают, а у экуменистов есть влиятельные покровители. Вторая угроза — смута в церковной жизни, которую способны устроить «ревнители не по разуму».

Некоторые церковные журналисты поспешили пренебрежительно отозваться о тех, кто не разделяет восторга по поводу «встречи тысячелетия», безосновательно обвиняя их в фанатизме и невежестве. Но нынешнее волнение среди церковного народа говорит, что для русских православных людей по-прежнему самым важным является спасение души. Именно желание не отступить, сохранить чистоту православной веры, заставляет наших людей сегодня волноваться. Русский человек продолжает оставаться горячим, а не теплохладным. Но очень важно, чтобы это качество не использовали

против нас. Православный христианин имеет право критиковать поступки и слова архиереев и Предстоятеля своей Поместной Церкви. У нас же нет представления о непогрешимости Патриарха, в отличие от римо-католиков, утверждающих, что римский первосвященник наместник Бога на Земле. Любой Патриарх может допускать ошибки. Но прежде чем осуждать, предлагаю всем вспомнить чудесное явление святого Патриарха Тихона отцу Иоанну Крестьянкину, которого старец сподобился перед избранием Патриархом Алексия II. Патриарх Тихон попросил о. Иоанна перенести в храм патриарший посох, и старец рассказывал, что посох был такой тяжести, что великий старец-молитвенник не мог его даже приподнять. Поэтому, рассуждая, всегда необходимо помнить о тяжести и величайшей ответственности Патриаршего служения.

Нашим «закрытым» друзьям все равно, кто устроит раскол в Русской Православной Церкви — церковные либералы или ревнители. Пока для раскола нет вождя, которого объявят современным Марком Эфесским, не подписавшим Флорентийскую унию. Но постараются найти.

Против нас работает очень серьезный противник. Еще в 80-е годы в Лэнгли в отделе, который занимался Русской Православной Церковью, работало больше 100 сотрудников. Не думаю, что сегодня работает меньше. Там очень хорошо знают все наши проблемы, имеют четкое представление обо всех болевых точках, профессионально умеют проводить информационно-психологическую войну. Поэтому необходимо сохранять хладнокровие и трезвость. Мы должны сделать все, чтобы яд ересей, лукавого искажения Православной веры не проник в нашу Церковь. Никаких «перестроек» в Церкви быть не должно. Но при этом нельзя допустить и никаких революций и расколов. Царский путь предполагает трезвение, рассудительность, сохранение мира в душе. Революционный дух — разгоряченность крови, страстность и поспешность в суждениях.

Разве можно сомневаться, что Русская Православная Церковь устоит, сохранит чистоту веры, имея такой сонм Новомучеников и Исповедников. К пострадавшим за веру в последние годы присоединились наши современники, которые своей кровью засвидетельствовали верность Христу — Оптинские новомученики, о. Анатолий Чистоусов, воин Евгений Родионов и другие священники, монахи и миряне. Молитвами всех святых, в земле Российской просиявших, Русская Православная Церковь преодолет все опасности.

СЛАВА. ЧЕСТЬ. ВЛАСТЬ

В прошлом году мы отметили 70-летие победы в Великой Отечественной войне, которая далась ценой массового героизма, ценой жертв, величайших в мировой истории. Конечно, славны все герои, но память тех, кто в боях пошел на жертвенный подвиг, пал за други своя, почитается нашим народом особенно: из числа 14 739 Героев Советского Союза 3051 человек удостоились этого звания посмертно, но, конечно, число тех, кто совершил жертвенный подвиг во имя Родины, во много раз больше.

Когда говорят о подвигах той войны, многие прежде всего вспоминают Александра Матросова. Может быть, не все знают, что так же, как он, своей грудью закрыли амбразуру 412 человек, при этом Матросов не был в их числе первым. Подвиг Гастелло повторили 595 лётчиков, на воздушный таран подобно Талалихину пошли 300 человек.

И что показательно. Среди миллионов вражеских солдат, в числе которых, наряду с немцами, были представители почти всех народов Европы, не нашлось ни

СИМВОЛ ВЕРЫ

одного, кто совершил бы подвиг Александра Матросова. Немецким комбатантам в той войне нельзя было отказать в стойкости и смелости, среди них, конечно же, были свои герои, но таких, кто захотел бы пожертвовать своей жизнью, отдать ее за других, не нашлось.

В чём причина? Почему герои Запада так не похожи на героев нашей страны? Причина, очевидно, в том, что веками русские люди воспитывались в Православии. Оно рассматривает человеческую личность как неотъемлемую часть Соборной Апостольской Церкви, которая есть Тело Христово.

Мне резонно возразят, что среди героев, жертвовавших своей жизнью, многие были атеистами. Это действительно так, но, во-первых, не забудем, что советская молодежь воспитывалась на началах коллективизма, в котором идея соборности светила как бы отраженным светом. Во-вторых, говорят, что на войне неверующих не бывает: вспомним, героя Сталинградской битвы генерала армии Чуйкова, у которого после смерти нашли в партбилете молитву, написанную по вдохновению им самим: «О, Могущий! Ночь в день преврати, а землю в цветник. Мне всё трудное легким содей и помоги мне»; вспомним, что Георгий Константинович Жуков, в ноябре 41-го года перед началом контрнаступления под Москвой, когда землю сотряс первый залп мощной артподготовки, сказал: «Ну, с Богом», а через два года, освободив от гитлеровцев Киев, попросил духовенство отслужить в освобождённом от врагов Киеве благодарственный молебен. В столице Украины есть чудотворная «Гербовещкая» икона Божией Матери — ее маршал победы отбил у фашистов.

Николай Степанович Мельников, академик РАЕН, доктор технических наук, профессор, один из руководителей программы создания космического самолета «Буран», которому в детстве выпало видеть, как молодые солдаты со связками гранат бросались под немецкие танки, признавался, что его долгие годы мучил вопрос: что помогало этим героям преодолеть страх смерти. И он пришел к следующему выводу: «Герои — это те, у кого в экстремальных ситуациях пробуждается вечная Душа и берёт управление мыслями, чувствами и поведением человека, избавляя его от иллюзии отдельного существования»

Герой на Западе отличается от героя, воспитанного в православной вере, православной культуре, православной традиции. Он не стремится к тому, чтобы стать участником славы вечной. Он одиночка. Будучи продуктом западного индивидуализма, он отделён от других. Вспомним героев книг западных авторов. Один из наиболее ярких среди них — старый рыбак в повести «Старик и море», одинокий герой, сра-

жающийся с целой стаей акул, набросившихся на пойманную им небывалых размеров рыбу. Герой Эрнеста Хемингуэя не лишен человеческого достоинства, но сама мысль о Боге ему чужда; вспомним западные фильмы — хотя бы знаменитую «Серенаду солнечной долины». Выбираю именно эту картину, поскольку она создана во время Второй мировой войны. Вдумаемся: где-то в далекой России рекой льется кровь, а здесь убежавшая от войны в благополучную Америку молодая норвежка правдами и неправдами побеждает (или покоряет — кому как нравится) преуспевающего музыканта Теда Скотта: влюбляет в себя — хитростью, ловкостью, спортивностью, овладевает его сердцем и таким образом устранивает его возлюбленную певицу Вивьен Доун. Симпатии зрителей, по замыслу создателей киноленты, на стороне победительницы. Банальный мюзикл, в основе которого — любовный треугольник. Но в нем — чисто американский дух. Его апофеоз — в весьма характерном кадре: американка, с которой порвал Джордж, уходя от него, поскользнулась на гладком полу и падает лицом вниз, но никто из джентльменов не думает подать руку женщине, больше того — они смеются: пусть проигравший плачет, горе побеждённым.

Западный герой выпадает не только из христианской традиции, но и из языческой — античной. Над древнегреческими героями тяготел рок, все они гибнут. Но западные героини погибать не любят. Им слишком дорога собственная индивидуальность. Их задача — победить и возвыситься над окружающими. О сострадании к побеждённым не может идти речи. «Падающего толкни», — учил Ницше. Это у русского философа Василия Розанова такой призыв вызвал реакцию: «Какой подлец!» А европейцы приняли как должное. Их героини не жертвуют собой ради других. Рисковать, пуститься в самую даже опасную авантюру — это пожалуйста. Но только во имя своих интересов. «Человек для себя своя последняя цель», провозгласил Иммануил Кант в работе «Антропология с практической точки зрения». В высшей степени показательно, что основоположник классической немецкой философии, поставивший земную, человеческую мораль выше Бога, назвал русских главными врагами немцев (кстати, в трактате «К вечному миру» кёниксбергский мудрец впервые высказал идею объединенной Европы, которую — каждый на свой манер — реализовывали Наполеон, Гитлер и нынешние руководители западных стран Старого Света). Начавшись Кантом, немецкая философия логически пришла к Ницше с его сверхчеловеком и завершилась теорией высшей расы — нацизмом, так сказать, коллективным сверхчеловеком.

Война закончилась 71 год назад, но разгорается битва за историю Второй мировой. Те, кто хочет отнять у нас победу и отдать ее в руки англо-американцев, отрицают подвиги наших героев: стремятся их всячески приуменьшить или даже полностью дискредитировать. Подвиг мученически погибшей Зои Космодемьянской вызывает у них особенную неприязнь: ах, она сожгла конюшню с лошадьми! Какой в этом смысл? Да в своем ли она была уме, не оказалась ли она психически больной? Отрицают подвиг двадцати восьми героев-панфиловцев (их, мол, столько не погибло, да и самого боя в разезде Дубосеково не было), отрицают подвиг Александра Матросова (мол, невозможно человеческим телом закрыть амбразуру стреляющего пулемета), а над памятью молодого гвардейца украинские националисты бесстыдно надругались: сбросили с пьедесталов бюсты подпольщиков. Памятник Олегу Кошевому исчез. «Одна из газет, — пишет журналист Виктор Кожемяко, — откликнулась на это ёрническим заголовком: «Исчезают героини, убегают собаки», демонстративно смешав в одну кучу памятник патриоту, погибшему за Родину, и... собак».

В битве за историю Великой Отечественной войны наши противники, отрицая подвиги бойцов Красной Армии и советских партизан, поднимают на щит врагов и предателей: бандитов УПА, жертвами которых стали не только солдаты и офицеры, но и партийные и советские работники, учителя, библиотекари, почтовые служащие — всего более тридцати тысяч человек. Недруги России героизируют солдат печально знаменитой РОА во главе с изменником родины генералом Власовым (кстати, этот «герой» в 1941 году, будучи еще советским генералом, не жалел своих солдат: «Не разрушив огневые точки врага, вы бросили на противотанковую оборону танки и пехоту, — телеграфировал Власову Георгий Жуков. — Приказываю разрушить артиллерией укрепления противника. Запрещаю легкомысленные броски танков на укрепленные полосы противника»).

С сожалением приходится отметить, что и наши патриотические издания порой теряют ориентиры. Так, не столь давно на православных сайтах и на страницах журнала «Наш современник» появилось «Письмо к Богу», написанное накануне боя бойцом, который прожил жизнь атеистом, но чувствуя, что следующий день станет для него последним, прозрел накануне смерти. Нет слов, письмо трогательное, но при этом публикаторы скрыли от читателя или нарочно не обратили внимания на то, что его автор, Александр Зацепа, убитый в 15 километрах от побережья Атлантического океана в

бою с высадившимися американцами, принадлежал к составу так называемых «восточных батальонов», сформированных гитлеровцами из советских военнопленных, дезертиров и перебежчиков, следовательно, был предателем родины. Можно ли представить себе, чтобы такое письмо было опубликовано в сороковые или пятидесятые годы? Его бы сочли надругательством над памятью погибших героев Великой Отечественной. Дело в том, что понятие славы неотделимо от понятия чести. Совершивший бесчестный поступок и не раскаявшийся, по глубокому народному убеждению, не может быть прославлен.

Светское представление о чести изначально восходило к евангельским добродетелям. Литературный памятник начала XVIII века «Юности честное зерцало», написанный как кодекс поведения юношей и девушек дворянского происхождения, изобилует примерами из Библии, ссылками на Новый Завет. К одной из самых христианских повестей русской литературы — «Капитанской дочке» — великий Пушкин предпослал эпиграф «Береги честь смолоду».

Но честь отнюдь не была привилегией высших классов. Православное духовенство, монастыри учили крестьянство и купечество бояться Бога — следовательно, бояться греха. Самый большой грех в народном сознании был иудин грех — предательство, измена Богу, царю, Отечеству. Оттого вечный позор покрыл имена изменников — Курбского и Мазепы. Изменить воинской присяге, слову, которое давалось перед Богом, для солдат Суворова было немыслимо. Нарушить слово — значило для православного русского человека совершить вероломство (т.е. сломать веру), предать, уподобиться Иуде. В былые времена русские люди, скажем купцы, расписок не давали. Давали слово. Миллионные сделки совершались без нотариальных контор, юридически оформленных договоров, без каких бы то ни было бумаг — купеческого слова было достаточно. Оно являлось высшей гарантией, поскольку за ним стояла не только честь купца, но и его вера в святость слова: слово земное восходило к Слову небесному, которое было в начале.

Честь, конечно, не экономическая категория, однако скольких трат избегало общество, в котором христианская нравственность являлась общепринятой нормой. И напротив, потеря чести влечёт за собой всеобщее недоверие, подозрительность. Бесконечные проверки, ревизии требуют содержания огромной армии бухгалтеров, аудиторов, контролеров. Но при этом обман, мздоимство только растут. Мно-

жится, разбухает класс чиновников, призванных следить за порядком и соблюдением законности, но коррупция не уменьшается. Больше того, уже сам чиновничий класс её продуцирует, и она принимает невиданные масштабы, вызывая усиливающееся массовое недовольство, чреватое мощными социальными потрясениями, тем более что это недовольство подпитывает растущая пропасть между богатыми и бедными.

Если чиновники и управленцы лишены совести, можно ли требовать от тех, кто находится под ними, соблюдать кодекс чести, верность присяге? Тем более, когда снова, как в революционные годы, «натиск тьмы и нечестия сделан на патриотизм... Голоса злобы, зависти и ненависти вопят о том, что любовь к отечеству есть не только ненужный пережиток, но и прямое преступление, что народности родной, близкой и любимой не должно существовать, что верность долгу, присяга, повиновение власти есть признак отсталости и глупости». Я цитирую здесь слова не современного патриотического публициста, а священномученика протоиерея Иоанна Восторгова. Как будто они сказаны сегодня о наших так называемых либералах, а не в промежутке между первой и второй русской революцией...

«Честь России невредима»... Много воды утекло, с тех пор как Лермонтов написал эти слова. Василий Осипович Ключевский, в 1905—1906 годах видевший, как по всей России горели подожжённые крестьянами помещичьи усадьбы, с горечью пророчествовал: «Народ, вступивший на революционный путь, обманул своего царя, которому клялся... Наступает время, когда он обманет и Церковь, и всех тех, кто его считал «православным» и «богоносцем». Придет пора, он умело обманет, проведет и социалистов, за которыми сначала пойдёт». В наши дни предвидение великого историка сбылось до конца. Можно, конечно, бранить неудачную политику царского правительства, половинчатые реформы Александра II, винить аристократию, многие представители которой, в том числе принадлежавшие к дому Романовых, торопили революцию, можно ругать капиталистов, подкармливавших социалистов разных мастей с расчетом, что они свергнут самодержавие и расчистят для русской буржуазии путь на самые высокие этажи власти... Но при всей справедливости этих претензий к тем, кто стоял над народом, нельзя не признать, что тогда совершился какой-то надлом в народной душе, в душе простого русского человека. Чем он был вызван? Почему были разбужены темные инстинкты толпы?..

В годы юности я трудился на авиационном заводе. В наш механический цех приходил старый мастер, бывший давно

на пенсии, но которому руководство летом, в период отпусков, разрешало встать за станок и подменять опытных токарей. Нам, молодым, конечно, интересно было узнать, какая жизнь была у рабочих до революции 1917 года. Произошел такой разговор:

— Дед, сколько у тебя было детей?

— Моя Татьяна десятерых родила.

— И что, она не работала?

— Как теперь бабы работают — нет, конечно. С десятком ребятни — поди управься. Это и была ее работа.

— И что, ты всю эту ораву один кормил?

— Ну, да. Хозяин справно платил. Мясо, правда, ели только по воскресеньям и в праздники, однако ж не голодали. Всех вырастили.

— Дед, а забастовки у вас были?

— Ну да, были.

— И ты бастовал?

— Ну а как же — как все, так и я.

— А бастовали при таком хорошем хозяине зачем?

— Хозяевами хотели стать...

Народ был, конечно, обманут социалистическими агитаторами, но если бы не гнездилась на дне его души зависть к чужому богатству, бунтарство, смутьяны не смогли бы всколыхнуть эти тёмные чувства, которые заставили еще недавно кроткий православный народ вдруг забыть, что человек — образ и подобие Божие.

Стихли революционные бури. Окончилась братоубийственная гражданская война. Наступало время «советского термидора» (выражение Троцкого). Сталин понимал, что потерявшие ценностные ориентиры развинтившиеся массы не способны к движению вперед, что реконструировать их, собрать заново (тогда и появилось сталинское определение писателей как «инженеров человеческих душ») может только общее дело, общая цель, поэтому в эпоху первых пятилеток был создан образ народа — строителя нового общества, народа-победителя, прокладывающего человечеству путь к светлому будущему. Такой образ избранничества замещал или, лучше сказать, вполне сосуществовал с парадигмой христианского мессианства и психологически был понятен народу. Поэтому суровые тридцатые годы, о которых сегодня вспоминают главным образом в контексте чекистских репрессий, начали героическую эпоху — героев труда, героев освоения Арктики, затем — героев Великой Отечественной войны, а после неё — героев освоения космоса. При этом всегда в почёте была работа, подвиг — ратный или трудовой: «Человеку по работе воздается честь» —

слова Михаила Исаковского стали лозунгом советского периода нашей истории.

Но грянули лихие 90-е. В эти годы советский народ как национальная общность был разобран, понятие «честь» перестройщики, а за ними реформаторы ельцинской волны с помощью кино, телевидения и купленных журналистов постарались вытравить из сознания людей: героями экрана, эстрады и средств массовой информации стали бандиты, олигархи, проститутки, безголосые певцы и певицы, юмористы, шоумены... Имя им легион: «Закружились бесы разны». Такая категория, как «слава» была, по существу, изъята из социально значимого обихода и заменена популярностью. Но если слава лишена корысти, она бессребреница, то популярность, особенно в условиях рыночных отношений, — алчна, жадна и жестока, требует больших денег и сама делает большие деньги. Раскрученные продюсерами поп-музыканты становятся долларовыми миллионерами. Популярность пышно цветет в мире, где все продается и все покупается. Популярности ищут политики, они уже не самостоятельны в своих действиях и каждый свой шаг делают с оглядкой: если шаг в том или ином направлении ведёт к снижению рейтинга, они, как правило, сворачивают в сторону или даже на все сто восемьдесят градусов. Низкий рейтинг грозит потерей власти: деньги конвертируются в популярность, популярность конвертируется во власть. На этом построена вся система так называемых демократических выборов.

Парламентаризм в корне отличается от христианского понимания власти, согласно которому источник власти — Бог, а государственная власть — посредник между Богом и народом. Если во главе государства стоит царь, такой принцип правления называется единовластием, самодержавием. Это представление о власти родилось в Византии, было унаследовано от нее Московским царством, затем Российской империей и господствовало до февраля 1917 года. Главной целью революционного переворота, точнее, тех, кто его организовывал и стоял за спинами бунтующих толп, — было свержение Божьего Помазанника на троне и, как следствие, уничтожение Русской державы. Когда Чубайс заявляет, что «Февраль 1917 года мы не отдадим», он, выступая от имени ненавистников России, знает, что говорит.

Наша наука как-то не решается прямо сказать, чем были 90-е годы для нашей истории. Очевидно, слово «контрреволюция» неудобно для нынешней правящей элиты, поскольку вызывает инстинктивное отторжение у большинства на-

ших граждан, хотя это слово вполне адекватно определяет сущность того, что происходило в горбачевско-ельцинский период. Пока новому смутному времени не будет дана объективная оценка, мы не выработаем положительной национальной идеи, которая объединит народы России, и фактической господствующей идеологией останется социал-дарвинизм с его принципом «выживают самые сильные», а на поверку самые бесчестные и наглые.

Руководители революционных перемен в России, совершались ли они снизу, как в 1905—1907 и 1917 годах, или сверху — Иваном Грозным, Петром I, Горбачевым — Ельциным, — опирались не на титульную нацию, а на иностранцев или инородцев.

Известно, что Иван Грозный уничтожал древние русские боярские роды с помощью опричнины. Эта беспощадная царская гвардия появилась после женитьбы царя на Кученей, дочери кабардинского князя Темрюка. Следствием брака Ивана IV с Темрюковной стало то, что в ближайшем окружении царя появились и быстро набрали силу — военную и экономическую — азиатские кланы, связанные между собой родственными связями. «Все русские летописцы, — пишет историк Владимир Куковенко, — единодушно обвиняют Кученей в том, что она явилась главной вдохновительницей создания опричнины. Именно она зажгла «пожар лютости», что полыхал над Россией двадцать лет». Во главе опричнины был поставлен сын Темрюка — Салтанкул. Во главе опричных полков — Шейдяков (ногай) и Муртозалей (татарский царевич). Понятно, что они набирали полки преимущественно из своих соплеменников. Вспомним, что в «Песне о купце Калашникове» Михаила Лермонтова имя опричника — любимца царя Ивана Васильевича — Киребеевич. Были и русские опричники — князь Афанасий Вяземский, Алексей Басманов, его сын Федор... Но царь выдал их на расправу. «Похоже, что Салтанкул, — пишет Владимир Куковенко, — проводил безжалостные этнические чистки в своих рядах». Опричники изгоняли русских бояр и дворян с их земель, занимали чужие поместья. Так на Руси появились помещики Черкасские (Салтанкул — основатель этого дворянского рода), Салтыковы, Уваровы, Мурзины... Окружив себя новой гвардией, царь, как пишут ливонцы Таубе и Крузе, долгое время служившие в рядах опричнины, стал «подозревать всё население в измене». Как это переключается с замечанием выдающегося русского философа Александра Панарина, сделанным в работе «Горизонты глобальной гражданской войны»: «Народ находится на подозрении!»

Петр I, проводя реформы, ломавшие весь строй русской жизни, в значительной мере опирался на немцев. Итогом немецкого засилья стала бироновщина. При императрице Анне Иоанновне, когда Бирон правил Россией, при дворе первое место занимали немцы; во главе Министерства императорского двора стоял немец; в коллегиях президентами были немцы; во главе армии находились немцы. Учреждённая Бироном и Анной Тайная канцелярия была завалена политическими доносами. Вся страна боялась восклицания «Слово и дело!», которым начиналась процедура сыска. Царил террор. Ссылка в Сибирь была самым лёгким наказанием: многих секли кнутом, многим резали язык, многие погибали под секирою палача; немало было и колесованных. Князя Артемий Волынский, Иван Долгорукий и его родственники были преданы мучительной казни. Клириков, в том числе архиереев, протестовавших против попыток изменить по немецкому образцу православные обряды и таинства (делами церкви распоряжался тогда лютеранин Остерман), сажали на кол...

Грянул 1917 год. В карательном аппарате тех, кто пришел к власти после Октябрьского переворота (в большевистской опричнине), славяне составляли явное меньшинство. Так считают не только представители русской патриотики. Сошлюсь на мнение популярного латышского композитора Раймонда Паулуса. Когда его обвинили в том, что он предался русским и является предателем латышского народа, маэстро ответил: «Я изучал то, что происходило в 1917 и 1918 годах. Кто был главными убийцами? Наши соотечественники. Что они творили на Украине? Кто сформировал весь этот чекистский аппарат? В основном наши и евреи, хотя они и были потом сами ликвидированы. Кто отстаивал ту революцию? И кто служил в охране Кремля? Латышские стрелки».

В процессе захвата власти, когда — повторю слова Александра Сергеевича Панарина — титульная нация берется под подозрение, новая элита выдает своеобразный социальный заказ на отсутствие чести, на предательство и ненависть. Предатель, чтобы оправдаться в своих глазах, обязан ненавидеть то, что предает. Происходит развенчание прославленных исторических личностей, являющихся опорными для нашего национального самосознания.

Контрреволюция Горбачева—Ельцина, катастрофические политические и социально-экономические последствия которой до сих пор не преодолены, поставила страну перед ситуацией, когда, по меткому замечанию журналистки в газете «Православная Москва», не народ меняет правительство, а правительство меняет народ. В информации, размещенной

в Интернете со ссылкой на консультанта одного из силовых ведомств, говорится о том, что в сегодняшней Москве русских насчитывается 31 процент, а представителей мусульманских народов — 33 процента.

Но если мусульманские роды, переселившиеся в Россию при московских царях, принимали православную веру, впитывали русский быт, русскую культуру и уже через два-три поколения становились русскими (Николай Яковлевич Данилевский, создавший теорию культурно-исторических типов, где особое место отводил России и славянству как особой цивилизации, писал, что у русского народа есть «уподобительная сила», способность «претворять в свою плоть и кровь инородцев, с которыми приходит в соприкосновение или столкновение»), то сегодня этого не происходит. Мусульманские диаспоры во всем мире, в том числе и в нашей стране, демонстрируют устойчивость, показывая несостоятельность мультикультурных проектов.

Титульный русский этнос ослаблен, возможность его воздействия на иные народы «мягкой силой» — культурой — искусственно ограничивается: русскому языку и литературе в образовательных программах отводится все меньше часов, книгоиздательское дело захвачено дельцами от искусства. «Вот и получается, — пишет историк, политолог, директор Центра русских исследований Московского гуманитарного университета Андрей Фурсов, — что функцию литературы начинает выполнять антилитература (акунины-донцовы), культуры — антикультура (от «Дом-2» до версии «Руслана и Людмилы» в «режиссуре» Д. Черныкова)... Короче говоря, тень перестала знать свое место, на марше «живые мертвецы».

«Смена народа» элитой, которая пришла к власти после распада Советского Союза, не может не угрожать самой власти: в результате она рискует окончательно лишиться социальной базы, и без того крайне урезанной перестройкой и либеральными реформами. На протяжении многих лет в России происходило понижение авторитета власти — процесс, губительный для нашей страны. Он порождает апатию ее граждан, делает многих равнодушными к судьбе государства, в котором они больше не видят своего защитника и сосредотачивают все свои силы на личном выживании.

Сегодня можно сказать со всей определенностью: опыт парламентской законодательной власти в постсоветской России (так же, как учреждение Государственной Думы Российской империи в 1905 году) принес нашей стране слишком много издержек, чтобы признать его состоятельным.

Мы не та страна. Россия исторически тяготеет к единодержавию — в силу своих тянувшихся из Византии религиозных представлений о сакральности власти, в силу своих исторических традиций. Диктатура Сталина была не следствием «тиранических» качеств вождя, она была объективно обусловлена — во-первых, необходимостью управлять огромной страной в условиях враждебного окружения, во-вторых, — необходимостью искать социальную опору в широких народных массах и учитывать тот образ власти, к которому они, сотни лет жившие в условиях единодержавного правления, тяготели.

Демократия в Европе и Соединенных Штатах вступила в углубляющийся системный кризис, дальнейшее развитие которого ведет к ее перерождению в свою противоположность — либеральный фашизм. Частная жизнь на Западе подвергается всё более жесткой и мелочной регламентации. Страх населения перед террористами власти использовали для контроля над личностью, грозящий превратиться в тотальный. Прослушивание телефонных разговоров и перлюстрация электронной почты, имплантирование чипов под кожу — всё это стало обычным делом. Английская пословица «Мой дом — моя крепость» потеряла смысл: ювенальная юстиция бесцеремонно вторгается в детско-родительские отношения, причем отнюдь не с целью выполнения библейской заповеди «чти отца твоего и мать твою». Обывателю внушили, что свобода сексуальных извращений — есть высшее торжество демократии. Одновременно в европейских городах стремительно растет население мусульманских диаспор, а там господствуют законы шариата, для которых гомосексуализм и педофилия — преступления, карающиеся смертной казнью. Война между цивилизациями, которую предрекал американский политолог Самуэль Хантингтон, грозит превратиться в гражданскую войну внутри самого Запада.

Русский взгляд на свободу в корне отличается от западного, он не сводится к демократии, которая, по сути дела, является результатом цифрового, количественного и потому механистического подхода, характерного для европейского типа мышления, довольствующегося внешним. Восток больше ценит свободу внутреннюю. Борьба за свободу здесь, прежде всего, — борьба с грехом, порабащившим человека. «Где Дух Господень, там свобода» (Кор. 3.17). Свобода от греха. И напротив, свобода, к которой движется западная демократия, — это свобода для греха, свобода быть слугой дьявола. Не зря сегодня на Западе доминирует антихристианс-

кий дискурс: британские власти не разрешают открытое ношение нательного креста; Европейский суд по правам человека запрещает распятия в школах Италии. В городе Росберг американского штата Орегон 26-летний Крис Харпер Мерсер застрелил девять и ранил семь человек только за то, что они назвали себя христианами. Появление серийного убийцы не назовешь случайным в странах, где главный праздник католиков — Рождество — запрещено называть Христовым, зато празднуется с национальным размахом сатанинский Хэллоуин, который, по наблюдениям протоиерея Димитрия Дудко, несколько лет прожившего в Англии, «проповедует патологическую агрессию».

Функция государства, в соответствии с представлением православных христиан, — создавать и оберегать пространство спасения для своих граждан, у которых, как выразилась одна болгарская монахиня, «есть только одна свобода: свобода быть рабами Божьими». Такое представление опять-таки идет от Византии. Его впечатляющей иллюстрацией служит построенный 1400 лет назад Юстинианом Великим храм Святой Софии в Константинополе: огромный, как бы парящий в небе купол — образ неба и одновременно связи небесного и земного, символ мощной империи, под твердью которого совершается спасение его подданных, подданных царства Нового Завета, превосходящего ветхозаветное Иудейское царство. Недаром, построив собор, Юстиниан, имея в виду знаменитый Иерусалимский храм, воскликнул: «Соломон, я победил тебя!»

Христианский Восток приобрел многовековой опыт внутренней — «тайной свободы», говоря словами Пушкина. Сильная государственная власть ей не могла препятствовать даже в условиях цензурного гнета. Одним из проявлений этой свободы является взлет русской литературы в XIX веке, в период, который в исторической литературе принято называть «николаевской реакцией». Характерно, что внешняя — «явная свобода», наступившая после развала СССР, не дала ничего сравнимого с творческими вершинами русской и советской классики.

Сегодня Россия медленно, но всё же возвращается на свой особый путь. Можно сказать, что она вступает в стадию «постсоветского термидора». Наша страна снова усваивает функцию «удерживающего», противостоя усилиям Запада, и прежде всего США, отбросить историю назад.

ЗА РЕФОРМОЙ ОБРАЗОВАНИЯ РФ СТОЯТ СПЕЦСЛУЖБЫ США

Ольга Четверикова: Чем больше мы начинаем узнавать о том, как происходит наша так называемая реформа образования, тем больше складывается картина, что проект этот готовился очень давно, разрабатывался очень детально, причём и стратегически, и тактически. И не случайно многое из того, что происходит сегодня, заимствовано из немецкого плана «Ост» — обширного проекта, который в том числе касался и системы образования. Мы знаем прекрасно, что американская разведка использовала те наработки, которые были у немецкой разведки, работавшей на восточном фронте. Поэтому многое из того, что сегодня реализуется, очень напоминает как раз детали того плана.

Дмитрий Перетолчин: На основе разработок Гелена появилось ЦРУ.

ОЧ: Да, он принимал самое непосредственное участие в создании ЦРУ. Сегодня это тем серьёзнее и опаснее, что теперь задействованы уже новейшие технологии, которых раньше не было. Благодаря этим рассчитанным на полную дезориентацию человека техно-

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

гиям, люди зачастую даже не понимают, что происходит. Но нужно говорить о том, как именно спецслужбы участвуют в реформировании нашего образования, а точнее — в упразднении образования как такового. Последствия этих так называемых реформ настолько разрушительны, что уже даже люди, далёкие от политики, начинают понимать, что речь идёт о чём-то более серьёзном, нежели просто о перестройке.

ДП: Но люди, близкие к политике, почему-то продолжают закрывать глаза на это.

ОЧ: А люди, близкие к политике, либо в этом участвуют, либо именно так и мыслят себе этот новый мир. То есть кто-то участвует сознательно, прекрасно понимая, что речь идёт об уничтожении, а кто-то участвует, потому что думает, что таким образом он приобретёт к этому новому миру, потому что этот мир может быть только таким и никаким иным.

Начать надо с того, что, во-первых, сегодня идут очень важные процессы в общественной жизни мирового сообщества, которые в первую очередь проявляются в США и без понимания которых мы не поймём, что происходит у нас. Мы уже неоднократно подчёркивали, что речь идёт о тотальной приватизации всех сфер общественной жизни, не только собственности, но и социальной сферы. Приватизация государства, которая осуществляется путём передачи функции государства частным структурам, — это очень важный момент, можно сказать, ключевой.

Осуществляется это разными методами. Наиболее распространённый — частно-государственное партнёрство, процесс, который в США идёт полным ходом где-то с конца 90-х — начала 2000-х гг. Там государство реально фактически превращается в простой инструмент транснациональных корпораций, которые начинают присваивать себе те функции, которые раньше выполнял государственный аппарат. То есть и раньше он всегда служил корпорациям, но сегодня речь идёт о том, что вместо государственных структур начинает действовать ответвление самих корпораций, что фактически означает окончательное размывание границ между государством и частным сектором.

Второй очень важный процесс, который происходит в Америке, — это размывание грани между военным и гражданским секторами. Тот военно-промышленный комплекс США, который у нас раньше очень серьёзно изучали, чего сегодня, кстати, не делается, превращается в единое сообщество, некоего монстра, в котором размываются границы между финансовой, военно-разведывательной и образовательной сферами США. Поэтому любая корпорация работает на нацио-

нальную оборону США, любая корпорация может стать фактически квазигосударственным образованием, потому что именно частные фирмы становятся государственными подрядчиками и берут на себя функции государства.

Следующий важный для нас момент в том, что в это разведывательное сообщество органично входят американские университеты. В них и раньше осуществлялись разработки фундаментальной науки, но сегодня, в силу того, что меняются эти принципы деятельности военно-промышленного комплекса, они приобретают всё более важную роль. Потому что сама по себе американская система высшего образования серьёзно отличается от нашей системы образования, и большей частью американские университеты — это частные структуры, частные корпорации, которые управляются своими советами, попечительскими советами, куда входят богатые выпускники этих университетов.

Они, с одной стороны, продают знания (дипломы), с другой — выполяют за деньги исследования по заказу структур и тех же частных корпораций, например, по заказу DARPA — Агентства передовых оборонных исследовательских проектов, которое является агентством Пентагона. И очень большая часть университетов работает на эти заказы, то есть на военно-разведывательный комплекс. Это нужно очень хорошо понимать. Американцы в своих новых стратегиях развития подчеркнули, что сегодня война происходит во многих сферах, важнейшей из которых, кроме информационно-психологической, они считают сферу поведенческого противоборства, когда изменяются те ценности и культурные нормы, которые формируются на глубинном, иррациональном уровне и закладываются в процессе образования.

ДП: Поэтому для реформ так важна именно образовательная сфера...

ОЧ: Это та сфера, которую они не могли полностью контролировать. Поскольку советская система образования отличалась глубокой укоренённостью в традиционной культуре, так просто перестроить её было крайне сложно, поэтому её перестраивали постепенно. Именно сфере образования и религии они сегодня уделяют ключевое внимание, для них это сфера войны, это сфера противоборства. Это у нас образование воспринимается как одно из направлений социальной политики, у американцев — нет.

Сегодня мы видим, что в процессе образования можно тотально перестраивать сознание людей, молодёжи и фактически заново формировать сознание детей дошкольного воз-

раста. А учитывая, что наше дошкольное образование теперь включено в процесс непрерывного образования — а это дети от двух месяцев и до семи лет, то когда они наше образование ставят под свой контроль, то мы прекрасно понимаем, что фактически мы теряем своих детей. Потому что одно дело перестраивать сознание подросткам и молодёжи, которые всё-таки имеют какой-то уже накопленный багаж знаний о традиционной культуре через песни, через сказки, через литературу, через советские фильмы, и другое дело — дошкольное образование. То, что заложится в два-три года, то потом и останется как матрица.

Поэтому сегодня сфера образования становится главным полем противоборства. И американские университеты играют в этом двойную роль. Во-первых, именно через ведущие американские университеты осуществляется интеграция наших университетов в глобально-образовательный рынок; вторая миссия — это тотальная перестройка сознания, и именно в американских университетах разрабатываются такие программы, которые потом реализуются, с использованием различных методик, здесь, в России.

То есть первая задача — это интеграция нас в глобально-образовательное пространство, которая должна работать на транснациональный бизнес, а не на Россию, а вторая — это перевод людей на совершенно другую систему ценностей, перестройка или формирование мировоззрения. И тут мы уже входим опять-таки в сферу религиозную, потому что мы прекрасно понимаем, что речь идёт о том, чтобы подготовить людей к принятию глобальной системы управления и мирового верховного правителя.

И если мы будем говорить о внедряемой сегодня системе ценностей, о том мировоззрении, которое лежит в основе экономической и политической деятельности «хозяев» мира, то мы опять приходим к тому самому, о чём мы с вами уже говорили много раз, — это трансгуманизм. Почему речь идёт о трансгуманизме?

Потому что сегодня так называемая экономика Запада, пройдя несколько этапов — первый, второй, третий и прочие технологические уклады, подошла к так называемому шестому укладу. Если мы попытаемся всё-таки понять его сущность, то выясняется такая очень страшная вещь: раньше развитие техники и экономики работало на то, чтобы создать человеку благоприятные условия жизни, то есть было направлено на изменение условий жизни человека.

Сегодняшние же технологии направлены на изменение самого человека и его сущности. То есть речь идёт об изменении телесной и духовной природы человека — именно в этих целях используются новейшие технологии — НБИК-технологии: нано, био, информационные и когнитивные. Конечно, по ходу они создают ещё более комфортные условия для жизни немногих, но ключевое направление — это изменение человека как такового и превращение его в некий биообъект и основной источник прибыли.

ДП: И университеты являются ступенькой этого образования.

ОЧ: Речь идёт о демонтаже образования, потому что теперь вместо образования внедряется система по наполнению человека определёнными компетенциями. Само же образование упраздняют. Все 90-е годы его меняли, постепенно устранив то одно, то другое. Вначале ввели эти федеральные стандарты, которые заменили знания компетенциями, потом ввели ЕГЭ, потом Болонскую систему. Потом начали приватизировать и переводить на платные определённые услуги. Всё это делалось постепенно. Но завершающим этапом, на котором российское образование должно быть переведено уже в глобальное, стали документы последних лет. Речь идёт, конечно, в первую очередь о принятой в 2011 году «Стратегии инновационного развития РФ» до 2020 года, который представляет собой очень важный рубеж.

Инновация — это обновление, и ключевым направлением этого обновления стала система образования. Образованию в этом документе уделено главное внимание, а в первом варианте «Стратегии...» тому, что необходимо создавать обновлённого человека, посвящена целая глава — «Инновационный человек». Говорится о том, что необходимо формировать человека, который должен стать адаптивным к постоянным изменениям, быть производителем этих изменений, обладать предпринимательским духом и т.д., то есть, действительно, речь идёт о формировании нового человека на новых принципах, причём делать это надо с дошкольного возраста, с самого раннего детства.

Дальше там говорится, что нашему образованию необходимо переходить на международные стандарты, привлекать международных иностранных специалистов, повсеместно использовать английский язык, и всё в том же духе. То есть международному фактору уделяется главное внимание.

ДП: А в преподавании приоритет отдаётся английскому языку.

ОЧ: Да. В вузах с 2013 года реализуется проект «5-100-20», в соответствии с которым треть программ в недрах университетов должна быть на английском языке, и эффективный контракт, в соответствии с которым оплата педагогов связана с тем, насколько активно они применяют английский язык, пишут учебники на иностранном языке, читают лекции на иностранном языке и в иностранных вузах. В некоторых вузах уже даже языковая подготовка аспирантов на уровне, который раньше давал институт иностранных языков.

Речь идёт о том, что по программе «5-100-20» статус английского фактически такой же, как у языкового вуза, в котором иностранный язык изучается как главный предмет. Аспиранты в этих вузах, чтобы пройти экзамен по иностранному языку, должны даже опубликовать статью в аспирантском сборнике на иностранном языке. То есть его научная работа должна быть на английском языке, и это условие и для технарей, и для медиков.

ДП: Чтобы иностранным наблюдателям было удобнее отбирать нужных людей и их работы.

ОЧ: Всё так. В соответствии с инновационной стратегией были приняты программа «Развитие образования» на 2013—2020 гг. и Концепция целевой программы развития образования на 2016—2020 гг., утверждённая в декабре 2014 года. Там прописано, что главное — это формирование конкурентоспособного человеческого потенциала, что образование должно быть конкурентоспособным на мировом образовательном рынке. И ничего не говорится о формировании образованной и развитой личности, служащей Отечеству, о формировании патриотов.

Там таких слов и понятий даже нет. Основным инструментом активного встраивания нас в этот глобальный рынок и является проект «5-100-20», который предусматривает включение пяти вузов России в 100 лучших вузов мира в соответствии с мировыми рейтингами. Проект реализуется согласно постановлению правительства (март 2013 г.), которое предусматривало создание совета для осуществления отбора этих вузов на конкурсной основе. Хочу подчеркнуть, что это — постановление правительства, а Дума, законодатели об этом очень плохо информированы, если вообще информированы.

Затем распоряжением правительства утверждается и состав совета по конкурентоспособности, куда вошли шесть представителей России, включая Ливанова, Грефа, и 7 иностранцев — среди них глава Сколтеха Эдвард Кроули, который является профессором Массачусетского университета и членом консульсативного комитета NASA — ведомства

федерального правительства США, работающего в тесной связи с Пентагоном. Фактически этот международный орган и стал управлять проектом.

Конкурс прошёл, было отобрано 15 вузов (а это лучшие, главным образом технические вузы, имеющие стратегическое значение), которые стали получать государственную поддержку, обусловленную переходом их на международные стандарты, в которых главный показатель — это определённый процент иностранных специалистов и иностранных студентов, соответствующие программы, организация и система управления и т.д. Так началась тотальная перестройка наших вузов, и заседание совета по конкурентоспособности, прошедшее в октябре прошлого года, как раз подтвердило, что речь идёт о смене русского менталитета.

Так, выступавший там член совета Майкл Кроу, президент университета штата Аризона, заявил, что «хорошо уже то, что университеты, даже просто участвующие в конкурсе, изменяют своё мышление, независимо от того, выиграют они или нет». Потому что для того, чтобы в этом конкурсе участвовать, необходимо произвести изменения в соответствии с критериями рейтингов. Далее то же самое сказал Ливанов: «Работающие в этих вузах заметно меняются, они говорят другим языком, они принимают другие решения. Это не ради рейтингов. Речь идёт о более важных институциональных изменениях». А заместитель председателя совета Андрей Волков отметил: «Очевидно, что проект «5-100» становится более заметным и растёт интерес со стороны университетов».

То есть для них проект должен стать моделью, по которой будут трансформированы остальные университеты. В октябре 2015 года в проект вошло ещё шесть вузов, и, похоже, дело идёт к тому, что к нему будут присоединяться и другие, а остальные, не вписывающиеся в стандарты, будут просто упразднены. Осуществляется это путём объединения региональных вузов в опорные университеты, при котором происходит их полная реорганизация, ликвидация целых направлений, сокращение преподавательского состава и т.д.

Согласно комментариям представителей ВШЭ (Высшая школа экономики), которые участвовали в разработке Концепции целевой программы развития образования на 2016 — 2020 гг., 40% вузов и 80% филиалов вузов будут упразднены. Далее было сказано, что появится целая сеть инновационных центров для общеобразовательной школы, и 95% педагогов дошкольного образования должны перейти на новую методику обучения. А кто не будет соответствовать новым требованиям — тот уйдёт.

Дальше мы видим следующее: в 2014 году по инициативе НИУ ВШЭ вузы из проекта «5-100» создают Ассоциацию «Глобальные университеты», которая приняла свой устав, в котором сказано, что это НКО, не ставящая своей целью получение прибыли, но могущая заниматься предпринимательской деятельностью. Управляется эта некоммерческая организация советом, который выбирается собранием, а во главе этого совета стоит ректор НИУ ВШЭ — Кузьминов.

Кроме того, в совет могут входить представители четырёх министерств: министерства образования, финансов, труда, экономразвития и ФМС. Каким образом всё это оправдано с точки зрения правовой — это, конечно, разбирать нужно юристам, но получается, что всё это создано без какого-либо участия законодательного органа власти, который об этом очень плохо информирован. А речь идёт, повторю, о лучших вузах, то есть тех, которые должны обеспечивать подготовку кадров для нашего ВПК.

ДП: Которые завтра будут обеспечивать конкурентоспособность этого самого ВПК...

ОЧ: Туда входят стратегические вузы, которые, оказавшись в Ассоциации «Глобальные университеты», встраиваются в глобальный рынок образовательных услуг. В каждом вузе создаётся свой международный отдел или отдел по международному сотрудничеству. И если раньше такой отдел существовал в Министерстве образования, теперь эта функция передана самим институтам, координируемым из единого центра, который должен всё унифицировать. Сейчас создан единый центр по набору зарубежных студентов, к 2020 году программа предусматривает, что не менее 10% преподавателей будут иностранцы, 15% студентов также будут из-за рубежа.

Мне, к примеру, рассказывали, что уже сейчас в Дальневосточном университете ликвидированы некоторые факультеты, вместо которых созданы исследовательские институты, где треть программ преподаётся на иностранном языке. Чтобы снизить процент студентов, поступающих из России, завышаются требования к результатам ЕГЭ, в силу чего растёт число иностранных студентов: монголов, китайцев и других. В некоторых университетах ректора выбирает международный совет...

ДП: Если некий международный совет выбирает ректора в российском государственном вузе, то, по сути, через финансирование берётся под международный контроль определение направлений исследований.

ОЧ: Да, в финансировании этих вузов всё активнее участвуют частные и корпоративные фонды, агентства международной помощи, двусторонние и международные организации. То есть создаётся некая транснациональная образовательная бизнес-структура, которая превращается в канал по перекачке наших мозгов и наших технологий на Запад. Весь этот процесс курируют три структуры: ВШЭ, Сколково и Агентство стратегических инициатив (АСИ). В Сколково этим проектом непосредственно занимается созданная в 2006 году Московская школа управления Сколково. Достаточно зайти на её сайт, чтобы увидеть, какие программы они уже реализуют.

Например, в рамках форсайт-проекта «Образование 2030» к 2020 году должны быть созданы новые профессии — энергоаудиторы, сетевые врачи, ГМО-агрономы, IT-генетики, биоэтики, сетевые юристы, дизайнер виртуальных миров, архитекторы виртуальности, дизайнер интерфейсов, IT-проповедники, проектировщик мира интерфейсов, организатор интернет-сообществ, эксперт образа будущего ребёнка, специалист по детской безопасности, архитектор трансмедийных продуктов. В сфере образования: модератор, тьютор, игромастер, ментор стартапов, разработчик инструментов обучения состояниями сознания, координатор образовательных онлайн-платформ. Финансовый сектор: менеджер фонда прямых инвестиций в талантливых людей, мультивалютный переводчик, оценщик интеллектуальной собственности и так далее...

ДП: ГМО-агрономы проанонсированы, значит, запрет на ГМО у нас в стране в будущем отменят.

ОЧ: Не знаю, будет ли написано в дипломе «ГМО-генетик», но компетенция такая утверждена. Этим форсайт-проектом «Образования 2030» занимается именно АСИ. Дмитрий Песков, один из активных его участников, раньше работал в фирме «Метавер», которая и разрабатывала проекты образования будущего. И в одном из интервью, появившемся до создания АСИ (создано в 2011 г.), Песков говорит: «Это не классическое образование, это форма баркемпов».

То есть это неформальная конференция, когда те, кто хочет, сами собираются, всё это потом выкладывают в Интернет, то есть делается так, как придумано в Силиконовой долине. Дальше он говорит: «Это похоже на то, что делает Сердюков в армии». Тогда ещё Сердюков был министром и разрушал наше военное образование, и Песков это приветствовал, потому что, как он выразился, «То, что сгнило, то надо убирать». По их планам, меняться должна вся система образования.

Университеты будут работать по принципу венчурных фондов. Вместо преподавателей будут проповедники, экзамены заменятся метаиграми, защита дипломов будет в виде презентаций, а сам диплом как документ не должен существовать, так как студенческий билет выдаётся на всю жизнь. То есть человек начинает это образование и дальше может выбрать университет и учиться, где сколько нужно, потому что он обучается на протяжении всей жизни. Главное — свести вместе студента и бизнес-инвестора, чтобы проект, который разработал студент, мог реализоваться в каком-то бизнесе.

Образование станет асинхронным, в университет поступают командами, разрабатывают какой-то проект, защищают его, затем его выкупает инвестор и всё — можешь переходить в другой университет. Такая модель существует в Институте сингулярности, созданном компанией Google и NASA и реализующем трансгуманистические проекты.

ДП: Они «заточили» образование строго под создание и отбор экономически оправданных изобретений, мировоззрению в этом образовании нет места.

ОЧ: Именно так. Об этом откровенно заявил профессор Московской школы управления «Сколково» Павел Лукша во время официального открытия форсайта «Глобальное будущее образование». «Классическое образование не удовлетворяет нуждам постиндустриального общества... растёт запрос на получение не набора общих знаний и умений, а строго определённых навыков». То есть всё, что не приносит дохода, как наше гуманитарное, историческое образование, к примеру, то просто не нужно.

Отсюда такое отношение к русскому языку, при котором в школе оставили 2 часа в неделю. Естественно, не нужна история, не нужны гуманитарные предметы, которые учат думать и формируют сознание человека, его мировоззрение. Только через историческое мышление и через историческое образование мы можем осознать, кто мы есть, понять себя, понять само общество, смысл и содержание общественных процессов. А вместо этого нам навязывают трансгуманизм, который нацелен на изменение человеческой природы, телесной и духовной, который формирует постчеловеков, киборгов. На этом этапе всё и смыкается, упразднение образования — это трансгуманистический проект.

Думаю, крайне важно здесь подчеркнуть, что одним из ключевых механизмов перестройки сознания и демонтажа нашего образования как такового является онлайн-обучение. Когда обсуждали концепцию дистанционного образо-

вания в 2014 году, то объясняли, что если будет введено дистанционное образование, то многие вузы будут упразднены.

То есть убираем вузы классические, вместо них вводим это дистанционное обучение. И Песков, кстати говоря, сказал очень важную вещь. Он сказал, что образование в будущем будет двух видов — дистанционное и человеческое. Дистанционное будет дешёвым, а человеческое будет дорогим. Значит, элита оставляет себе классическое образование, человеческое, а для серой биомассы введут дистанционное обучение.

Но самое главное в другом. Недавно Эрик Шмидт, глава Google, сказал такую вещь, не очень понятную, что Интернет скоро умрёт. То есть Интернет уже неэффективен для осуществления связи между конкретными людьми, и поставлена задача — создать нейронет. Что это такое? Если Интернет позволяет соединять людей с помощью ноутбуков, смартфонов и всего прочего, то нейронет — это прямая связь между мозгом одного человека и мозгом другого человека.

Вживляется чип, и этот чип даёт возможность людям непосредственно общаться, даже на эмоциональном уровне. Далее создаётся целая сеть, управляемая из одного центра, которая даёт возможность уже непосредственно и полностью контролировать сознание того или иного человека. Создание и внедрение нейронета предусматривает разработанная в России программа мер по формированию принципиально новых рынков, которая называется Национальная технологическая инициатива (НТИ). В её разработке участвует, хочу это подчеркнуть, Министерство образования и науки.

Нейронет — это одна из наиболее активно продвигаемых программ, которую в первую очередь будут применять на наших детях, так как подчёркивается, что она очень эффективна для использования в процессе обучения, и, конечно, речь идёт о дистанционном обучении. Это новейшее достижение, которое ставит крест на каком-либо классическом образовании и вообще на образовании как таковом, потому что вместо образования создаётся просто инструмент по контролю за сознанием через чипирование, то есть подготовка человека к принятию всемирного электронного государства и мирового правителя, если говорить языком геополитики.

ДП: Вернёмся к плану «Ост» в качестве итога. Советский Союз был побеждён не силой оружия, а, скажем так, когнитивными средствами, и то, что происходит сейчас, — это их очередная модификация, в которой выбрана социальная группа — дети, и выбран инструмент — образование.

Дальше нужно просто спокойно «образовывать» их лет десять, а когда вырастут люди, обучаемые через нейронет, стра-

на будет лишена своего суверенитета бескровно, естественным путём, через обучение и смену мировоззренческой парадигмы, вот только одуматься нейронет следующему поколению уже не позволит, потому что такая программа устанавливает не только связь между людьми, но и контроль за этой связью из одного транснационального центра.

Институт высокого коммунитаризма

Леонид СИМОНОВИЧ-НИКШИЧ

МУЧЕНИЦА АНАСТАСИЯ

Гульчехра Бобокулова утверждала, что в убийстве трёхлетней Анастасии виновата «измена» её, Гульчехры, узбекского мужа. Муж, я думаю, здесь ни при чём. В Узбекистане, как и в любой мусульманской стране, перейти из первой жены его во вторую — никакой не позор. Жен может быть и больше. Третья, четвёртая... И если женщина поднимет бунт против мужа, то пострадает, причём сильно, она, а не муж... Так что «измена мужа и любовно-семейные страсти» — это выдумки безграмотных журналистов.

А вот *жертвоприношение* Молоху — это, да, это очень даже «при чём». Причём, именно Молоху, или, по-другому, древнему ханаанскому божку Вилу, как и кровавому Веельзевулу, тут точно имеет место. Но никак не Аллаху. Ибо в Коране Аллах не требует отрезать головы христианским младенцам. А Молох требовал. И перед нами типичное древнейшее жертвоприношение невинного агнца этому кровавому восточному демону. Не убийство, а именно *жертвоприношение*. И подтверждающим это доказательством является убийство Царской Семьи в 1918 году. Там тоже Святым Царственным Мученикам сначала *отрезали головы*, а потом *сожгли их тела*. На языке древних религий это так и называется — *Жертва всесожжения*.

И все «элементы», т.е. обряды этой религии Молоха исполняются боевиками сатанинской ИГИЛ на глазах всего

мира. Христианам *отрезают ритуальным ножом головы*, и мы видим эти картины на экранах телевизоров. А других христиан *сжигают живыми в клетках*, как когда-то живых сжигали во чреве металлического быка...

Сейчас, конечно, будут говорить, что, мол — ревность, страсть, любовь, разбитое женское сердце... Только всё это — пустая демагогия. Налицо все, абсолютно все элементы *ритуального религиозного жертвоприношения*. Причём самого древнейшего, ещё эпохи матриархата, когда жрецами, точнее жрицами, кровавых культов были именно женщины. Видимо, эта же Гюль... - чуть было не написал Гюльчатая, помните: «Гюльчатая, открой личико!» — вот она и открыла... Видимо, долго Гюльчехра Бобокулова вынашивала это *жертвоприношение*. Конечно, у неё были наставники — руководители из ИГИЛа. Отсюда и чёрные одежды — ритуальные облачения и специально привезённый ритуальный нож для заклания жертвенного агнца, и поджог — всеожожение — квартиры. Отнюдь не из-за мести, и не для того, чтобы скрыть труп, как писали либералистичные шелькоперы. Вспомним и этот вброс: якобы «царские трупы сжигали, чтобы скрыть следы преступления». Нет, их сжигали на *жертвеннике*, чтобы принести эту самую жертву *всеожожения*, и чтобы кровавый божок Молох вдыхал «воню», т.е. «аромат» от тел сжигаемых агнцев... Так и тут. Поджог квартиры был произведён именно как *всеожожение тела* жертвенного агнца.

Потом камера зафиксировала, как женщина в чёрном уверенно-устремлённой, а отнюдь не панической походкой выходит из подъезда и поворачивает налево. Это она идёт выполнить последний *шахидский*, т.е. «священный» акт, без которого жертвоприношение теряет смысл. Его надо обнародовать, т.е. предъявить миру. И для своих, верных, и для кяфилов — «неверных», и, главное, для того демона, которому была принесена жертва. И вот фигура в чёрном подходит к станции метро «Октябрьское поле», держа в поднятой руке отрезанную голову русской девочки Насти, чтобы ее все увидели. И кричит: «Аллах акбар!» — т.е. Аллах велик! Это и есть законченный последний обязательный акт религиозного ритуала. Неверные «кяфиры» должны это увидеть, узнать и ужаснуться. И религиозный ужас, проникнув в их кровь, должен сковать их сердца непреодолимым, лишаящим воли страхом, тем религиозным страхом, который древние называли «хоррором». От этого «хоррора» и происходит слово «террор», т.е. панический, лишаящий воли, страх и ужас.

Вот смысл всего, что произошло утром в понедельник 29-го, в последний день февраля 2016-го високосного года, в

квартире недалеко от станции метро «Октябрьское поле». Через несколько дней после мужского воинского праздника Дня Защитника Отечества. Кстати, отсюда, от станции метро «Октябрьское поле» обычно отправляется традиционный «Русский марш»... А само жертвоприношение совершено на улице Народного Ополчения.

Чтобы преодолеть произведённый террористкой Гульчехрой Бобокуловой древний ритуальный ужас — а цель её жертвоприношения, повторяю, именно в этом, — необходимо сплачивать духовно всех Русских людей для отпора надвигающемуся на нас из глубин Азии древнему духу тотального террора, развязанного во имя демона Молоха.

Хотя, конечно, ничего нового в этом очередном жертвоприношении нет. Ведь то же самое не раз совершалось с нашими солдатами в Чечне, со святым воином Евгением Родионовым и тремя его сослуживцами. Им также тогда — ритуально — отрезали голову... Теперь в душе русского народа воин Евгений Родионов так же, как и Царственные мученики, прославлен как Святой мученик.

И вот теперь беззащитный страдалец — больной ребёнок, девочка с именем, означающим Воскресение Христово, — Анастасия, тоже настоящая новая святая мученица, кровью своею зовущая русских к священному русскому единению. Хотя вновь предчувствую, что, как и в случае с Евгением Родионовым, будут голоса: «Ну, какая такая ещё мученица? Да и где доказательства религиозного ритуального убийства?..» Да, тяжело победить эту древнюю фарисейскую закваску.

Людмила РЯБИЧЕНКО

ЯКОБЫ ПОСМЕРТНОЕ ДОНОРСТВО...

Современная реальность зачастую такова, что открытыми глазами взглянуть на неё страшно. В информационную эпоху человек оказался не готов к этим вызовам, ему уже становится не по силам не только разобраться в происходящем, но

даже порой просто зафиксировать изменения, скорости которых предельно высоки.

Одной из самых острых проблем последнего времени является т.н. «посмертное» донорство. К сожалению, настоящую правду о нём многие узнают, лишь столкнувшись с ним в своей личной ситуации.

При этом важно подчеркнуть, что речь не идёт обо всей трансплантологии, которая даёт возможность помочь тяжёлому больному, пересадив трупную или родственную почку или костный мозг, — здесь всё открыто, и все понимают, что именно происходит. «Посмертное» донорство — иная сфера, в которой изначально заложены ложные посылы и извращённые основания.

Когда нам говорят о том, при этом процессе органы жертвуются тогда, когда, по определению, они уже не нужны, и даже ссылаются на «одобрение Церкви», правда, католической — мол, в Испании на дверях церкви размещались таблички с надписью: «Не берите свои органы на небо. Оставьте их здесь, они пригодятся на земле», — то осуществляют громадную мистификацию, потому что в реальности никакого посмертного донорства не существует.

Создаваемое на наших глазах ложное понятие о т.н. «посмертном» донорстве базируется на двух принципах — «смерть мозга равна смерти человека» и «презумпция неиспрошенного согласия».

Это — принципиальное отличие от наших прежних представлений о смерти человека: если прежде он считался мёртвым, когда у него не было дыхания, сердцебиения, отсутствовали рефлексы, зрачок не реагировал на свет, присутствовало трупное окоченение и трупные пятна, то с принятием новых критериев для «зачисления в покойники» стало достаточно быть без сознания, хотя и дышать при этом.

Причиной «смерти мозга» (комы) может стать авария, травма головы, инсульт, отравление токсическими веществами, эндокринный криз; при этом постепенно из зоны внимания врачей исчезло представление об обратимом или необратимом характере комы.

В сфере медицины вдруг неожиданно образовалась новая «форма жизни»: человек ещё жив, но врачами уже сочтён мёртвым — он переходит в разряд потенциальных доноров; а если его некому защитить, то он становится донором реальным, и тогда у него можно совершенно законно забирать его органы.

У мёртвого, в прежнем, традиционном понимании, человека можно было забрать для пересадки только почку, поскольку это единственный орган, который выдерживает от-

сутствие кровоснабжения в течение 15 минут; применение критерия «смерти мозга» позволило создать «мультиорганное донорство».

В навязываемом цивилизации «посмертном» донорстве человек принципиально должен быть жив — только тогда его органы пригодны для пересадки.

Изменение цивилизационного кода началось относительно недавно: в 1968 году в США были приняты «Гарвардские диагностические критерии смерти мозга», в 1968 и 1983 гг. появилась и была дополнена «Сиднейская декларация относительно смерти», в 1983 г. — «Венецианская декларация о терминальном состоянии», а в 1972 году Американская неврологическая ассоциация признала базовой концепцию смерти мозга, устанавливающую смерть человека единственно по факту смерти мозга.

В 1991 г. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) приняла «Руководящие принципы трансплантации человеческих клеток, тканей и органов», определившие последующую практику трансплантологии и соответствующее законодательство во всем мире.

В 2008 г. была принята «Стамбульская декларация о трансплантационном туризме», в которой трансплантологи заявили, в частности, что мир находится в состоянии «глобального дефицита донорских органов» и что «каждая страна должна гарантировать осуществление программ, предупреждающих этот дефицит».

В России нормы «посмертного» донорства были законодательно закреплены в законе №4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека» (1992 г.) и №323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (2011 г.).

Если по прежним нормам в России из человека можно было «получить» всего шесть органов, то в 2015 г. согласно совместному Приказу Минздрава России и РАН №367/3 «Об утверждении перечня объектов трансплантации», этот список увеличился до 50 позиций: амниотическая оболочка; белочная оболочка яичка; васкуляризированный комплекс мягких тканей, включающий дермальный слой кожи, подкожную жировую клетчатку и мышцы; верхняя конечность и её фрагменты; височная фасция; глазное яблоко (роговица, склера, хрусталик, сетчатка, конъюнктива); кишечник и его фрагменты; комплекс сердце-лёгкое; кости свода черепа, костный мозг; лёгкое, нижняя конечность и её фрагменты; нижняя челюсть; печень; поджелудочная железа с 12-перстной кишкой; подкожно-жировая клетчатка подошвенной

области стопы; почка; селезенка; сердце; серозная капсула печени; сосуды (участки сосудистого русла); трахея; фиброзная капсула почки; эндокринные железы (гипофиз, надпочечники, щитовидная железа, паразитовидная железа, слюнная железа, яичко).

Тогда же появился «Приказ Минздрава РФ, Российской академии наук от 4 июня 2015 г. №307н/4 «Об утверждении перечня учреждений здравоохранения, осуществляющих забор, заготовку и трансплантацию органов и (или) тканей человека», определивший 65 медучреждений страны (против прежних 20), которые отныне могут забирать органы, и 34 учреждения, в которых эти органы будут пересаживать.

В июне 2015 г. был принят «закон Калашникова» о создании баз данных потенциальных доноров и их органов.

Сейчас в Москве и Санкт-Петербурге существуют Координационные центры органного донорства, на базе которых созданы бригады трансплантологов; полным ходом идёт подготовка к открытию такого Центра в Сургуте.

По первому сигналу о поступившем потенциальном доноре бригады трансплантологов выезжают из Центра в больницы, осуществляют кондиционирование (реанимацию) органов, подлежащих пересадке (но не человека), за что, в отличие от реаниматологов, получают надбавку, и в нужный момент изымают их.

В прошлом году в России произошло несколько резонансных случаев, связанных с посмертным донорством: в отделении реанимации, практически на глазах у родственников, людей «разобрали на органы», и виновных не оказалось, потому что «всё было по закону».

В «Руководящем принципе ВОЗ» №5 предусмотрен запрет на продажу органов и тканей, но по факту во всём мире «посмертное» донорство стало весьма криминализированной сферой бизнеса, что проявляется, в первую очередь, в зонах вооруженных конфликтов, например, в Югославии и на Украине. В России в 2003 г. много шума наделал скандал с забором почек у живого человека специалистами Координационного центра в московской больнице №20.

Согласно Приказу от 25 декабря 2014 г. №908-н «О порядке установления диагноза смерти мозга человека», с 1 января 2016 г. в России посмертными донорами стали дети с 1 года.

В 2005 г. в Германии было создано общественное движение КАО, объединяющее родителей, давших согласие на изъятие органов у своих детей, попавших в аварию или иную ситуацию, повлекшую кому. Движение основали родители, поверившие врачам, что их попавший в автокатастрофу пят-

надцатилетний сын уже не жилец, и давшие согласие на изъятие у него органов. Когда на похоронах они увидели по лицу сына, что он страшно страдал перед смертью, они не могли себе простить этого своего согласия. Дальнейшую жизнь они посвятили тому, чтобы оповещать родителей, как на самом деле выглядит «посмертное» донорство. Среди прочего они добиваются того, чтобы общество «признало смертность человека» и «отказалось от медицины, которая использует смерть одного пациента для лечения другого».

При «посмертном» донорстве 97% организма по-прежнему живо, и вот этого ещё живого человека рассекают сверху донизу продольным движением или крестообразно, и достают из него ещё работающие органы, бьющееся сердце, дышащие лёгкие. Человек при этом ещё чувствует боль, у него продолжают функционировать органы, железы выделяют секрет, сохраняются рефлекссы.

В Германии некоторые врачи, не желая сталкиваться с судорогами так называемого «трупa» во время изъятия у него его органов, всё-таки дают ему наркоз или вводят обезболивающие. Закономерный вопрос: если это труп, то зачем ему наркоз, а если дают наркоз, то труп ли это?

Второй базовый принцип «посмертного» донорства предполагает согласие потенциальных доноров на изъятие у них органов.

В мире приняты две формы такого согласия — презумпция «испрошенного согласия» (как в Великобритании), когда человек сам пишет заявление о желании стать донором, и презумпция «неиспрошенного согласия», когда человек не только ничего не пишет, но зачастую даже и не подозревает о чём-то намерении забрать его органы.

В России с 1992 г. действует презумпция «неиспрошенного согласия», и мы все являемся потенциальными «посмертными» донорами «по умолчанию».

По этому поводу в «Основах социальной концепции Русской Православной церкви» сказано: *«Неприемлемо сокращение жизни одного человека, в том числе через отказ от жизнеподдерживающих процедур, с целью продления жизни другого. (...) Так называемую презумпцию согласия потенциального донора на изъятие органов и тканей его тела, закреплённую в законодательстве ряда стран, Церковь считает недопустимым нарушением свободы человека. Донорские органы и ткани усваиваются воспринимающему их человеку (реципиенту), включаясь в сферу его личностного душевно-телесного единства».*

К сожалению, Конституционный суд РФ дважды (в 2003 и 2016 гг.) пренебрёг нравственной нормой и мнением граж-

дан и поддержал законность ст.8 «Презумпции согласия на изъятие органов и (или) тканей» и не отклонил Закона РФ от 22 декабря 1992 года №4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека».

Возможность отказа от перспективы стать «посмертным» донором весьма невянятно прописана в законе №ФЗ N323 «Об основах охраны здоровья граждан в РФ»: это может быть нотариально заверенный отказ или отметка, внесённая в медицинскую карту за подписью главврача.

Как это поможет в ситуации аварии, катастрофы, а также инсульта, тяжёлой травмы, в том числе во время нахождения на пляже, в бане и т.д.? Возможно, самым действенным средством стала бы только татуировка на лбу..

Между тем, по мнению известного исследователя Сэма Парнии, на основании наблюдения за 2060 пациентами, перенесшими остановку сердца в 15 больницах в Великобритании, США и Австралии, «смерть — не момент, а процесс, и его сроки и окончание — не в нашей власти».

Итак, в 2015 г. в России произошёл блицкриг по продавливанию новых псевдонорм в нашу жизнь. Были приняты законы о создании баз данных доноров (регистров), о снятии с доноров возрастных ограничений, о расширении списка изымаемых органов, об увеличении количества больниц, в которых эти органы могут забирать.

На подходе законопроект Минздрава о донорстве, который введёт новую профессию — трансплантационного координатора, а создание сети трансплантационных координаторов позволит создавать логистику для изымаемых органов и регулировать их потоки.

Также своего часа в Госдуме ждёт законопроект №717040-6 «О биомедицинских клеточных продуктах», предполагающий использование тканей эмбрионов для изготовления лекарств.

При этом обществу не перестают внушать, что «посмертное донорство» — процесс, осуществляемый с телом *после* наступившей смерти, и что это очень благородно — дать своё согласие на передачу собственных органов другому человеку. Не зная истинной картины того, как выглядит «посмертное» донорство, человек хочет верить, что это благое дело. Мол, я умер, мне уже это не надо — ну, пусть хоть другому послужит.

Рождение и смерть — это сакральные моменты в сознании любого человека, в сознании общества, которые всегда были таинством, и их суть знает один Творец. Но теперь в этом месте вдруг возникает некто в белом халате и говорит: «Спа-

сать человека слишком затратно, а пустить в дело то, что ещё от него может пригодиться, — наоборот, рентабельно».

Вот это как раз и есть зримые признаки расчеловечивания: общество теряет человеческие основания, свои традиционные ценности; на смену им приходит т.н. «экономическая целесообразность».

Цивилизация подошла к этапу, когда те, кто сильнее, режут живых людей, которые не могут за себя постоять, не могут дать сдачи, не могут отбиться, не могут защититься. При таком подходе вырождение человечества — это реальная и неминуемая перспектива.

Подводя итог, нужно подчеркнуть, что донорство от живого донора, родственное донорство, явления, сами по себе, действительно, благородные и не могут быть источником тревоги: человек сам определяет свою готовность послужить ближнему и контролирует все связанные с этим решением риски и обстоятельства.

Но в ситуации продвижения т.н. «посмертного» донорства общество цинично и беззастенчиво обманывают, и никакие высокие слова при этом не могут служить оправданием.

Нужно отказаться от презумпции согласия, рассказать людям правду о т.н. «посмертном» донорстве, раскрыть детали и описать механизмы этого процесса, и только после этого предложить каждому сделать свой осознанный выбор.

И, конечно же, нужно отменить понятие «смерть мозга» как эквивалент окончания жизни человека.

ОЖИДАНИЕ ПОДВИГА

Первое слово в размышлении о здоровом и достойном бытии человека — народ. Народ (нация) — издревле сложившееся общественно-историческое и духовно-мистическое единство. Предметное и духовное. Единство людей, связанных этнической общностью, языком, преобладающей верой, укладом жизни (лад), культурой, глубинными традициями и корневыми духовно-нравственными представлениями, вековой общностью судьбы, обретённым пространством («родная земля»), наконец — историческим предназначением.

Отсутствие у человека каких-то из названных признаков нации восполняется иногда глубинной укоренённостью в остальных. Глубинная укоренённость означает преимущественную и несомненную духовную склонность по реальному родству, природной и исторической близости и осознанной причастности к одному народу и его культуре. Становление людей, с детства возрастающих и воспитываемых одно-

НАЦИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

временно из источников двух самобытных культур, — не исключение. Будучи счастливым наследником этих культур, такой человек актом своего волеизъявления по духовно-национальной ориентации, по своей деятельности и судьбе принадлежит какой-либо одной нации.

Многообразие сосуществующих и взаимодействующих самобытных народов и культур России стало возможно благодаря получившей мировое признание великой русской культуре, восходящей к Древней Руси и сформировавшейся в лоне Православия (это и есть именно та общерусская культура, триединые ветви которой составляют великороссы, малороссы и белорусы). Несомненное этно-историческое, культурно-историческое, языковое, духовно-религиозное, историко-культурное, судьбоносно-историческое и провиденциально-предначертанное единство триединого русского народа — это цивилизационная тождественность, обладающая в раскрытии общей для всех сущности индивидуальной неповторимостью. Корневые свойства и традиции общерусской культуры имеют основание в соборном мирозерцании, чувстве совести, стремлении к правде-истине, правде-справедливости и вере в несомненную победу добра. Черты культуры государствообразующего народа определили благодатные условия для **со-бытия** культур народов России.

Наш долг сегодня на незримом поле великой битвы — быть русскими, сохранить и укрепить в сознании поколений осиянные правдой и добром национальные принципы и идеалы. Наша задача — вернуть в сознание молодых поколений достойно изложенную историю России, имена наших великих предков и славу того великого, что совершено ими. Наше дело — наполнить сознание молодёжи живым представлением о деяниях и подвигах людей прошлого, сынов и дочерей Русской земли, которым мы, нынешние граждане России, обязаны всем лучшим — в настоящем...

Защитить и сохранить отечественную культуру — значит сохранить народ и Россию. Неслучайно наши «недруги в законе» и недруги скрытые, разного рода наёмники информационной войны, информационные террористы активно и открыто разрушают и уничтожают «официальными средствами» систему государственного образования в России и иные культурные учреждения. Они знают, что урон, нанесённый современной школе умалением знания родного языка и уничтожение на деле литературного образования, — чреват подрывом культурного потенциала всей страны. Они знают, что уже проведённые «изъятия» из школьных программ, умаление и подмена в них классики за счёт введения «новых», но

ни в коей мере не подходящих для изучения в школе произведений, — вполне отвечают геростратовским задачам ослабления и разрушения здорового национального, в том числе — патристического сознания новых поколений в нашем Отечестве...

Русской культуре присущи прирождённые идеи и образы, воссоздающие коренные черты Русского мира. Они проникнуты православным миропредставлением, мыслью о раде-нии Великой русской земле, осиянной светом истинной веры, ощущением исторического долга и верного служения Отечеству земному и Небесному, наконец — энергии духовного единения, соборности, чистоте человеческих помыслов, всечеловечности и всемирной отзывчивости. Это отразилось и в русском фольклоре, и в литературе, и в изобразительном искусстве. И всё это духовное наследие нашего народа всеми способами стараются «выскоблить» сегодня из современной информационной среды наши недруги.

Перед Великой Отечественной войной в отечественном образовании было достойно представлено литературное наследие русского народа и его героическое прошлое. И мы вправе сказать, что ту войну выиграла школа и русский учитель словесности. Нынешние программы не годятся даже для формирования сознания «средненького», убого мыслящего обывателя. Это важно понимать во время разрушения отечественного образования «на государственном уровне». Будем же помнить: в XX веке у нас была школа, достойная великой страны.

Не случайно один из крупнейших учёных США вице-адмирал Г.Дж. Риквер в 60-х гг. XX в. заявил: «Серьёзность вызова, брошенного нам Советским Союзом, состоит не в том, что он сильнее нас в военном отношении, а в том, что он угрожает нам системой образования». Отлично понимали за рубежом также и другое: «...Сила нации, — писал в своё время, оценивая гуманитарные достижения школы в России, советник президента США по образованию Морис Стерлинг, — заложена в её искусстве, музыке и литературе в такой же степени, как в её достижениях в области физики, химии и электроники. Тот, кто полагает, что знание мировой поэзии и классической литературы не является существенным не только для качества, но и для жизнеспособности нации и её культуры, пренебрегает уроками прошлого».

Борьбу с Россией в третьей мировой информационно-психологической войне недруги наши ведут упорно и настойчиво, «изымая» из нашего образования идеи русского национального созидания и уходящую в глубины национального

самосознания идею народного патриотизма, наследие нашей культуры. Патриотические идеи, пронизывающие русскую литературу, нынешние «реформаторы-образованцы» пытаются во всех источниках, где только могут, — обойти или подменить, подменить чем угодно, но только чужим и противным русскому созидательному духу, стремятся всеми средствами выхолостить их смысл, отвлечь от них молодёжь.

Всеми силами отодвигая здоровую и естественную опору на русскую литературу, на взаимодействие и взаимообогащение национальных культур России, протаскивают они всюду чуждый нам «свальный грех» растлевающего смешения культур и их противоестественного, искусственного и беспорядочного спутывания. Познакомившись со многими современными школьными книгами по литературе, легко убедиться в этом...

Сегодня учащийся лишён полноты знания русской классики, необходимой для формирования первоначального фундамента полноценного гражданина России. Это свершившееся «преобразование» требует решительного ответа разрушителям отечественной культуры на административном и законодательском уровне! Уклонение от кардинального решения названного вопроса ставит любую власть в России, имеющую отношение к образованию, в ряд с врагами народа и предателями Отечества.

Необходимо «отдавать себе отчёт: проводимая последние годы политика жёстко предполагает денационализацию русского сознания и российской государственности, утрату нашей религиозной и культурной индивидуальности, «унификацию» русской жизни согласно «общемировым» стандартам и превращение страны в один из плацдармов создания «нового мирового порядка», то есть единого масонского мирового сверхгосударства». Эти слова, сказанные в конце прошлого века, остаются в силе, особенно в свете церковной встречи «в верхах».

«Теневая власть» стремится путём откровенных и скрытых геополитических и государственно-административных манипуляций «растворить в азиатском потоке русский народ, чтобы он не имел права называться государствообразующим и чтобы не было в России восьмидесяти процентов русских» (В.В. Хатюшин). Нынешние господа-товарищи-предводители то и дело публично, демонстративно, нарочито ставят, где только можно, «командирами» в важных государственных учреждениях представителей национальных меньшинств, весьма часто глубоко равнодушных к общим интересам всей России, а бывает иногда (так «получается» в итоге!) и — враждебных этим интере-

сам... Не сопротивляясь этой подлой политике, русские сегодня недопустимо молчат, будто лишённые совести, остерегаясь «показательных» упрёков в каком-то «экстремизме».

Десять с лишком лет назад Г.А. Зюганов с большою заявил: «Русофобия превратилась в основу информационной политики. Русских продолжают изгонять из многих структур управления и средств массовой информации». С тех пор не произошло сколько-нибудь заметных изменений; только изощённое стала эта преступная кадровая политика. Невольно вспоминается известное стихотворение А.Н. Майкова, написанное полтора столетия назад, но, как видно, в подобной же обстановке позорного принижения русского духа чужеродными запевалами:

*Благодарю Тебя, Творец, благодарю,
Что мы не скованы лжемудростию узкой!
Что с гордостью я всем сказать могу: я — русский!
Что пламенем одним с Россией я горю,
Что слёзная о ней в душе моей забота,
Что тот же мощный ветер расправил парус мой,
Которым движимы неслися под грозой
Громады кораблей Нахимовского флота!*

Сегодня русским должно во имя защиты всей России самоотверженно отстаивать свою самобытность, защищать свои святыни, отзываясь сокрушительными ответами на подлые и изощённые посягательства явных и тайных врагов отечественной культуры и их пособников, засевших в иных высших эшелонах власти!.. И начать нужно, как справедливо было замечено, с ликвидации «инородческого засилья в ключевых сферах русской жизни». Народы должны иметь пропорциональное представительство в органах центральной власти! Это необходимо для того, чтобы сохранить нашу историческую «святую Русь», многонациональную, монолитную, единую Россию.

Россия — цветник национальных культур. Выражение «российская культура» — отражает элементарную неграмотность в понимании культуры, ибо национальность, а не интернациональная свалка и мешанина является непременным, корневым, органическим её признаком. Ведь «племена и нации на протяжении столетий сохраняют присущий им характер, и даже когда он подвергается большим изменениям, в нём всё же видны следы исходного состояния». Культуры могут сосуществовать и обогащать друг друга, лишь оставаясь самобытными.

Для наглядности приведу такую аналогию: люди, имеющие разные группы крови, могут сотрудничать и дружить, а мужчины и женщины — вступать в брак, иметь детей и т.д. Но если одному из супругов перелить кровь другой группы, — он умрёт.

Культуры сосуществуют, успешно взаимодействуют и взаимообогащаются, но искусственное или насильственное «смешение» и «навязывание чужого» уничтожает культуры. Это особенно необходимо помнить нам, в России, в нынешних обстоятельствах искусственно создаваемого с помощью продажных СМИ, работающих на территории страны, «вавилонского столпотворения» и отравления отечественного эфира блевотиной западной массовой культуры, засильем маниакально-агрессивной рекламы и тошнотворного навязывания английского языка — в условиях поистине колониального угнетения родной речи и практического разрушения отечественного образования, прежде всего его гуманитарной составляющей...

Во имя и для сохранения и развития существующего в России многообразия культур нам необходимо ответственно решать задачу, поставленную ещё И.А. Ильиным: продолжать «творить русскую самобытную духовную культуру — из русского сердца, русским созерцанием в русской свободе». Нужно помнить, что основой внутренней энергии и общественного устройства русской нации (так сложилась историческая судьба) является Православие, державная государственность и весь народ как соборный носитель духовно-нравственных представлений и преданий.

Достоинно вспомнить сказанное П.И. Новгородцевым в обстоятельствах, имеющих много общего с современностью: «Теперь перед всеми русскими людьми стоит задача... сделать родину нашу из умирающей — живою. И для этой новой задачи... нужно решительное изменение нашего отношения к нашей родине-матери... Воссоздание России может быть совершено только подвигом и порывом общего национального объединения, только духом связанности высшими началами и святынями, сознанием ответственности перед целым... Для возрождения России нужно знамя «восстановления святынь» — и прежде всего восстановления святыни народной души, которое связывает настоящее с прошлым, живущие поколения с давно отошедшими и весь народ с Богом, как жребий, возложенный на народ, как талант, данный Богом народу».

Это требует возрождения национального достоинства, чувства национальной чести и национального долга русских.

Сегодня словно забыты нами слова великого А.В. Суворова: «Я — русский! Какой восторг!» Русские должны помнить, что они, русский народ, дважды «своею кровью искупили Европы вольность, честь и мир!» (А.С. Пушкин). Русские должны помнить, что никто другой как они, русский народ, «громили псов-рыцарей на Чудском озере в 1241 году, секли полчища Мамая на Куликовом поле в 1380-м, очищали Москву от интервентов-поляков в 1612-м, насмерть стояли на Бородинском поле в 1812-м!.. Русскими костями на 90 (да как бы не поболее!) процентов усеяны с нашей стороны поля сражений Первой и Второй мировых войн. Нужно держать в памяти: после победы в Великой Отечественной войне И.В. Сталин решительно свидетельствовал о ведущей роли русского народа, назвав его руководящей силой страны «потому, что у него имеются...общеполитический здравый смысл и терпение».

Русские обязаны помнить, что не с кого-нибудь, а прежде всего — с них, с русских, будет спрошено потомками за всё, что было и будет с Россией.

В России любовь к Отечеству — главное качество настоящего человека. Мы ведём разговор о настоящих людях, или, можно сказать, — о нормальных. Нормальное, здоровое образование у нас должно быть глубоко проникнуто воспитанием любви к Отечеству. Эту азбучную истину, кажется, не нужно бы и повторять в нормальных условиях. Но мы живём и действуем в условиях тяжелейшей информационной войны, к воздействию которой многие недопустимо привыкли. Такая привычка опасна, а может стать и смертельной. Не от этой ли «привычки» возникает наше равнодушие к нынешнему разрушению разных областей нашей духовной Родины?

За четверть века хорошо организованного, квалифицированного и системного разрушения образования в России, осуществляемого через командные образовательные учреждения, наша молодёжь в значительной своей части уже не владеет русским языком на культуuroобеспечивающем уровне, а весьма многие из окончивших школу затрудняются в грамотном выражении своих мыслей. Вместе с тем мы потеряли литературу как научный предмет школьного изучения. В созданных ныне «реформами» условиях почти невозможно научить главному: вчитываться в книги, верно и полноценно осознавать художественный мир произведения... Нетрудно понять, к чему привело такое «реформирование».

Ведь художественный мир русской литературы нёс в себе главное содержание: «разумное, доброе, вечное», то, что возвышало и укрепляло в читателе человеческое начало. Лите-

ратура наша воспевала стремление к идеальному и отторжение от неправды и зла; она воспламеняла чувство священного благоговения перед великим прошлым Отечества и направляла к добрым намерениям и делам, достойным чести, соприродным истинной человечности. Она учила любви к человеку, к народу, воспитывала глубокое уважение к труду, к благородному подвигу, к народному единству и достоинству нации. Она призывала к духовной брани и очищению от скверны грехов во имя возрождения страны, её святынь и достойного будущего.

Намеренное ограничение, принижение, замалчивание и вытеснение явлений русской культуры из повседневной действительности, из учебных программ и прочих средств духовного жизнеобеспечения — вот преобладающая политика, проводимая в России агентами и резидентами информационной войны...

В России под прикрытием «хороших слов» и благодистой политической трескотни о возрождении — продолжается *de facto* духовный геноцид русского народа. Об этом ранее, и не так давно, писал В.Г. Распутин: «...Отечество наше во всех его материальных, духовных и нравственных ипостасях извращено так, что и смотреть нет сил, когда тысячелетние его приобретения выбрасываются на свалку или, как вторчермет, идут в переплавку в печах мирового порядка, когда культура отдана в руки разнузданных шоуменов, а образование преобразуется в функциональное натаскивание и программное выскабливание родного духа...»

Преступное «выскабливание родного духа», русского духа, в иных случаях приобретает чудовищные размеры. Русский народ оказывается при этом самым незащищённым и постоянно испытываемым никак не заслуженные упрёки и оскорбления. А иные представители нынешней власти то и дело обнаруживают своё невежество (или политическую тенденциозность) не только в знании его истории, но и в понимании его миссии и государственной значимости (или нарочито выражают презрение к нему).

Экстремистская антирусская политика разрушения и угнетения русской культуры и образования — в действии. Невозможно «не замечать» этого. Отсюда рождается предположение: возможно, некая группировка во власти хочет спровоцировать бурный протест, который, несомненно, возникнет когда-то, если не изменится в этом отношении реально проводимая национальная политика. Протест возникнет, несмотря на то, что «подручные» СМИ, «представляющие (говорят словами одного из честнейших публицистов. — В.Т.) —

бастион тотальной лжи, средоточие инородческих кадров, главный инструмент оболванивания доверчивых русских простаков», будет продолжать прикрывать благопристойнейшими словами грандиозный и наглый погром...

Мы же обязаны добиться **восстановления** полноценной школы в России, школы, научающей видеть целостно, разуметь главное, чувствовать по-человечески, любить Отечество, хранить святыни народа и осознавать себя в историческом строю преемников и защитников великого русского духовного наследия. Мы обязаны русскую созидающую культуру приносить в лоно государственной жизни!

Но пока что продолжается разрушение. Вот лишь немногие примеры нынешней откровенной разрушительной политики в области русской культуры и образования и только в прошлом 2015 году, объявленном *Годом литературы*. В начале года были значительно повышены цены на бумагу, а значит, на печатную продукцию, на литературу. В том году были «сверху» ликвидированы кафедры литературы во многих «провинциальных» вузах. По некоторым гуманитарным вузам были нанесены разрушительные удары путём противоестественного «объединения», подрывающего их уклад, целостность и научный статус. В том году продолжалось диктуемое «сверху» разрушительное насильственно-обязательное сокращение гуманитарных программ (прежде всего по русскому языку и литературе) и сокращение часов по гуманитарным предметам в вузах; санкционировано также несомненно разрушительное увеличение «нагрузок» профессуры и преподавателей вузов.

В том году продолжались стимулируемые архитекторами развала заведомо бесплодные словопрения «об улучшении» преподавания в школе литературы и русского языка. Однако улучшение разрушенного — нелепость. Продолжалось поспешное обсуждение новых «кустарных» заведомо ущербных и совершенно не пригодных для полноценной школы концепций и нелепых новых программ по литературе, обсуждение, нарочито отданное по преимуществу руководству непрофессионалов! Да и какой может быть толк, когда, например, начальственное «важное лицо», имеющее техническое образование, человек совершенно невежественный в гуманитарной сфере, «авторитетно» рассуждает о программах по гуманитарным предметам или «авторитетно» оценивает эти программы?..

Произведённое «перестройщиками» разрушение нормального (полноценного) образования в России — тягчайшее государственное преступление, прежде всего — перед русским

народом, молодые поколения которого нагло ограблены «реформаторами», ибо у них отняли имевшиеся в школьных программах XX века, законно принадлежащие им сокровища русской национальной культуры в объёме, необходимым ныне для становления сознания гражданина независимой России!

Школу лишили должной полноты фундаментальных знаний, базовых образовательных дисциплин, составляющих основу русского просвещения XX века периода его расцвета. Тем самым господа, активно содействовавшие разрушению отечественного образования, все эти Днепровы, Асмоловы, Адамские, Калины, Любимовы, Ливановы и иже с ними — в сущности, проявляют себя как недруги русской культуры и нашего Отечества... Когда враги буквально обложили Россию со всех сторон чуждой и ложной информацией, из их лагеря вызывающе провокационно было провозглашено, что нужно избавиться от маниакального «образа врага» в сознании людей... Доколе же будем мы терпеть таких «руководителей»?!

В том году продолжались никем не запрещённые издевательства над русской классикой в иных театрах России, о чём некогда писал Ю. Селезнёв, определяя иные режиссёрские «новации» словом *геростратизм*.

В том же году не прекращались разнузданные «преобразования» в Главной библиотеке страны, проводимые вопреки необходимому бережному её сохранению и укреплению, «преобразования», следствием которых легко может стать со временем и уничтожение накопленного веками каталожно-справочного фонда этого замечательного книгохранилища...

Большинство СМИ, игнорируя год литературы, продолжало активно «демонстрировать» нелитературную речь и ничуть не заботилось о том, чтобы в год литературы звучало в эфире (так было в XX веке!) грамотное литературное слово.

Из информационного пространства России нарочито вытеснены духовные потоки родной культуры, ранее животворно омывавшие наше бытие и дававшие народу энергию жизни и созидания: русские песни, русская народная музыка, русская музыкальная классика, русская классическая литература. Всё это если и блеснёт случайно в СМИ, то обязательно будет «потоплено» последующим шквалом пошлой, банальной и вульгарной информационной стихии. Упомянутое выше нужно определённо назвать антинародной политикой или актами преступного духовного поражения масс!

Такое духовное насилие не получает сколько-нибудь действенного законного препятствования, то есть разрешается «властными структурами» разных уровней вопреки суще-

ствующей Концепции национальной безопасности, вопреки национальным интересам, и у нас нет практических средств изменить эту беспредельно наглуго самоуправную душевредительную деятельность.

Не пора ли в условиях жестокой информационной войны ввести наконец государственным законом ответственность СМИ за распространяемую ими нравственно растлевающую и разрушительную информацию, за использование эфира в разрушительных целях? У нас нет до сих пор даже законов, которые могли бы прекратить эту варварскую антикультурную вакханалию.

Обозначенные негативные явления никак не соотносятся со словом «свобода». Свобода — это право выбора за пределами постановлений и законов, защищающих безусловные общие интересы человека, народа, государства.

Свобода зиждется на защите непреременных свойств человека, включающих: духовность, слово (словомыслие), историческое бытие, веру и культуру. Всё противоречащее этим свойствам и национальным духовно-нравственным традициям и нормам, — выходит за пределы понятия свободы.

Свобода обеспечивается абсолютным и безусловным запрещением любого плюрализма в вопросах, в основании которых лежат подтверждённые традицией народа духовно-нравственные константы (основополагающие «традиционные духовные ценности»).

Подлинная свобода зиждется на обязанности государственной власти выражать интересы несомненного создающего большинства и ограничивать произвол везде, где он приносит или может принести ущерб всему народу, национальным и общегосударственным интересам. В обществе, не придерживающемся такой естественной установки, — и власть и подвластные становятся толпой, стадом или бандой. Интересы же большинства в духовной сфере заключаются прежде всего в возможности осуществлять всеми и каждым устройство жизни на основе национальной культуры, гарантированного обеспечения условий её существования, развития и её государственной защиты. Всё, противоречащее такой политике, называется *свободой разрушения*.

Геноцид наций получил в XX веке название фашизма. Скажем «нет!» ползучему фашизму в духовной сфере, не находящему должного противодействия властей и законотворцев в России! Вернём школам и вузам страны сокровища русской культуры, входившие в программы гуманитарных дисциплин в XX веке! «Нет!» — политике «улучшения разрушенного»! Культурный и научный потенциал программ школ и ву-

зов России должен быть всесторонне и решительно восстановлен!

Те, кто «командовал» в учреждениях, содействовавших разрушению культуры и образования, должны быть выявлены, названы и отстранены от руководства. Любое реформирование крупных образовательных и культурных учреждений и структур должно впредь обосновываться, исходя из интересов России.

Каждое из вносимых изменений должно иметь персональных ответственных, с которых можно было бы официально спросить (в том числе и в судебном порядке) за произведённые преобразования и за их последствия... Закон истории таков: каждый из сидящих «у власти» рано или поздно ответит за навязанную «сверху» политику.

Наши героические предки ждут от нас достойных подвигов! Подвигов, исполненных трезвости, мудрости и настойчивости.

Русский человек! Помни имя своё и свой долг перед Отечеством!

ОН УНЁС В СЕРДЦЕ РОССИЮ

(К 130-летию со дня рождения писателя Р.Б. Гуля)

Роман Борисович Гуль (1896—1986) — выдающийся русский прозаик, искромётный публицист — защитник России, её истории, культуры и яркий литературный критик, мемуарист, видный общественный деятель национально-патриотического направления Русского зарубежья, редактор эмигрантского «Нового журнала».

Родился 13 (1) августа 1896 г. в Киеве. В детстве жил в Пензе, где окончил классическую гимназию. Часто бывал в усадьбе деда, предводителя дворянства, в уездном городе Керенске, там ощутил духоподъёмный романтизм молодости, «прелесть и радость всего мира... где все решительно счастливы». Побывал с родителями в Германии, Австрии, Швейцарии, Италии.

В 1914 г. поступил в Московский университет на юридический факультет. Увлёкся философией, слушал лекционный курс «Введение в философию» у замечательного русского философа, культуролога, учёного-правоведа Ивана Ильина.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

В разгар Первой мировой войны, в 1916 г., был мобилизован и направлен в Московскую офицерскую школу. Служил в запасном полку в Пензе, а после Февральской революции направлен на Юго-западный фронт. В 1918 г. осознанно и решительно вступил в Добровольческую армию, с Корниловским ударным полком проделал знаменитый, надолго оставшийся в памяти потомков Ледяной поход.

Когда пришла скорбная весть о гибели героического предводителя Белого движения генерала Корнилова, отчаявшись в перспективе борьбы с большевиками, Гуль подал рапорт об отставке и уехал в Киев. Но его помыслам удалиться от страшной кровавой междоусобицы и заняться «чистой» литературой не суждено было сбыться: его снова мобилизовали в армию гетмана Скоропадского. Вскоре Гуль попал в плен к петлюровцам, но в декабре 1918 г. был вызволен из плена немецким командованием. С января 1919 г. жил в Германии в лагере для перемещённых лиц.

Эти факты тяжёлых жизненных испытаний молодого офицера символизируют суровые трагические пути-дороги русской военной интеллигенции, брошенной в горнило кровавых революционных потрясений, что и привело в конце концов к крушению могучей Российской империи. «Мысль записать всё, что я пережил и видел в гражданской войне, заседала во мне, — вспоминал Гуль. — Так я написал свою первую книгу «Ледяной поход», которая позднее стала известна в литературе о гражданской войне» (См. «Я унёс Россию»).

В 1920 г. начинающий литератор переезжает в Берлин, работает в редакции журнала «Жизнь», где состоялось его первое выступление в печати (свет увидели отрывки из «Ледяного похода»). В Берлине знакомится с писателями, поэтами, критиками, приезжавшими из советской России в Германию, — Есениным, Замятиным, Фединым, Пастернаком, Пильняком, Тыняновым и др. Тогда, как известно, поездки творческой интеллигенции за пределы советской России были относительно свободными.

Больше того, в 1920-е годы произведения Гуля издавались в советской России. Писатель вспоминал: «Этому помогли мои друзья — советские писатели, которые приезжали в Берлин, где я тогда жил, и с которыми я очень подружился. Это был главным образом Илья Груздев — знаменитый комментатор Максима Горького. И Константин Федин, который тоже был моим большим другом. Они провели мои книги через издательство «Писатель». Тогда времена были либеральные и книги мои могли пройти. Правда, очень скоро все эти книги оказались в запретных фондах. Позже, в 1930-е годы,

их достать уже в СССР было нельзя. Так, к примеру, «Ледяной поход» тоже оказался в запрете, хотя сначала в Советском Союзе его трактовали как «разоблачение белого террора», что было, конечно, полной ерундой. Это было не «разоблачение белого террора», а разоблачение всей нелепости, всех ужасов гражданской войны. Между тем, «Ледяной поход» имел там, как мне известно, очень большой успех, о чём мне сообщали и Горький, и Айхенвальд, и другие писатели...»

Ещё более многочисленными и плодотворными для формирования литературных взглядов Р. Гуля явились встречи с писателями-эмигрантами: Ходасевичем, Ремизовым, Осоргиным, Степуном, Вышеславцевым, Белым, Айхенвальдом, Оцупом, Сашей Чёрным, Г. Ивановым (с которым много позднее, в пятидесятые годы, Гуль активно поддерживал творческую связь и опубликовал свою «Переписку через океан»), с Цветаевой (см. её письма к Гулю в «Новом журнале», 1959, № 58). Гуль регулярно бывал на собраниях берлинского Дома искусств, и таким образом круг его литературных знакомств значительно расширился.

Творческому росту писателя способствовала его работа с 1922 г. секретарём редакции критико-библиографического журнала «Новая русская книга», в котором печатались литературно-критические статьи и рецензии Гуля на книги Брюсова, Гиппиус, Зошенко, Пильняка, Шкловского, А. Толстого и др. авторов. Одновременно он сотрудничает в газете «Накануне». С середины 1923-го до середины 1924 г. Гуль — редактор «Литературного приложения» этой газеты. Печатался он и в других весьма тиражных берлинских периодических изданиях («Голос России», «Русский эмигрант», «Время»).

Результатом знакомства и тесного творческого общения с А. Белым явилась книга Гуля «Пол в творчестве» (1923 г.). В том же году вышла отдельным изданием его повесть об эмигрантах «В рассеянье сущие». Нелёгкий эмигрантский опыт писателя воплотился и в книге «Жизнь на фукса» (1927 г.).

Вышедшая в следующем году книга «Белые по-чёрному» представляет собой выразительные психологические очерки о русских беженцах в Африке. Написана она по воспоминаниям русского эмигранта, вернувшегося из Африки в Европу.

Уже по этим скупым упоминаниям русских эмигрантов с горькой, нередко трагической судьбой можно судить о вынужденном безбрежном рассеянье по миру лучших интеллектуальных сил России. Вольно-невольно задаёшься риторическим вопросом: случайным ли было это великое рассеянье? Конечно, нет: оно стало прямым результатом гибельно-

го революционного погрома, учинённого в России лютыми русоненавистниками. Стране ещё долго пришлось жить в условиях интеллектуальной изоляции, великими трудами и жертвами растить свою и н а р о д н у ю интеллигенцию, создавать свою национальную культуру... Между тем, на Западе умами русских эмигрантов создавались подлинные литературные шедевры, совершенно не доступные российскому читателю.

Особо яркого творческого успеха, как правило, достигали писатели с острым чувством любви к Родине, жестоко обуреваемые безутешной ностальгией, для которых веками наработанные духовные традиции отечественной словесности XIX в. и устоявшиеся в русской культуре национально-нравственные ценности служили путеводным эстетическим компасом. Достаточно вспомнить драматичнейшую судьбу и художественные творения гениального Ивана Бунина...

Умные головы на Западе отчётливо понимали: в культурном отношении Западу уже никогда не догнать Россию, величайшие достижения русской классики и её твёрдых последователей незыблемы, особенно на фоне, когда западная культура разрушается с космической скоростью.

Вряд ли преувеличу, если скажу: русская эмигрантская литература пореволюционных лет в силу своего необычайного идейно-художественного величия достигла мировой известности и славы, была с огромным интересом востребована в десятках и сотнях стран мира, кроме... родного Отечества. Именно по ней, а не по дешёвым советским подделкам агитационно-лозунгового характера, созданным по надуманной и вредной методе спущенного «сверху» «соцреализма» (здесь я, разумеется, исключаю крупнейшие творения Есенина, Леонова, Шолохова и других писателей с ярко выраженной русской душой, произведения которых создавались не благодаря, а вопреки «соцреализму») люди узнавали подлинную правду об истории и духовных корнях многовековой России.

Так, опубликованный в 1929 г. документальный роман Гуля «Генерал БО» (о знаменитом террористе Борисе Савинкове) был переведён на немецкий, французский, испанский, английский, польский, литовский и латышский. Много лет спустя, когда Гуль жил в Америке, он переработал роман и выпустил его под названием «Азеф» (1959 г.).

«На первом месте в романе не Азеф, а Савинков... — писала в отзыве на эту книгу поэтесса Е. Таубер. — Пришёл новый человек, переставший быть человеком... Азеф — просто машина, идеально и расчётливо работающая в свою пользу...»

Более убийственной картины подпольного быта трудно придумать» («Новая жизнь», 1959, № 58).

Как романиста-исследователя Гуля интересовали в первую очередь антигерои, форменные политические изверги, оставившие злодейский кровавый след в истории, перевернувшие Россию с ног на голову, прервавшие ход её естественного развития. «Грядущий хам», пророчески предсказанный Д. Мережковским, вызывал у Гуля огромное желание вскрыть причины его неудержимого расползания по России и Европе, установить исторические условия его воцарения на вершине большевистской власти. Роман «Скиф» (1931 г.) посвящён судьбе известного анархиста М. Бакунина, о ком нынче льют крокодиловы слёзы и кому неустанно посвящают елейные панегирики российские либералы. К этому роману Гуль вернулся в 1950-е годы, основательно переработал и издал под названием «Скиф в Европе».

В книге «Я унёс Россию» Р. Гуль цитирует Дм. Мережковского: «Мы не в изгнании. Мы в послании». На вопрос: «Как Вы понимаете это послание?» Гуль в одном из своих последних интервью отвечал: «Это высказывание Мережковского было совершенно правильное, потому что русская эмиграция — явление небывалое. В то время как в Советском Союзе русская культура была уничтожена, физически были истреблены лучшие представители русской культуры и многие книги были запрещены к выходу, задача русской эмиграции состояла в сохранении старой русской культуры и её развитии во всех странах Европы. Это было послание для будущего, эстафета для будущего».

Три книги документально-художественных очерков, написанных в 1930-е годы, представляют собой хроникальную серию портретов известных большевиков (военных и чекистов): Тухачевского, Ворошилова, Будённого, Блюхера, Котовского, Дзержинского, Менжинского, Петерса, Лациса, Ягоды.

Художественно яркой и документально доказательной является повесть «Дзержинский», в которой прослеживается возникновение и разгул красного террора. Издать книгу в фашистской Германии Гулю не разрешили (она вышла в Париже в 1935 г.).

«В гитлеровской тоталитарной Германии я не мог психологически и душевно жить, — вспоминает писатель в первом томе мемуаров «Я унёс Россию». — Всем существом захотел я вырваться из этого коричневого тоталитаризма на свободу». Когда Гуль уже готов был бежать из Германии, его арестовали...

В вину ему вменялось издание романа «Генерал БО». Писателя отправили в концлагерь Ораниенбург, но, к счастью, через месяц освободили с объяснением, что его схватили «по недоразумению». Печальные подробности своего пребывания в заключении Гуль, уже находясь в Париже, описал в книге «Ораниенбург. Что я видел в гитлеровском концентрационном лагере» (1937 г.).

Живя во Франции, Гуль активно сотрудничал в «Последних новостях», «Современных записках», «Иллюстрированной жизни» и других печатных изданиях. Более полугода он провёл в Лондоне, участвуя в постановке фильма по роману «Генерал БО». По этому роману была поставлена русским театром в Париже пьеса «Азеф», с восторгом встреченная публикой.

В начале Второй мировой войны Гуль уехал из Парижа в свободную зону, на юг Франции. Работал батраком на ферме: «Мы с женой решили превратиться в самых настоящих крестьян». В Париж он вернулся через два месяца после окончания войны. Здесь заканчивает автобиографическую книгу «Конь рыжий» (напечатана в 1946 г. в «Новом журнале», с которым, начиная со времени первой публикации, связаны сорок лет его жизни).

В рецензии на отдельное издание «Коня рыжего» Г.Иванов отмечал: «Это история жизни автора, сплетённая с историей «роковых минут» России и мира. Это сознательное суждение о мире, о себе, о своём прошлом, требующее раздвоения, диалога со своей душой. И диалога души с миром».

В 1948 г. в Париже Гуль создаёт политическую, антитоталитарную группу «Российское народное движение», издававшую журнал «Народная правда» (редактор — Р. Гуль) и, переехав в 1950 г. в США, продолжает его редактировать. С 1951 г. Гуль стал ответственным секретарём «Нового журнала», по праву считая его «лучшим русским журналом не только за рубежом, но и во всём мире».

С 1959 г., после смерти М.Карповича, многие годы возглавлявшего «Новый журнал», Гуль становится главным редактором. Эта работа продолжалась 27 лет, под его редакторством вышло 105 томов. Подводить итоги этому колоссальному труду — значит говорить о половине истории «Нового журнала», о 3000 публикаций на тридцати тысячах страниц. При этом, по утверждению современников, множество опубликованных произведений переросло значение очередной журнальной публикации и стало долговременным достоянием русской эмигрантской литературы, историографии, философии, публицистики.

Многолетнее, кропотливое редактирование наиболее престижного журнала в Русском зарубежье Гуль понимал как «всероссийское дело» и в конце жизни утверждал: «Культура старой России всегда была со мной и продолжает во мне жить. Поэтому чувствовать себя русским эмигрантом, вероятно, основано в первую очередь на этом» («Новое русское слово», 13 августа 1985 г.).

Роман Гуль был не только выдающимся художником слова, активным журналистом, собирателем литературных сил в Русском зарубежье, но и ярким публицистом. Его актуальные, проблемные статьи, эссе, рецензии находим в 130 номерах. Лучшие эссе были собраны в книгах «Одвуконь» (1973 г.) и «Одвуконь-2» (1982 г.).

Смысл этого необычайного названия Гуль поясняет в предисловии: «После большевистского переворота в России русская литература пошла одвуконь. Часть её осталась в своей стране, а часть выбросилась на Запад, став русской эмигрантской литературой. Так — одвуконь — русская литература жила полвека».

Главным предметом творческого осмысления Гуля неизменно оставались писатели Русского зарубежья: Г. Иванов, Цветаева, Вейдле, Адамович, Одоевцева, Чиннов, Седых, Берберова, Ржевский, Нароков и другие. В ответ на эссе о Георгии Иванове последний писал Гулю: «Ваша статья блестяща и оглушительно талантлива... Никто так о поэзии не умеет писать, да и очень редко кто вообще умел».

В «Новом журнале» печатались и мемуары Гуля под названием «Я унёс Россию». Первый том с подзаголовком «Россия в Германии» вышел в 1981 г., второй («Россия во Франции») — в 1984 г., третий («Россия в Америке») издан посмертно — в 1989 г. В интервью газете «Новое русское слово» (1 августа 1985 г.) Гуль обозначил главную задачу, поставленную перед собой: «Я хотел дать художественно-исторический набросок всей эмиграции... Мне хотелось запечатлеть, какая это была большая культурная сила».

Критики и современники Р. Гуля по праву называли его летописцем Русского зарубежья. «Гуль всегда был неуёмно любознательным: его кровно интересует всякий встреченный на его жизненном пути человек; он замечает и крепко запоминает любое явление, свидетелем которого был. Советские и эмигрантские литераторы и артисты, «осколки разбитой вдребезги» русской интеллигенции, театры и печать Русского зарубежья, ночные таксисты — бывшие полковники и генералы. Весь этот люд живёт в его художественной мемуар-

ной прозе и в его летописных хрониках» (Б. Филиппов. Памяти Р.Б. Гуля. — «Новый журнал», 1986, № 164).

Умер Р.Б. Гуль 30 июня 1986 г. в Нью-Йорке.

В мемуарной трилогии «Я унёс Россию. Апология эмиграции» писатель рассказывает: родился он в дворянской семье, имеющей древнее, широко разветвлённое генеалогическое древо. Отец его — Б.К. Гуль (шведского происхождения) был видным общественным деятелем Пензы, нотариусом, домовладельцем и помещиком. Мать происходила из потомственного дворянского рода Вышеславцевых.

Воспитанный на гуманистических канонах Православия и традициях русского национального патриотизма, Р.Б. Гуль решительно отринул нигилистически-разрушительные, антидержавные революционные идеи. «Подпольщики-большевики, в октябрьские дни захватившие власть над Россией, в большинстве своём носили псевдонимы: Бронштейн-Троцкий, Радомысльский-Зиновьев, Судрабс-Лацис, Валлах-Литвинов, Оболенский-Осинский, Гольдштейн-Володарский и т.д. По-моему, в этом есть что-то неслучайное и страшное, — писал он. — Тут дело не только в конспирации при «царизме». Псевдонимы прикрывали полулюдей. Все эти заговорщики-захватчики были природно лишены естественных человеческих чувств... Жизни псевдонимов были вовсе не жизнью людей. Их жизнью была исключительно партия. В партии интриги, склока, борьба, но главное — власть, власть и власть над людьми» (Гуль Р.Б. Ледяной поход. М., 1990; далее цитирую это издание).

Сказанное, разумеется, не означает, что мировоззренческие убеждения Гуля формировались гладко, не зная сомнений и противоречий. Вступление на опасный путь открытой борьбы с большевиками тысяч и тысяч таких русских патриотов, как Р. Гуль, сопровождалось мучительными раздумьями о судьбах Родины, драмой напряжённого выбора своего пути в кровавой братоубийственной мясорубке. Их выбор был объективно предreshён ходом самой истории.

Безраздельно верный Отечеству, офицерской присяге и чести, Гуль без колебаний вступает в Добровольческую армию Корнилова, однако довольно скоро осознаёт бесперспективность борьбы, что ведётся без поддержки большинства народа. Его мучают сомнения не в правомерности своего политического выбора, но в необходимости, пусть даже во имя высшей государственной целесообразности сохранения единой и неделимой монархической России стрелять в соотечественников.

«Убить русского человека мне трудно. Не могу. Да и за что? У меня же нет с ним никаких счетов. За что же я буду вразумлять его пулями?...» — смятенно терзается Гуль и пытается уйти от дальнейшего участия в гражданской междоусобной бойне. Даже в самые отчаянные мгновения жизни им не овладевала бешеная злоба к народу, одурманенному неистовой жадной истреблять друг друга, безжалостно топтать православные святыни, вековые духовные традиции отцов и дедов. «Эти люди ломали нашу старинную мебель красного дерева, рвали мои любимые книги, которые я студентом покупал на Сухаревке, рубили наш сад и посаженные мамой розы, сожгли наш дом... Но у меня нет к ним ненависти или даже жажды мести, мне их только жаль. Они полузвери, они не ведают, что творят...»

Трагедия взбаламученной революцией России, как размышлял Гуль, заключалась в том, что: «К белым народ не хотел идти. Здесь сказался один из самых больших грехов старой России: её сословность. И связанный с ней страшный разрыв между интеллигенцией и народом... мужик не верил. В этом была беда и мужика, и всей России».

Конечно, задним числом, спустя годы и десятилетия по истечении жестоких революционных катаклизмов, можно позволить себе упрекнуть Гуля и многих других подобных ему русских военных интеллигентов в некоем утопическом гуманизме: опасаясь пролития «лишней» народной крови, стремясь уберечь Отечество от разрушительного социального хаоса ценой собственной безоглядной жертвенности, они невольно подвергли свою родину многократно большим историческим потрясениям, того не ведая, что их тупиковый гуманизм был на руку прежде всего международным русофобским силам, изначально поставившим цель лишить Россию государственного суверенитета и уничтожить.

3 января 1919 года Р. Гуль навсегда покидает Россию. Став эмигрантом, он решительно берётся за перо, чтобы записать всё, что видел и пережил в кровавой гражданской войне, в назидание потомкам, с целью уберечь их от роковых исторических ошибок и заблуждений своих предтеч. Ярким и художественно убедительным воплощением его творческого замысла стал историко-документальный роман «Ледяной поход», своим острием направленный и против «красных», и против «белых», против братоубийственного истребления как наивысшего социального и нравственного безумия, играющего на руку международным антирусским силам.

Принятый весьма доброжелательно М. Горьким, книгоиздателем З.И. Гржебиным, уверявшим, кстати, что видел «Ле-

дяной поход» на столе у В.И. Ленина, роман в советской России в те годы всё-таки не прижился, да и не мог прижиться в условиях всё более укореняющейся методологии непримиримой «классовой борьбы». Большевицкая властная головка или замалчивала писателей русской эмиграции, или, что случалось крайне редко, давала им зелёный свет, сопровождая до неприличия абсурдными негативными оценками, предельно ограничивая к ним доступ массового читателя. Даже известный своим оценочно-художественным либерализмом М. Горький категорично утверждал: «Напрасно было бы искать у этих писателей «исторической правды».

Примечательно, что примерно в то же время, весной 1924 года, Вс. Мейерхольд в «Театре революции» демонстрировал жуткую каннибальскую пьесу «Человек-масса», весь «классовый гуманизм» которой сводился к известному люмпен-дезертирскому завету: «За одно око — два, за один зуб — всю морду». Вот лишь одна характерная сцена из этой «новаторской» пьесы: группа осуждённых к расстрелу за «буржуйское» происхождение просит у конвоиров разрешения... потанцевать — и на сцене буйный канкан сменяется мелодичным вальсом, причём танцующие пары состоят из смертников и конвойных. Затем раздаётся свисток — и кавалеры-расстрельщики безжалостно волокут несчастных барышень к месту казни, невзирая на их душераздирающие мольбы и стоны. Вот, как видим, в каком чудовищном «классовом искусстве» нуждались бравые комиссары в чёрных кожаных тужурках...

Существенное место в творчестве Р. Гуля занимают историко-художественные биографии кормчих Октябрьской революции и гражданской войны, деятелей, как выразался писатель, «с выкрашенной в один цвет душой», «попов революции» — по слову Штирнера. Одним из наиболее ярких произведений этого жанра является повесть «Дзержинский». В советской России её по известным идеологическим соображениям долго не публиковали, и только в 1991 г. после того, как «руководящая и организующая коммунистическая партия» без сопротивления рассыпалась, повесть опубликовал журнал «Москва» (№ 5).

Долгое время неистовый «железный Феликс», как и прочие высокопоставленные лидеры большевистской партии, рисовался в советской литературе и кино в ореоле революционной святости, бескорыстным, кристально честным и благородным рыцарем без страха и упрёка (примеры тому — известный конъюнктурный роман Ю. Семёнова «Горение», телефильмы «Операция «Трест», «Шестое июля» и многие другие).

Под пером Гуля — это совершенно другой человек, точнее, античеловек, крайне ожесточённый, властолюбивый, абсолютно нетерпимый к инакомыслию, донельзя кровавый, жаждущий расстрелями в затылок впихнуть в коммунизм.

Написанная по горячим следам бурных социальных потрясений, убедительно подтверждённая целым рядом документальных материалов и воспоминаний очевидцев, повесть «Дзержинский» написана в форме живых свидетельских показаний современника, на глазах которого разыгралась невиданная в истории кровавая междоусобная драма. Её «беспощадная» стилистика живо напоминает повествовательную манеру «Красного террора в России» С. Мельгунова, «Щепок» И. Зазубрина, «Солнца мёртвых» И. Шмелёва, «Окаянных дней» И. Бунина...

Документальная основа произведения содержит указания автора на конкретное место и время подлинных событий и действий, реальные имена их участников, обильное цитирование дневника Дзержинского, извлечения из воспоминаний его коллег по ВЧК.

Фигура Дзержинского нарисована колоритно, выразительно, откровенно неприязненно, бичующе сатирическими красками, при этом автор ни на йоту не отошёл от правды фактов как в воссоздании переломной исторической эпохи, так и в психологических оценках своего персонажа.

«Высокий, похожий на скелет, одетый в солдатское платье, висевшее на нём, как на вешалке, 20 декабря в Смольном на расширенном заседании Совнаркома появился Феликс Дзержинский. Под охраной матросских маузеров, в куреве, в плевках, в шуме, в неразберихе событий, среди «страшных» и «весёлых чудовищ» большевизма, кого в минуту откровенности сам Ленин определял: «У нас на 100 порядочных 90 мерзавцев», — после многих речей, «пламенея гневом», выступил и октябрьский Фукье -Тенвиль.

Феликс Дзержинский говорил о терроре, о путях спасения заговорщической революции. В его измождённом лице, лихорадочно блестящих глазах, заострённых чертах чувствовался фанатик. Он говорил трудно, неправильным русским языком, с сильным польским акцентом и неверными ударениями. Говорил волнуясь, словно не сумеет сказать всего, что надо.

— Революции всегда сопровождалась смертями, это дело самое обыкновенное! И мы должны применять сейчас все меры террора, отдать ему все силы! Не думайте, что я ищу форм революционной юстиции, юстиция нам не к лицу! У нас не должно быть долгих разговоров! Сейчас борьба грудь с грудью, не

на жизнь, а на смерть — чья возьмёт?! И я требую одного — организации революционной расправы! — криком заканчивал свою речь измождённый, насквозь больной человек, похожий на переодетого в солдатское платье монаха.

Как же идейно эволюционировал этот новоявленный Фукье-Тенвиль образца октября 1917 года?

Дзержинский не уродился жестокосердным вампиром. «Юношеские портреты будущего председателя ВЧК чрезвычайно схожи с портретом юного Рафаэля: он был хрупок, женствен и строен, «как тополь киевских высот». Но уже с детства этот нежный, малокровный дворянский ребёнок отличался необузданной вспылчивостью, капризами воли и бурным своенравным темпераментом. Живой, как ртуть, он был баловнем матери и дома назывался не иначе как «феникс семьи».

Потрясает воображение следующий парадокс: экзальтированный, щеголеватый шляхтич из родовой дворянской семьи, в высшей степени повелительный и нервный, с малых лет обуреваемый религиозно-католической одержимостью, вдруг в одночасье кардинально меняет взгляды и становится столь же фанатичным богоборцем, проповедником радикальной революционности, наконец, главой беспощадного коммунистического террора.

«Что-то надломленное чувствовалось уже в этом отроке, чуждом неподдельной жизнерадостности. Из светло-зелёных глаз нежного юноши глядел узкий фанатик. И не фанатик-созерцатель, а фанатик действия, фанатик насилия. Мать и духовник-ксендз отговорили будущего главу большевистского террора от пути католического священнослужителя. Но сущность, разумеется, была не в пути, а во всём душевном строе, в страстях неистового Феликса. У «рафаэлевски» красивого юноши Дзержинского в том же году внезапно произошёл душевный переворот. Он писал сам: «Я вдруг понял, что Бога нет!»

Мастерски, психологически тонко Гуль выявляет истоки предательства юноши в самом себе, в его неустойчивой вере, в светлых юношеских идеалах, обречённых на скорое умирание. Нет, жизнь Дзержинского и ему подобных фанатиков-революционеров — это вовсе не трагедия заблуждения, и «железный» Феликс — отнюдь не трагическая личность. Это крайний индивидуалист с болезненным расщеплённым сознанием, жертва собственных разрушительных инстинктов, нашедших выход наружу в условиях всеобщего социального хаоса и нравственного разложения смутного времени.

И вот когда гражданская бойня разлилась по стране всепожирающей огневой лавой, сорокалетний Дзержинский, безнадёжно больной телом и духом, этот «вдохновитель все-российского убийства», «октябрьский Фукье-Тенвиль», «эпилептически нервный фанатик с металлической душой и стеклянными безучастными глазами», «кровавая кукла октябрьского паноптикума, палач русского народа», «воплотитель бредовой идеи террористически-полицейского коммунизма» и прочая, и прочая, пришёл к пределу политического изуверства — к посту коммунистического Торквемады.

Писатель анализирует этот тип «абсолютного большевика» в контексте драматической, поворотной для России эпохи, в совокупности объективно сложившихся социально-политических и нравственно-психологических конфликтов, во взаимодействии общего и индивидуального: активное культивирование в семье Дзержинского пафоса национальной польской борьбы против «поработительницы Польши — России» (в 1922 году, когда Дзержинский был уже главой Всероссийской ЧК, он написал жуткие слова о своих юношеских чувствах безраздельной ненависти к русским: «Ещё мальчиком я мечтал о шапке-невидимке и уничтожении всех москалей»), болезненная мания величия психологически надломленного юноши, уверовавшего в своё «высшее» предназначение на земле, крайний религиозно-католический фанатизм несостоявшегося ксендза, вдруг обернувшийся всеуничтожающим богоборчеством...

Дзержинский — по-своему весьма одарённая артистическая натура, которую, быть может, потеряла театральная сцена. Гуль показывает, как в зависимости от конъюнктуры жизненных обстоятельств Дзержинский мог быть и ухищрённым комедиантом, и непревзойдённым Хлестаковым, и «оскорблённым барином», и безжалостным палачом-русоненавистником...

Писатель блистательно вскрыл социальную природу опасных революционных бесов, о которых пророчески писал ещё великий Достоевский. Любовь Дзержинского к революции, как и у Марата, была порождена ненавистью. Этой безграничной ненавистью Дзержинский был одержим. В ребёнке она жила в неутолимом желании, надев «шапку-невидимку», перебить всех москалей, в юноше — в неистовой тюремной клятве «мстить», в председателе ВЧК — в жуткой беспощадности расправы над «врагами революции».

«Охваченный ненавистью ко всему миру, Марат, как известно, был живым кровавым бредом революции. В нём, как и в Дзержинском, революционный энтузиазм дошёл до кон-

вульсий. И они оба, Дзержинский и Марат, олицетворяли в себе смутные кровавые инстинкты человеческой черни. Это не философские размышления Робеспьера. Это — нож, револьвер, пулемёт. «Арифметически председателя ВЧК Дзержинского можно определить так: это был на одну треть Робеспьер (без его ума) и на две трети Марат (без его дарования). Для исторической фигуры смесь не особенно увлекательная. Впрочем, принадлежность людей к истории не часто измеряется их талантами», — пишет автор.

Безоговорочно отвергая беспощадный террор маратов, сенжюстов образца 1917 года против собственного народа, Гуль заключает: «Фигуры этих вошедших в революцию «дворян», воплощений бредовой идеи террористически-полицейского коммунизма, были различны во многом. Нетерпеливый, горячий, заносчивый, нервный поляк Дзержинский — и спокойный монголообразный циник с хитрой смёткой Ленин. Общим у них было одно — у обоих совершенно «не поворачивалась шея»; кроме всероссийской социальной революции оба не видели ничего. Малообразованного, недалёкого, не питавшегося ничем, кроме брошюрок, Дзержинского Ленин, конечно, превосходил и умом, и образованием на две головы. Но Дзержинский и не претендовал на роль коренника объединённой партии. Зато Ленин сразу понял, что этот фанатичный поляк — замечательная пристяжная в той тройке, в которую Ленин впрягся коренником и которая разомчит всю Россию. И Ленин «обласкал», приблизил к себе этого «инфернального молодого человека», понимая, что именно такие нужны для его, ленинского дела».

Конечно, с уничтожающим саркастическим выводом писателя читатель вправе не согласиться ввиду его очевидной жёсткости и категоричности, но и не принять его в расчёт нельзя, если хочешь всесторонне и объективно осознать трагическую историю России в годы революции и гражданской войны.

Особого внимания заслуживает благородный гуманистический пафос писателя, убедительно доказавшего, что даже самая праведная цель становится несправедливой, если достигается несправедливыми средствами. Разумеется, революционный водоворот увлёк за собой не только безумных фанатиков, люмпенов, прирождённых преступников, отщепенцев и прочих маргиналов, жаждавших стать у руля власти ценой океана людской крови, но, увы, порой и вполне порядочных, благовоспитанных граждан, ставивших перед собой высокие идеалы и цели. Воистину, благими намерениями вымощена дорога в ад...

Попав под пресс беспощадной междоусобной бойни, они быстро утрачивали запас своей нравственной прочности, превращаясь в антигуманистов и кровавых поделщиков кор-мачи революции. Мысль эта многожды доказана ходом истории и, по всему, не утратила своей жгучей актуальности, поскольку человечество ещё не научилось усваивать сполна горькие уроки истории и с упорством, достойным лучшего применения, продолжает повторять их ошибки...

Не секрет, и ныне находятся горячие головы — неореволюционеры, русофобы всех мастей, взахлёб разглагольствующие о свободе, гласности, плюрализме, втайне же они лелеют мечту о жестокой диктатуре. Это они, охваченные жуткой эйфорией, торжествуют и восторженно аплодируют принятию законов, попирающих свободу слова, гражданское волеизъявление, стремление людей жить в свободном, подлинно демократическом обществе. Это они без усталости вдохновляют агрессивных инициаторов закрытия русских патриотических газет в России, приписывая им мифический «экстремизм», «шовинизм», «антисемитизм» и прочие «измы». Это они с помощью клеветы и грязных доносов усаживают на скамью подсудимых неугодных редакторов, журналистов, всякого, кто смеет им перечить и встаёт на их пути. Антигерои нашего времени узнают себя в персонажах произведений Романа Гуля.

НА ЮЖНОМ БЕРЕГУ БЕЛОГО МОРЯ

Есть у Юрия Павловича Казакова очерк «Поедемте в Лопшеньгу». Название взято из разговора с Паустовским. Уж очень Константину Георгиевичу хотелось побывать в древней поморской деревне на южном берегу Белого моря, о которой так живо и увлекательно рассказывал Казаков, самому увидеть крепкие поморские избы, баньки по-черному, желтую полосу забережья, рыбацкие карбасы и лодки, вдохнуть запах ламинарии, вывороченной штормами на песчаные отмели. Не поехал, не срослось, стар был писатель, да и болен серьезно.

А вот группа писателей поехала. Случится же такое чудо в нынешние времена. И не на гранты Министерства культуры — год хоть и считался годом литературы, да недосуг, видно, чиновникам было вспомнить о Юрии Павловиче Казакове. Финансировал поездку рыболовецкий колхоз Лопшеньги. Большой вклад внесло руководство области и региона. И компания литераторов подобралась серьезная: профессор Литературного института имени Максима Горького, главные редакторы

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

журналов «Москва», «Наш современник», «Север», «Муравейник», «Вертикаль», «Двина», известные писатели, поэты, литературоведы. Всего двенадцать человек.

Ехали поездом до Архангельска, а оттуда летели на знаменитом биплане «Аннушке», наблюдая бесконечность поморской земли с ее многочисленными озерами, болотистыми хлябями, лесами и курчавыми островами. Истаял в дымке Северодвинск, где прожил я десять лет, дальше пошли деревни — Кудьма, Ненокса, Летняя Золотица. И все это пространство было заполнено серебристым светом — водная гладь отражала небо, а от россыпи изб и хозяйственных построек на берегу веяло древностью, первобытностью. Вот такой нас и встретила Лопшеньга. Когда «Аннушка», старчески заворчав, села на скошенный луг, двигатель вырубил, погас свист лопастей, и наступила тишина, особенная, лопшеньгская. Летели мы на «Казаковские чтения», подгадав ко дню рождения Юрия Павловича.

...Моя дружба с Юрием Павловичем Казаковым выпала на самую трудную часть его жизни — последние семь отпущенных ему земных лет. А познакомились мы давно, еще в 1963 году, в Архангельске. После этой встречи прошло более десяти лет. Я закончил факультет усовершенствования врачей при Военно-медицинской академии, служить меня направили в Москву.

Я читал все, что выходило у Казакова. Критики его то хвалили, то поругивали. Причем недоброжелателей было больше. Находились и такие, которые утверждали: Казаков — фигура дутая. Вторичен, подражает русским классикам, и все его писания — не более чем эпигонство. Чехов, Бунин, Куприн — все от них. В «Краткой литературной энциклопедии», вышедшей в 1966 году, эта мысль как бы уже официально утверждалась: «...новеллист следует интонационно-стилистическим, а отчасти и тематическим традициям русской классической прозы». И неясно было — хорошо это или плохо. К началу 70-х годов о Казакове вообще забыли.

А тут вышла первая моя московская книжка, почти вся на северном материале, запаковал я ее и, разыскав адрес Казакова в «Справочнике Союза писателей», послал ему. Послал безо всякой надежды на ответ, кратко упомянув о встрече в Архангельске. И вскоре получил ответ. Казаков среди прочего писал: «Рад за Вас, что у Вас начали книжки выходить. Рассказы хорошие. Одно замечание о Соловках: один из островов называется не Анзерский, а Анзер. И монастыря на Анзере нет, а есть (вернее, был) скит. Монастырь же на Соловецком острове.

И пожелание на будущее: если еще станете писать про Архангельск — поподробнее, пожалуйста. Старый город исчезает, а был он весьма экзотичен, нищ, сер, но интересен топогра-

фически, архитектурно. Вы поймете, что я имею в виду, если вспомните «Праздник, который всегда с тобой» Хемингуэя».

К письму прилагалась подробная схема, как добраться до его дачи в Абрамцеве.

Я отправился к Казакову в ближайшую субботу. Электричка с угасающим гулом ушла, я оглядел перрон. Зима в том году сразу схватила крепко, день выдался солнечный, морозный. На противоположной стороне виднелся зеленый продовольственный ларек. Я сверился по схеме — все выходило точно. Дорога с хорошо пробитой лыжней в центре вела мимо заколоченных дач. Дома стояли по окна в сугробах, темные, казались нежилыми, и только у одного, нового, похожего на терем, на расчищенной площадке перед крыльцом застыл оранжевый «жигуленок», и из трубы дачи светлой струйкой вытекал дым.

Лыжи шли хорошо. Я миновал поселок. Теперь нужно было сворачивать в березовую рощу. Но и здесь угадывать ничего не было нужно, лыжня сама вела.

Горькая жалость охватила меня, когда отворилась дверь и на крыльцо, перепачканное углем, вышел пожилой человек в странной какой-то куртке, в котором я с трудом признал Казакова. От неловкости, что испытал я, должно быть, и стерлись в памяти первые минуты встречи. Дача показалась роскошной: двухэтажная, с камином в гостиной, флигелем во дворе. Но на всем лежал след запустения, нечистоты. Груда грязной посуды в раковине, банка из-под консервов, забитая окурками, запах затхлости, гниющего дерева и мокрой одежды. Хорошо запомнилось другое: как шли мы в магазин протоптанной дачниками тропкой, сначала вдоль забора, потом спустились к замерзшей реке, вскарабкались по неудобным ступенькам наверх, и там, на залитом мягким, чуть искрящимся светом угоре, с неожиданной высоты открылась вдруг не то лощина, не то скрытое снегом озеро, а далее знакомая уже березовая роща, молодая, свежая и совсем не зимняя. «Каково, а?» — сказал Казаков, жмурясь, и его грубое, обрюзгшее лицо посветлело, он вытер ладонью глаза и тихо, как бы приглашая меня к чему-то необычному, проговорил: «Вы только послушайте, послушайте!» Он не сказал «посмотрите». И это было поразительно.

А вот разговор с Казаковым в тот день не запомнился. Проводив меня до калитки, он предложил приезжать, но как-то неуверенно, и я подумал, что мне, пожалуй, нечего здесь делать. Светлая ночь стояла над поселком. Я хорошо видел лыжню. К ночи подморозило, и лыжи шли сами собой. И нечто странное было в моем ночном беззвучном скольжении мимо деревни, мимо замерзшей речки, заколоченных дач. Я облегченно вздохнул, когда услышал нарастающий гул электрички.

И еще: от первого посещения Казакова осталось неясное чувство обиды: мне показалось, что он так и не узнал меня. Был возбужден, ходил по комнате, жадно расспрашивал о московской жизни и все время будто прислушивался к тому, что происходит в глубине дома. Потом вдруг вышел, пропал довольно долго и вернулся не один, а со старухой (вот тогда я впервые увидел мать Казакова, Устинью Андреевну). Лицо у него при этом было какое-то растерянное, беззащитное, как у человека, который только что снял очки и близоручко щурится.

«Это кто таков?» — спросила старуха, внимательно разглядывая меня. «Товарищ мой, доктор... Юрий Николаевич». — «А-а, не писатель, значит... хорошо». Смысл этого «хорошо» я понял позже, когда на дачу приезжали хмельные литераторы, телевизионщики, громко говорили, смеялись, не обращая никакого внимания на старуху, да и Казаков вроде им тоже был не нужен, а нужна была дача, камин, просто место, где можно было посидеть, выпить, а то и уединиться во флигеле.

Недели через две Казаков позвонил сам. Пригласил на дачу, и я поехал, набив рюкзак всякой снедью, хотел прихватить бутылку, но, зная слабость Юрия Павловича, передумал. Добрался на сей раз быстро, но Казакова не было, — он пошел разыскивать истопника; встретила меня Устинья Андреевна довольно холодно, о причинах ее настороженности я узнал позже.

Мать имела на Казакова огромное влияние. Тут была не просто любовь, а нечто большее. Старухе было за восемьдесят, но ум ее был ясным, память цепкой. Потребовалось время, чтобы она поняла, что я не опасен, а при случае даже могу быть полезен, все-таки военный врач. И еще ей нравилось, что я не лез к ее сыну со всякими просьбами. А просителей было пруд пруди, и с чем только не шли. Заходили нередко какие-то типы, просили денег. А с деньгами у Казакова случались перебои: печатали редко, за поденную работу — рецензирование, обзоры — он не брался, говорил, что не умеет рецензии строчить, ляпнет не то, а человек и пострадает, писатель — он всегда на свой аршин меряет, и в критики ему лезть не пристало.

Я же ничего не просил, всегда приезжал один — у жены моей были свои дела, заботы. Устинья Андреевна к тому же терпеть не могла женщин, считала, что у всех у них дурной глаз, что они сглазят сына, а то и голову, чего доброго, заморочат.

На даче было одно место, разительного не похожее на все остальные, — кабинет Казакова. Юрий Павлович приглашал туда редко, и меня всякий раз поражало: такой порядок,

такая чистота царили в нем, что на ум приходило сравнение с девичьей спальней, хотя никогда я эту спальню не видел. Кабинет был просторный, светлый. У окна стоял массивный письменный стол, две стены в застекленных, фабричной работы полках с книгами, третья же, у входной двери, свободна. На ней висели посмертная гипсовая маска Пушкина и небольшая картина, по манере напоминающая Сезанна. Солидный кабинет солидного писателя. Но как-то уж слишком холодно, рационально и совсем не в натуре Казакова. И я ничуть не удивился, узнав, что Казаков работает вовсе не здесь, а в крохотной, как чулан, боковой комнатушке, в которой царил невообразимый ералаш. Книги лежали на полу, на продавленном диване, подоконнике, стены увешаны ружьями, патронташами и прочей охотничьей справой. И пахло здесь остро: ружейным маслом, едким табачным дымом, зверем.

Работал Казаков за обычным канцелярским столом и все свои музыкальные, наполненные запахами и шорохами рассказы отстукивал на старенькой, купленной еще в студенческие годы пишущей машинке «Москва». Как-то признался: «Я в этой светелке намерзнуть, надумаюсь — и сюда, в «берлогу». Замысел у меня обычно там рождается. Поверишь, пока бегу вниз, боюсь все из головы вытрясти. Поэтому на машинке я что-то вроде заготовки делаю и откладываю на недельку, на две, то и на год. А потом уже тачать начинаю основательно, мутную водичку этак раз десять сливаю, пока не почувствую — звенит. В лучшие времена я из светелки в берлогу раза по три в день с лестницы скатывался. Один раз так хряснулся, что неделю присесть не мог». Там, в «берлоге», я увидел один из рукописных вариантов прекрасного рассказа Казакова «Во сне ты горько плакал», отстуканный на желтой, в каких-то пятнах бумаге.

При жизни его несколько раз обворовывали. После смерти, когда дача стояла холодная, заколоченная, какие-то юные варвары взломали замок, все перевернули вверх дном. Что искали, ценности? Трудно сказать, но проникли они и в святилище, верхний кабинет. Часть архива тогда пропала: письма, заготовки будущих рассказов, исчезла и магнитофонная пленка, на которой был записан исторический разговор Казакова и Бориса Зайцева в Париже. Вдове, Тамаре Михайловне, удалось потом разыскать пленку, кое-что из писем, большого труда стоило ей восстановить обстановку кабинета. Я с той поры на даче не был: тяжело видеть опустевший дом. А через несколько лет дача сгорела.

Зачатки грядущего равнодушия, звериной жестокости, духовной опустошенности, за которой уже нет места ни для чего

святого, зорко подглядел Казаков. Я не критик, но глубоко убежден, что именно он стал предтечей в нашей современной литературе: из казаковских рассказов, как из гоголевской «Шинели», вышли потом такие мастера русской прозы, как Сергей Никитин, Евгений Носов, Валентин Распутин, Василий Шукшин, да мало ли еще... Именно Казаков предсказал и «легких» людей, без привязанности к чему-либо, и брошенные деревни, и будущее торжество обожравшегося мещанина, и всю горечь, что хлынет на нашу страну в грядущее безвременье, предсказал и появление «странников» — крестьян, насильственно оторванных от земли и не прижившихся в городах...

Каким, в сущности, человеком был Казаков? Отзывчивым, внимательным — пожалуй, честным — безусловно, а вот добрым... Казаков писал рассказы о доброте, а бывало, о людях судил с убийственной жестокостью, при этом лицо его как бы ожесточалось, глаза уменьшались в прищуре, казалось, он целится в тебя из пистолета. Ему не чуждо было тщеславие. Но скрываемое, о себе он говорил редко, охотнее слушал, и даже откровенный подхалимаж принимал, только слегка усмехался.

Многие его рассказы были о счастье или о поисках его. А счастлив ли был он сам? Он знал настоящий успех, славу, через всю жизнь пронес трогательную любовь к матери, сыну. Это ли не счастье? А разве те таинственные часы творчества, «когда звезда с звездой говорит» и творец испытывает такое чувство, что все остальные человеческие ощущения попросту меркнут, выглядят ничтожными, зряшными, — не счастье?

«На свете счастья нет, но есть покой и воля!» — сказал поэт.

Юрий Павлович был глубоко верующим человеком. Это сейчас, в наше опрокинутое время, когда всё перемешалось, и бывшие члены КПСС, горе-атеисты, торчат нынче в храмах со свечками, торопливо крестят нечистые лбы. А тогда в Бога верили лишь искренние люди.

Честно признаюсь, не ведаю, чем я был интересен Казакову. Почему всякий раз он радовался мне? От одиночества? Наверное, не только. Я много ездил, а Казаков уже прочно был на «приколе», к тому же я занимался достаточно необычным делом. О работе эпидемиологов, тем более военных, и в наше-то время всеобщей гласности почти не пишут, а я участвовал в ликвидации эпидемических очагов не только у нас в стране, но и в Африке, во Вьетнаме...

Может, и это не менее вероятно, Казакову нравилось во мне умение слушать? Не раз, увы, убеждался: многие писатели любят говорить только о себе и оскорбляются, порою сатанеют, если их пытаются перебить или свернуть разговор на какую-нибудь иную тему.

Дружить с Казаковым было непросто. Общение с ним редко оставляло в душе ощущение ясности, покоя, чаще это были неудовлетворенность, желание как-то по-другому, с неожиданного ракурса взглянуть на жизнь. К тому же временами он был нетерпимым, резким, по-детски обидчивым.

В начале восьмидесятых я не вылезал из командировок. Виделись с Казаковым редко. Между тем слухи о его «заходах» были один мрачнее другого. Я написал резкое письмо, ответ получил лишь через месяц.

«...Жуткие слухи о моем «здоровье» и до меня докатывались... Со времен Олимпиады я совсем почти бросил пить — бутылки две только в день вкушаю. Весьма на меня подействовали здоровые тела олимпийцев. А теперь и про бутылки забыл, ибо пить водку, даже из горлышка, пошло. Есть у меня сосед теперь, Веня Ерофеев, так вот он разработал рецепт генерального коктейля под названием «Сучий потрох». Компоненты: денатурат, лак для ногтей, тормозная жидкость, клей БФ-8 (именно!), гидродезиколь для уничтожения паразитов и останкинское пиво. Все это настаивается в течение дня на сигарном табаке. Подается к столу. Пить надо, «вечерним выстрелам внимая, глядя на первую звезду». После двух стаканов человек возносится в такие космические выси, что плюй ему в харю с одного метра, он и не заметит. Так-то.

А ты небось все пишешь? Пиши, брат! Литература великое дело. Даже с высоты «Сучьего потроха»...

Я знал, если Юра пытается шутить, значит, ему худо. И на другой день помчался к нему.

Врач-писатель невольно становится сопричастным болезням своих друзей. Немало часов провел я у постели больного Казакова, дважды направлял его на стационарное лечение — один раз в больницу на операцию, другой — в Центральный клинический госпиталь. Не помогло...

Казаков умер рано утром 29 ноября 1982 года. По воле матери Юру отпевали в церкви на Ваганьковском кладбище. Утро было серенькое, срывался легкий снежок. В церкви собрались всего несколько человек. Никто из официальных представителей Союза писателей на отпевание не пришел. Устинья Андреевна, сломленная горем, маленькая, поникшая, в тёмном, не отходила от гроба.

Когда гроб опускали в могилу, деревья загудели, откуда-то вдруг сорвался вихрь, опавшие листья закружились в воздухе...

Незадолго до смерти Юра подарил мне книгу «Арктур — гончий пес», вышедшую в издательстве «Детская литература», надписав: «Юрию Пахомову с любовью — и об одном моллю Бога, что это не последняя книжка, которую я тебе дарю. Твой Ю. Казаков».

Надпись получилась блеклая, паста от холода в квартире застывала в ручке. К сожалению, это была последняя книга, изданная при жизни писателя.

...«Казаковские чтения» вылились в настоящий фестиваль: выставки изделий местных мастеров, концерты художественной самодеятельности на воздухе, неподалеку от чудной церкви Петра и Павла, в здании деревенского Дома культуры. Выступления писателей, близко знавших Казакова, перемежались древними поморскими песнями, сценками из деревенской жизни, умело поставленными детьми фрагментами из сказок Писахова. Слаженно звучали детские, женские, мужские голоса.

В Лопшеньге древность странным образом соединилась с современностью: бани, карбасы, амбары, телевидение, мобильная связь, вездеходы, мотоциклы...

А впереди ждало нас много удивительного: рыбацкая тоня, разговор с рыбаками, крепко скроенная изба писателя Павла Кренева, строил ее еще дед, достраивал отец, в ней и родился Павел Григорьевич. Койка моя стояла у окна, и, отодвинув занавеску, я мог наблюдать морские и небесные эволюции. А я вот не помнил дома своего в Нижнем Новгороде, да и родственников не осталось. Но здесь, в Лопшеньге, не чувствовал своего сиротства — вокруг были добрые, приветливые люди.

Как-то вечером мы — Владимир Личутин, Михаил Попов и я, прихватив бутылку водки и нехитрую закуску, вышли на берег и уселись на выбеленное морем и ветрами бревно, решив помянуть Юрия Павловича. Белые ночи угасали, кончилась их власть, по горизонту плыл розовый закат, а море пошло полосами — белыми в том месте, где в отлив проступали каменные карги, а за ними уже лежала густая синь. Отсюда видна была изба, в которой останавливался Юрий Казаков, а у входа в нее на стене белела приколоченная писателями и жителями деревни памятная доска. На берегу, сразу за штaketником, ограждающим палисадник, вроде как бился, вспыхивал и гас костерок. Я вспомнил рассказ Павла Кренева о том, что Казаков в эту пору любил посидеть на берегу у костра. Видно, что-то случилось со зрением, потому что я отчетливо разглядел его крупную фигуру, подсвеченную пламенем. И не удивился. Ведь души усопших часто посещают места, которые любили при жизни.

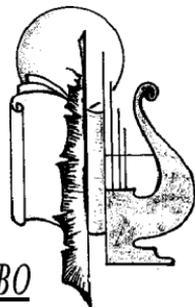
РАССКАЗЫ О РУССКИХ ХУДОЖНИКАХ

КОНСТАНТИН ДМИТРИЕВИЧ ФЛАВИЦКИЙ
(1830 — 1866)

Константина Флавицкого называют художником одной картины, но это не так. Его кисти принадлежат серьезные полотна, хотя и не сыгравшие в искусстве выдающейся роли. Однокашник Флавицкого по Академии художеств Николай Ге признавался, что всех их питало наследие Брюллова, все старались идти за ним — увы, этот путь оказался бесплодным. К тому же Флавицкий не смел отступить ни на шаг от академических правил, отнюдь не способствовавших его творческой индивидуальности.

Он в девять лет остался без отца. Мать, оказавшись после смерти мужа в крайней нужде, отдала Константина в воспитательный дом для бедных детей, где он провел целых семь лет. Но именно там, в воспитательном доме, у мальчика проявились недюжинные художественные способности.

Шестнадцатилетним юношей, по ходатайству дяди, Флавицкий поступил в Рисовальную школу Общества поощрения художеств, где мог не только обучаться живопи-

ИСКУССТВО

си, но иметь ежемесячно 8 рублей стипендии. Вскоре ему вручили билет на посещение академических классов, а через год Константин Дмитриевич уже числился учеником Академии, избрав для себя жанр исторической живописи.

Безропотно следовал он академическим образцам, так что сами учителя удивлялись. За конкурсную работу «Суд царя Соломона» был награждён Малой золотой медалью, а за выпускную картину «Дети Иакова продают своего брата Иосифа», получил Большую золотую медаль и право на заграничную поездку для совершенствования мастерства.

Шесть лет Флавицкий провел за границей как пенсионер Академии. Побывал в Берлине, Дрездене, Париже, жадно осматривая музеи и картинные галереи. Как большинство русских живописцев, остановился на жительство в Риме.

В римский период главной его работой была картина «Христианские мученики в Колизее», заказанная «в полный рост» президентом Петербургской Академии художеств великой княгиней Марией Николаевной. Огромное полотно вмещало в себя свыше двадцати персонажей, труд художника был титаническим, и все-таки оживить эпизод из древней истории он не смог. Кроме отдельных творческих находок, произведение в целом не удалось. Не трогало душу; хотя издевательства над первыми христианами, когда их кидали на растерзание львам, и публика в Колизее ревела от страсти, должны были вызвать духовный подъем.

Но там же, в Италии, за год до возвращения в Петербург, Флавицкий начал картину «Княжна Тараканова». Легенда о ней давала ему возможность, в которой он так нуждался: открыть истинное свое лицо, показать свой истинный дар. Все усилия его были направлены к этому! Двадцать лет пылкий, с сильным художественным воображением Константин Флавицкий должен был скрывать свою настоящую суть, подчиняться всему и всем, но в этой картине он был свободен!

Возвратясь в Петербург, Константин Дмитриевич, вопреки ожиданиям, не получил за «Христианских мучеников» звание академика. С трудом ему удалось добиться разрешения пользоваться мастерской в Академии художеств, при условии, что освободит по первому требованию. Было горько и унижительно — и здоровье его пошатнулось.

Знаменитый критик Владимир Стасов, давно приглядываясь к работам Флавицкого, высоко ценил его дарование. Выступил со статьей против культивирования Академией условной живописи, губящей истинные таланты: «Зачем Флавицкому повторять кого бы то ни было? У него есть свой запас фантазии, своя собственная способность к характери-

стике. Наконец, у него есть свое сокровище душевного огня, страсти, пламенного порыва, что так редко встречается у наших исторических живописцев».

Словно в ответ на эту статью, через два года Флавицкий представил на академической выставке картину «Княжна Тараканова».

Происхождение Таракановой до сих пор вызывает споры. По одним сведениям, она была дочерью императрицы Елизаветы и Алексея Разумовского, по другим — дочерью Елизаветы и Шубина, от которого императрица прижила дочь и сына, и о чем на дыбе сообщили князья Долгорукие. Девочку якобы прятали где-то в Тмутаракани, отсюда и Тараканова.

В середине XVIII века дочерью Елизаветы Петровны назвалась «некая политическая авантюристка», которую, как уверяют историки, выпестовали поляки, чтобы захватить с ее помощью российский престол. По замыслам польских панов она должна была одновременно с Пугачевым явиться среди русских войск и «возмутить их против Екатерины». От такого двойного натиска российский трон бы не устоял, и во время переворота императором сделался бы либо самозванный Петр III (Пугачев), либо на престол взойшла бы «дочь императрицы Елизаветы».

Самозванка получила хорошее воспитание, говорила на нескольких языках, была умна, красива, весела, любезна, владела необыкновенной способностью сводить с ума мужчин. В то время как Пугачев действовал в России, она действовала за границей, переезжая из одного государства в другое, всюду выдавая себя за наследницу русского трона. В России же Пугачев уже взял несколько крепостей и находился под стенами Оренбурга. Башкиры и мещеряки, обольщенные подарками «Петра III», стали нападать на русские селения и толпами переходить к бунтовщикам. Казахский хан Нурала вошел в дружеские сношения с Пугачевым; мордва, черемисы, чувашаи заволновались и перестали повиноваться русскому правительству; служивые калмыки сбегали с форпостов; помещичьи крестьяне Оренбургского края и Поволжья заговорили о воле «батюшки Петра Федоровича». В октябре 1773 года Оренбургский край уже весь был охвачен мятежом!

Почув, что Россия ослаблена, шведский король стал угрожать ей войной, и в России с часу на час ожидали, что шведские войска явятся в Финляндию. Франция тоже обрадовалась возможности ухватить свой кусок: готовилась вмешаться в войну, которую вели между собой Россия и Турция. В Тулоне уже снаряжалась сильная эскадра, чтобы идти на помощь остаткам турецкого флота, сожженного графом Орловым при Чесме.

Известия обо всех этих обстоятельствах, преувеличенные до крайности, расходились по Европе. Король Людовик XV одобрил намерение самозванки ехать в Константинополь и оттуда предъявлять свои права на русский трон. Явилось подложное духовное завещание царицы Елизаветы, в котором она якобы пишет, что «Елизавета Петровна (?), дочь моя, наследует мне и управляет Россией так же самодержавно, как и я управляла. Ей наследуют дети ее, если же она умрет бездетною — потомки Петра, герцога Голштинского». И «законная наследница» стала подписывать свои бумаги «Ее императорское высочество принцесса Елисавета Всероссийская».

Разумеется, обо всем этом знала русская императрица Екатерина. Не желая делать громкую историю, она придумала, как без шума уничтожить «побродяжку». Для исполнения своего плана Екатерина избрала графа Алексея Орлова. В это время европейские газеты уже известили о поимке Пугачева и подавлении пугачевского бунта. Поляки бросили «Елисавету Всероссийскую», но она уже не могла остановиться в своих замыслах, задумав достичь русского престола при помощи Ватикана, обещая за то принять римско-католическую веру и ввести ее в России.

Объехав несколько европейских городов, молодая женщина оказалась в Пизе, где Орлов не замедлил ей представиться. Граф обращался с ней почтительно и почтение свое заявлял как верноподданный. Она не сразу поверила Орлову. О планах своих молчала, но о том, что имеет высочайшее происхождение, говорила не раз. Орлов обо всем доносил в Петербург. Наружность женщины он описывал так: «Росту небольшого, тела очень сухого, лицом не бела, не черна, глаза имеет большие, открытые, цветом темно-карие, косы и брови темно-русы, а на лице есть и веснушки. Свойство она имеет довольно отважное и своею смелостью много хвалится».

Орлов знал о ее влюбчивом характере и с большим искусством разыгрывал из себя влюбленного. Ему было тридцать восемь лет, красавец, огромного роста, силы необычайной — женщина не устояла перед русским богатырем.

Но как овладеть ею, как арестовать и отправить в Россию? Это было не очень легко. Иезуиты, деятельно принимавшие участие в жизни «Елисаветы Всероссийской», зорко следили за всем, что вокруг нее происходит. Орлов их боялся. Употребить против врагов «русской принцессы» яд и кинжал они были очень способны.

Граф склонил женщину к браку с ним. В Пизе православного священника не было, и она согласилась ехать в Ливорно, где базировалась русская эскадра, которой командовал

Орлов, — обвенчаться на адмиральском корабле. По приезде их в Ливорно чуть не все население города высыпало на набережную: граф Орлов был хорошо известен ливорнцам как мастер устраивать великолепные и чудовищно дорогие спектакли. Теперь они тоже ждали какого-нибудь небывалого зрелища, и оно действительно им было предоставлено. На кораблях заиграла музыка, раздались пушечные выстрелы — то был царский салют! Матросы стояли на реях и громко кричали «ура», приветствуя внучку Петра Великого, внучку создателя русского флота!

Женщина была в восторге! С адмиральского корабля спустили кресло, и на нем подняли ее на палубу. Там, под руку с графом Орловым, она приветствовала офицеров и ласково кланялась матросам.

Начались маневры. «Елизавета» стояла у самого борта. Внезапно услышала повелительный голос, оглянулась: ни Орлова, ни свиты на палубе не было. Вместо них стояли вооруженные солдаты.

— По именному повелению ее императорского величества вы арестованы, — объявил капитан. — Граф Орлов уже арестован по приказу адмирала.

Женщина лишилась чувств.

Дальше событие развивалось быстро. Орлов назначил к ней врача, распорядился, чтобы по пути эскадры в Россию за пленницей тщательно наблюдали, особенно во время остановок в иностранных портах; эскадра вышла в море, а сам Орлов отправился в Россию сухопутным путем.

Когда самозванка была доставлена в Петербург, ее поместили в Петропавловскую крепость. Начались допросы. Больше всего интересовало императрицу, кто внушил ей принять на себя имя дочери Елизаветы Петровны? «Внучка Петра I» считала, что такие вопросы неуместны.

Тогда ей прочли по-французски составленное показание и дали подписать. Она взяла перо и твердо подписала: Elisabeth.

— Отберите же у арестантки все, кроме самого необходимого, — велел Голицын страже. — Пищи давать ей столько, сколько нужно для поддержания жизни. — И, обратившись к ней, прибавил: — При таком упрямстве вы не можете ожидать помилования.

У претендентки на русский престол развилась чахотка, признаки которой стали обнаруживаться еще за границей. К тому же она ждала ребенка. Ее перевели в верхний этаж Алексеевского рavelина, в помещение сухое, светлое, состоявшее из нескольких комнат, и давали теперь хорошую пищу, кото-

рую готовили на комендантской кухне. Но смертный конец ее приближался неумолимо.

В конце ноября у нее родился сын. Граф Алексей Орлов сделался отцом. Через несколько дней «Елизавета» умерла, не пожелав даже на исповеди признаться в своем настоящем происхождении. Солдаты, бессменно стоявшие при ней на часах, выкопали в Алексеевском рavelине яму и тайно зарыли труп. Никаких погребальных обрядов совершено не было.

С каким секретом ни содержали захваченную графом Орловым женщину, какую таинственностью ни окружали смерть ее и погребение, все равно разнеслись по Петербургу, а оттуда по другим городам слухи, будто в Петропавловской крепости находилась дочь императрицы Елизаветы.

Прошло два года после смерти «русской принцессы». В 1777 году случилось сильное наводнение в Петербурге, казематы Петропавловской крепости были залиты водой. После чего стали рассказывать, что заточенную княжну Тарakanову не вывели из каземата, и она утонула.

Обо всем этом, конечно же, знал молодой живописец Флавицкий: судьба Таракановой полстолетия обсуждалась в печати и устно — как в России, так и за рубежом. В 1864 году он представил на выставку свою картину «Княжна Тараканова в темнице во время наводнения». Красивая молодая женщина, одетая в поношенное и уже изорванное платье из атласа и бархата, стоит на кровати и в отчаянии смотрит, как крысы наполняют комнату, пробираются на кровать, на платье... В окно с железными решетками хлещет вода.

Критик Стасов восторженно отозвался об этом произведении, заявив, что Флавицкий создал блистательнейшее полотно. «Последние минуты отчаяния и беспомощности натуры страстной, гордой и высокой, последнее томление женщины-красавицы, измученной тюрьмой, но все-таки полной жизни и горячей крови, — что за страшная сцена, но что за чудесная для великого таланта задача!»

Художник Крамской оценил в «Таракановой» драматизм без ложного пафоса, умеренность и равновесие; назвал картину «крупной, а главное, счастливой».

Зрители бессменно толпились возле «Таракановой». Восторги, слезы... затем всё новые толки о дочери императрицы Елизаветы в частных беседах и в переписке... Появилась весьма правдоподобная версия, что Тараканова — дочь Елизаветы Петровны и камер-пажа Ивана Шувалова. Роман Елизаветы с Шуваловым начался в 1749 году, и возраст их дочери совпадал с возрастом пленницы, находившейся в

Петропавловской крепости. Но если все так, то, значит, в застенках скончалась настоящая наследница русского трона?..

Александр II распорядился в каталоге выставки против произведения Флавицкого сделать отметку: «Сюжет картины заимствован из романа, не имеющего исторической истины». После чего сменили и название картины, упирая на то, что это легенда. Однако же в публике только сильнее укрепилась уверенность, что Екатерина II, преступным путем завладевшая русским тронem, уничтожила внучку Петра Великого!

Совет Академии художеств присвоил Флавицкому высокое звание профессора, но приобрести «Княжну Тараканову» Академия не решилась. Купить картину выразил желание Павел Михайлович Третьяков.

— Ваша картина делает честь русской школе, и тем более что произведено в России, а не за границей! — горячо похвалил он художника.

Третьяков предлагал 3000 рублей серебром, но Константин Флавицкий запросил 5000, и Третьяков отказался.

Спустя полтора года, с детства слабым здоровьем Константин Дмитриевич умер от чахотки, заболев ею еще в Италии. Чрезмерное напряжение при работе над «Таракановой», постоянное безденежье, петербургская сырость — всё способствовало скорой развязке. Ему не исполнилось и тридцати шести лет.

После смерти художника его братья повезли картину в Париж на Всемирную выставку, надеясь получить за нее 60 000 франков. Владимир Стасов сокрушался по этому поводу: «Какова же будет участь бедной картины теперь? Купит ли ее на Всемирной выставке ради курьезного русского сюжета какой-нибудь иностранный аматер... или она вернется к нам и будет продолжать свои мытарства?..»

Братья Флавицкие ошиблись в покупательной способности иностранцев, и в 1867 году картина была продана Третьякову за 4000 рублей серебром, став первым историческим произведением в его художественном собрании.

**Главный редактор журнала «Молодая гвардия»
Валерий Хатюшин
отвечает на вопросы проекта «Журнальная Россия»**

— *Как и когда возник Ваш журнал? Кто стоял у его истоков?*

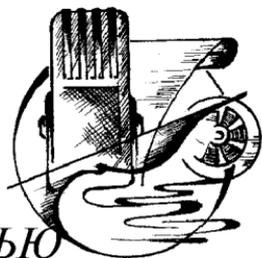
— Журнал «Молодая гвардия» — старейший в России. Основан в 1922 году. Создавался он как комсомольско-космополитический журнал по инициативе Л.Троцкого. И первым главным редактором стал его родственник Леопольд Авербах, в дальнейшем расстрелянный за связь с Троцким. Но постепенно журнал преобразался, в него стал проникать патриотический дух через талантливые произведения русских авторов. В «Молодой гвардии» начали публиковаться Сергей Есенин, Владимир Маяковский, Михаил Шолохов, Дмитрий Фурманов, Вячеслав Шишков. А в 1934 году именно в нашем журнале был опубликован знаменитый роман Николая Островского «Как закалялась сталь».

— *Писатели, сделавшие имя журналу?*

— В послевоенные годы почти все крупные советские писатели, составляющие гордость и славу отечественной литературы, прошли через страницы «Молодой гвардии». Назову самых известных и самых бесспорных из них — Петр Проскурин, Юрий Бондарев, Валентин Пикуль, Федор Абрамов, Николай Носов, Василий Шукшин, Анатолий Иванов, Иван Шевцов, Владимир Солоухин, Сергей Видулов, Владимир Фирсов, Николай Кузьмин. Впрочем, всех не перечислить. Причем я назвал только художников слова. А сколько прошло через наш журнал талантливых критиков и публицистов!

— *Какова художественная и политическая идеология журнала? Чем Ваш журнал отличается от множества других?*

— С середины 60-х годов прошлого века, с приходом на должность главного редактора Анатолия Васильевича Никонова, «Молодая гвардия» первой среди толстых литературных журналов смело и бесповоротно встала на национально-патриотические рельсы. И уже с них не сходила. Что вызвало тогда большое неудовольствие в партийных верхах и скрежет зубовой в т.н. в космополитической печати. Отчего в конце концов и пострадал А.Никонов. Постановлением ЦК партии в 1970 году он был переведен на другую работу. Однако главным редак-

НАШЕ ИНТЕРВЬЮ

тором стал его заместитель — молодой, но уже громко заявивший о себе крупными, прямо-таки эпохальными произведениями прозаик — Анатолий Степанович Иванов. Если кто-то в наше время не читал, то хотя бы смотрел многосерийные фильмы, снятые по его книгам: «Вечный зов» и «Тени исчезают в полдень». Кстати, позже тоже по его роману был снят фильм «Ермак». Анатолий Иванов не только продолжил, но и укрепил, расширил русское, национально-патриотическое направление журнала, открыв двери самым смелым, самым бескомпромиссным, самым талантливым русским авторам. (Кстати сказать, именно при нём я пришел на работу в журнал.) Особый вес в журнале приобрел жанр публицистики. Статьи, которые в 80-е, а затем в 90-е годы печатались в «Молодой гвардии», читались взхлёб всей страной. И как бы либерально-патриотическая печать ни поносила на чём свет стоит наш журнал, ничего уже с ним поделаться она не могла. Национальный дух, стремление к правде и справедливости и сила таланта были главным оружием наших авторов.

— *Творческое кредо главного редактора?*

— Оно исходит из творческого кредо меня как писателя... Основываясь на своем литературном опыте и понимании сущности творчества, я подхожу и к редакторской работе. Всё художественно талантливое и всё важное, ценное для русской культуры, что поступает в редакцию, должно увидеть свет и выйти к читателю. А всё чуждое и враждебное нашей культуре, пока я на этой должности, никогда не найдет здесь места.

— *Главные проблемы русской публицистики и литературы сегодня?*

— Национальная культура строится на истории, религии и душе народа. Национальный художник, отражая картины бытия и свои личные переживания, всегда должен помнить о том, что он частица этой культуры — истории, веры, природы, земли и народной души. Без этого не может быть национального художника. Он должен понимать, что он не случайный гость на той земле, на которой рождён. И Божьим даром надо распоряжаться с большой ответственностью. Писатель без национального стержня для меня — не писатель. Особенно это касается русского писателя или публициста. Потому что великий русский язык и гениальные художники создали великую русскую литературу. Не понимать этого — значит, вообще ничего не понимать в культуре как таковой.

— *Назовите лучших (на Ваш взгляд) поэтов, прозаиков и публицистов, напечатанных в Вашем журнале в последние годы.*

— За последние годы у нас вышло очень много замечательных прозаиков, поэтов и публицистов. Не решаюсь сказать, кто из них лучший. Назову ряд имен. Прозаики: Иван Уханов, Юрий Пахомов, Эдуард Алексеев, Нина Бойко, Михаил Еськов. Поэты: Василий Казанцев, Людмила Щипахина, Юрий Воротнин, Анатолий Аврутин, Светлана Супрунова, Эмма Меньшикова, Вера Кузьмина. Публицисты: Валентин Катасонов, Михаил Лемешев, Всеволод Троицкий, Людмила Фионова, Ольга Четверикова.

— *По каким признакам отдается предпочтение авторам, публикуемым у Вас?*

— По тем признакам, которые изложены мной при ответе на вопрос о творческом кредо.

— *В каких регионах России читатели знают Ваш журнал?*

— «Молодая гвардия» ровно через год будет отмечать свое 95-летие. За эти годы журнал приобрел большую известность, и, надеюсь, заслуженное признание. Поэтому вряд ли в нашей стране есть регионы, в которых не слышали об этом журнале. Вот только читают люди литературные журналы всё меньше и уж тем более всё меньше подписываются на них. А ведь мы существуем исключительно на средства, полученные от подписки.

— *Источники финансирования (степень экономической самостоятельности)?*

— То ли к счастью, то ли к сожалению, как и многие другие литературные журналы, мы давно уже «экономически самостоятельны». Это означает, что зависим мы только от заинтересованного читателя, который не разучился думать и понимать, который живет духовной жизнью и который желает знать правду.

— *Каково отношение к журналу (к авторам и литературе вообще) властей? Оказывается ли какая-то поддержка?*

— Отношение властей к журналу — никакое, безразличное. Но бывали и наезды за некоторые публикации по доносам лиц либеральной национальности. Правда, всякий раз ничего противозаконного не находили. Но нервы трепали. Должен честно сказать: в Кремле наших авторов не награждают. Это и есть «отношение властей».

Иногда участвуем в социально значимых проектах Федерального агентства по печати, когда эти проекты отвечают направлению журнала. В этих случаях получаем небольшое субсидирование, которого хватает на выпуск двух номеров. (В год выпускаем восемь номеров.) Потом, правда, кропотливо отчитываемся за каждый полученный рубль.

— *Только ли финансовые проблемы мешают «журнальной литературе»? Каковы проблемы подписки и распространения?*

Ощущается ли падение интереса к чтению? Или наоборот — есть ощущение возрождения интереса к чтению?

— В последние 20 лет произошло резкое падение интереса людей к чтению. За это время тиражи абсолютно всех литературных журналов, как либеральных, так и национально-патриотических, значительно упали. Очень многие журналы находятся на грани, еле-еле сводят концы с концами. Тут сказалось всё — и общая культурная деградация населения, и изменение жизненных ценностей, и засилье Интернета, и бешеная инфляция, и удорожание типографских услуг, аренды помещений, коммунальных платежей и т.д. Всё это влияет на цену и подписку журнала. Естественно, не в лучшую сторону. Библиотекам сокращают финансирование, и многие из них вынуждены отказываться от подписки на журналы. А власти разводят руками: мол, крутитесь, как хотите, это ваши проблемы.

— Есть ли у журнала интернет-версия? Каково процентное соотношение читателей? Какую версию (бумажную или электронную) читает большее количество читателей?

— Да, есть. В Интернете журнал читает (или просматривает) в основном молодежь или среднее поколение. Более старшее — читает бумажный вариант, они же и являются основными подписчиками.

— Что, на Ваш взгляд, может вернуть (и может ли) всенародный интерес к журналам? Что в этом плане могла бы сделать центральная власть? Каким Вам видится будущее «бумажных» журналов?

— С сожалением приходится констатировать, что власти не озабочены состоянием и жизнью литературных журналов, бросив их на произвол судьбы, во власть т.н. «рынка». И все наши разговоры о том, что культуру, творческий труд государство обязано поддерживать, пестовать, дотировать, поощрять, уходят в пустоту. Только государственная пропаганда журнальной деятельности могла бы возродить всенародный интерес к журналам и произведениям, публикуемым в них. Как это было в СССР. Однако при нынешнем безразличном отношении власти к этой проблеме будущее у «бумажных» журналов, к сожалению, незавидное. Что же касается нас, то мы держимся исключительно за счёт необыкновенно интересного содержания КАЖДОГО номера «Молодой гвардии».

Приглашаем российского читателя на наши страницы. Говорю без лукавства: кто однажды открыл для себя этот журнал, тот с ним уже не расстанется.

Индекс «Молодой гвардии» в каталоге Роспечати: 70544.